СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 13/4

2015

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научно-практический журнал

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 25 сентября 2009 г.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-37683

Учредитель –
Южный федеральный университет

Главный редактор –
академик РАО,
д.биол.наук, профессор
Ермаков П.Н.

Журнал издается с 1996 г.,
выходит 4 раза в год
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Научно-практический журнал
2015 г. ➤ № 13/4

Выпускающий редактор –
Буняева М.В.

Ответственный секретарь –
Обухова Ю.В.

Компьютерная верстка –
Кубеш И.В.

Редакционный совет

д.пс.наук, профессор Акопов Г.В.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Асмолов А.Г.
д.пс.наук, профессор Аллахвердов В.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Бондырева С.К.
д.пс.наук, профессор Забродин Ю.М.
д.пс.наук, профессор Знаков В.В.
член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Карпов А.В.
академик РАО, д.пед.наук, профессор Малофеев Н.Н.
д.пс.наук, профессор Марьин М.И.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Рубцов В.В.
член-корреспондент РАО, д. пс. наук, профессор Реан А.А.
д.пс.наук, профессор Рыбников В.Ю.
д.пс.наук, профессор Тхостов А.Ш.
д.пс.наук, доцент Цветкова Л.А.
д.пс.наук, профессор Черноризов А.М.
академик РАО, д.пс.наук, профессор Шадриков В.Д.

Редакционная коллегия

член-корреспондент РАО, д.пс.наук, профессор Абакумова И.В.
д.биол.наук, профессор Бабенко В.В.
д.пс.наук, профессор Белоусова А.К.
д.пс.наук, профессор Воробьева Е.В.
д.пс.наук, профессор Джанерьян С.Т.
канд.пс.наук, доцент Дикая Л.А.
д.пс.наук, профессор Лабунская В.А.
д.пс.наук, профессор Рюмшина Л.И.
д.пс.наук, профессор Сидоренков А.В.
д.пед.наук, профессор Федотова О.Д.
д.пед.наук, профессор Фоменко В.Т.
д.филос.наук, профессор Шкуратов В.А.

Адрес редакции:
344038, Ростов-на-Дону,
пр. Нагибина, 13, ком. 518.
Тел. (863) 243-15-17; факс 243-08-05
E-mail: rpj@bk.ru

Подписано в печать 24.12.2015
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Myriad Pro.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,13.
Тираж 1000 экз. Заказ № 34/15

Перепечатка материалов только по согласованию с Редакцией.
© Северо-Кавказский психологический вестник

СОДЕРЖАНИЕ

БИОГРАФИЯ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С. Н. ШПИЛЬРЕЙН В КОНТЕКСТЕ ЕЕ ЭПОХИ

Акименко Д. А.
Сабина Шпильрейн. Основные вехи жизни знаменитой жительницы Ростова-на-Дону 7

Барсукова О. В.
Научный путь Сабины Шпильрейн как предмет биографического исследования 11

Шпагин С. А.
Феномен Сабины Шпильрейн: контекст эпохи и востребованность наследия 15

ВЛИЯНИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЙ НА ВОЗРАСТНУЮ И ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц., Масаева З. В.
Развитие эмоциональной компетентности педагога как инициация формирования смыслообразования учащихся 18

Багова Р. Х.
Репрезентация школьниками собственных психозащитных стратегий в ситуациях учебного взаимодействия 22

Бреус Е. Д.
Представления о себе и партнере как детерминанты деструктивного педагогического общения 26

Дудникова А. А., Беликова М. А.
Рассмотрение проблемы альтернативного позиционирования с позиции проявления его крайних форм 30

Звездина Г. П., Князева Е. В.
Роль психологических защит личности педагога в условиях реализации современных требований ФГОС 33

Раева Д. А.
Теоретико-психологическая модель экологичного самосознания современных подростков 36

Филиппова А. В.
Влияние порядка рождения на формирование социометрического статуса 39

Чернова А. А., Савинова Ю. М.
Особенности воззрений З.Фрейда и его последователей на сущность взросления и самоопределения растущего человека 42

ДЕСТРУКЦИЯ, ВЛЕЧЕНИЕ К СМЕРТИ, АГРЕССИЯ – КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПТЫ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Абакумова И. В., Ачина А. В., Коленова А. С.
Выявление агрессивного радикала с помощью теста чернильных пятен Г. Роршаха 45

Акопова Л. И.
Деструкция как причина становления, или явление, опережающее событие 48

Афанасенко И. В.
Развитие представлений С. Шпильрейн о деструкции как причине становления в контексте трансперсональной и интегральной теорий психологии 50

Буняева М. В., Ковш Е. М.
Агрессия и деструкция в фокусе психоанализа 55

Зинченко Е. В., Рудя И. А.
Субъективное ощущение одиночества у женщин 58

Лукьяненко М. А.
Проблема агрессивности и деструктивности в общении 61

Михайлюк Е. Б., Манукян Г. И.
Трансгенерационные истоки идеи деструкции и формирования психоаналитической идентичности Сабины Шпильрейн 64

Сидоренков А. В.
Деструкция в малых группах 68

ЖЕНСКИЕ ГОЛОСА И СУДЬБЫ В ИСТОРИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Дейнекина А. С., Обухова Ю. В.
Сплетение судеб: С. Шпильрейн, К. Хорни, А. Фрейд 72

Касьянова Д. В.
Женщина в истории психологии: тень или непринятая обществом жертва 76

Романович Т. Л.
Вклад женщин в развитие психоанализа 78

ПСИХОАНАЛИЗ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Бабиянц К. А.
Несколько слов в пользу позитивной психотерапии 82

Белова Е. В.
Балинтовская группа сквозь призму модели трехпозиционного описания 86

Богуславская В. Ф.
Бессознательное восприятие манипуляционного воздействия на индивидуальные представления при формировании антитеррористического сознания личности 89

Зинченко Е. В.
Феномен сублимации в свете современных представлений о причинах возникновения стресса 91

Кайдановская И. А.
Осознание как инструмент психотерапии, обучения и воспитания 94

Мануйлова О. В.
Рефлексивная игра как профилактика молодежного экстремизма сквозь призму позитивной психотерапии 97

Мартыненко Т. С., Дейнекина А. С.
Влияние психоанализа на современную психотерапию 101

ПСИХОАНАЛИЗ И ОБРАЗОВАНИЕ

Коломийченко Е. В.
Самоотношение студентов, «приобщенных» и «не приобщенных» к спорту, как предмет для психоанализа 104

Обухова Ю. В., Обухова С. Г.
Образ Сабины Шпильрейн в восприятии студентов непсихологических специальностей 107

Попова Ю. А., Бреус Е. Д.
Деструктивные формы обратной связи в межличностном общении студентов 111

Черемисова И. В.
Харизматическая личность в пространстве элитарного образования 114

ПСИХОАНАЛИЗ И СОВРЕМЕННЫЕ ПОВЕДЕНЧЕСКИЕ НАУКИ

Шкурко Т. А.
Мать, отец, ребенок в сложной системе взаимоотношений в семье 118

Шкурко Т. А., Ломова М. А.
Психоаналитическая модель контроля и современные представления о контроле в близких эмоциональных отношениях 122

РОЛЬ С. Н. ШПИЛЬРЕЙН В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ПСИХОАНАЛИЗА

Глушко Н. И.
Влияние идеи Сабины Шпильрейн на развитие психоаналитической теории 126

С. Н. ШПИЛЬРЕЙН МЕЖДУ ЮНГОМ И ФРЕЙДОМ: ПРЕРВАННЫЙ ДИАЛОГ ДВУХ ШКОЛ ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ .....

Филатов Ф. Р.
Сабина Шпильрейн на перепутье психоанализа: Фрейд и / или Юнг? 129

РЕЗЮМЕ ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ 132

НАШИ АВТОРЫ / OUR AUTHORS 155

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ 164

САБИНА ШПИЛЬРЕЙН. ОСНОВНЫЕ ВЕХИ ЖИЗНИ ЗНАМЕНИТОЙ ЖИТЕЛЬНИЦЫ РОСТОВА-НА-ДОНУ

Акименко Д. А.

Данная работа посвящена биографии С. Н. Шпильрейн. В статье отражены основные моменты жизни Сабины Николаевны и ее научные труды. Описана роль, которую сыграла С. Н. Шпильрейн в психоанализе. В фокус внимания попали различные стороны ее личности. Сабина Николаевна описывается и как психоаналитик, и как женщина с непростой, трагичной судьбой. В статье описаны ее отношения с К. Юнгом и З. Фрейдом, то, как менялись их взгляды по поводу С. Н. Шпильрейн: восприятие ее в роли пациентки сначала, а затем в качестве ученицы и даже коллеги. Данная работа призывает напомнить о том, что вклад этой женщины в психологическую науку достаточно велик, и мы не имеем права забывать о ее фигуре в истории психоанализа.

Ключевые слова: *Сабина Шпильрейн, психотическая истерия, Бургхельцли, К. Юнг, ассоциативный эксперимент, З. Фрейд, деструкция, психоанализ, Русское психоаналитическое общество, П. Н. Шефтель.*

Сабина Николаевна Шпильрейн родилась в Ростове-на-Дону 7 ноября 1885 года. Ее отцом был Николай Аркадьевич Шпильрейн, купец 1-ой гильдии, по образованию – энтомолог. Мать – Ева Марковна Шпильрейн, врач-стоматолог. Так как Николай Аркадьевич был выходцем из Варшавы, семья Шпильрейн с 1890 по 1894 год проживала в столице Польши [2].

Сабина Николаевна была одаренным ребенком. Она имела талант к изучению иностранных языков, а также обладала литературными способностями. У нее была младшая сестра Эмилия (1895–1901) и младшие братья – Ян (1887–1938), Исаак (1891–1938) и Эмиль (1899–1938). Сестра умерла в детстве, т. к. была больна тифом, братья же стали жертвами сталинских репрессий [2].

В семье Шпильрейн были установлены строгие правила, т. к. отец стремился дать достойное образование детям во что бы то ни стало. Известно, что в определенные дни недели Сабина Николаевна и ее братья, по расписанию, составленному отцом, говорили только на французском, немецком и английском языках. Если же случались какие-то нарушения, то они влекли за собой наказания [2].

В подростковом возрасте у Сабины Николаевны сложились непростые отношения с отцом, т. к. он часто прибегал к рукоприкладству. С матерью у девушки случались конфликты [2].

В 1903 г. после окончания с золотой медалью Екатерининской гимназии в Ростове-на-Дону у Сабины Николаевны было выявлено психическое расстройство, причиной которого могла стать смерть младшей сестры Эмилии. Сабина Шпильрейн могла подолгу не общаться с семьей, на обращения к ней отвечала гримасами и неразборчивыми звуками. У нее были кошмарные сны, навязчивые идеи, острые головные боли, а настроение отличалось крайней неустойчивостью: девушка то плакала, то истерически смеялась. Поэтому в апреле 1904 г. Ева Марковна Шпильрейн отвезла свою дочь в Швейцарию. Сабина Николаевна пробыла месяц в санатории доктора Геллера в Интерлакене, но положительного результата не последовало. Было решено отправить Сабину Николаевну в Цюрих на кон-

сультацию к известному врачу-невропатологу Константину Монакову. Но он отказался лечить девушку [1].

Летом 1904 г. в отель «Baur en Ville» прибыла Ева Марковна Шпильрейн, ее брат – доктор Люблинский и дочь – Сабина Шпильрейн. 17 августа 1904 г. в отеле у Сабины случилось истерическое возбуждение. Девушка кричала и била посуду. Она не хотела оставаться в отеле и просила, чтобы ее отвезли в больницу [1].

Врач Рудольф Бион решает госпитализировать Сабину Николаевну. После обращения в санитарную полицию он отправляет девушку в клинику Бургхельцли к Эугену Блейлеру. Девушка уверяла, что она просто переволновалась в отеле и не могла находиться в шумном окружении людей. Она то смеялась, то плакала. У нее отметили сильный нервный тик. Сабина Николаевна трясла головой, высовывала язык, дергала ногами и жаловалась на головную боль. Окончательный диагноз был поставлен после обобщения клинических данных – психотическая истерия [1].

Лечащим врачом Сабины Шпильрейн был назначен молодой психиатр Карл Густав Юнг (1875–1961). Он увлекался психоанализом, идеями З. Фрейда и стремился использовать его психоаналитические методы в своей практике [2].

Из данных анамнеза следовало, что Сабина фиксирована на личности своего отца. Из-за непростых отношений она испытывает к нему двойственные чувства. Также из этих данных было выявлено, что девушка начала проявлять интерес к темам, касающимся сексуальности и смерти, достаточно рано. К. Юнг пришел к выводу, что в случае Сабины Шпильрейн будет действенен психоаналитический подход, и решил использовать его в работе с девушкой. Одним из инструментов изучения картины заболевания стал ассоциативный тест. Этот метод был ключом для эмпирического исследования бессознательных эмоционально заряженных комплексов. Испытуемой предъявлялись различные эмоциогенные вербальные стимулы, а затем производилось фиксирование ответных реакций, в частности, их скорости, интенсивности, эмоционального заряда и других характеристик. Кроме того, К. Юнг в своей терапии использовал длительные беседы, прогулки по парку клиники, иногда с выходом за ее пределы. Историю болезни и лечения девушки К. Юнг обсуждал в переписке с З. Фрейдом (она получила кличку «малышка») и в докладе на Первом Международном конгрессе по психиатрии и неврологии в Амстердаме в 1907 г. [2].

В 1905 г. Сабина Шпильрейн влюбилась в своего лечащего врача К. Юнга, несмотря на то, что он был женат. Духовная близость между ними возникла на основе общих интересов в философии, мифологии, искусстве, музыке Р. Вагнера и психоанализе (которым Сабина Николаевна начала увлекаться, будучи пациенткой). Тем не менее, К. Юнг впоследствии стал отдаляться от Сабины Шпильрейн, желая тем самым сохранить свой брак [2].

1 июня 1905 г. курс психоанализа в случае Сабины Шпильрейн был успешно завершен. Наблюдался яркий терапевтический эффект. Девушка мечтала о поступлении в медицинский университет, и уже в апреле 1905 г. она была включена в списки студентов медицинского отделения университета Цюриха. Во время учебы С. Шпильрейн интересовалась проблемами психотерапии, психоанализа и педологии. После сдачи выпускных экзаменов в 1909 г. она работала интерном в клинике Э. Блейлера. Там у нее случился конфликт с К. Юнгом, после которого она все-таки восстановила отношения со своим бывшим врачом в ходе переписки. К. Юнг был научным руководителем ее диссертации «О психологическом содержании одного случая шизофрении». Она была защищена в 1911 г., после чего С. Шпильрейн получила степень доктора медицины. Летом 1911 г. С. Шпильрейн ненадолго вернулась в Россию. В Ростове-на-Дону она прочитала свою первую лекцию по психоанализу [2].

В октябре 1911 г. С. Шпильрейн переехала в Вену. Там она прожила до марта 1912 г. В Вене Сабина познакомилась с З. Фрейдом. 11 октября 1911 г. она была принята в Венское психоаналитическое общество. Известно, что 29 ноября 1911 г. на одном из его заседаний Сабина Шпильрейн сделала доклад «О трансформации», в котором она изложила основные идеи своей работы «Деструкция как причина становления». Впоследствии данный труд стал очень известен среди психоаналитиков.

Основной идеей для статьи стала мысль о том, что в человеке происходит борьба между двумя силами – сексуальным влечением (Эрос) и стремлением к деструкции, к разрушению (Танатос) [4].

1 июня 1912 г. в Ростове Сабина Шпильрейн вышла замуж за врача-педиатра и специалиста по нервным и внутренним болезням Файвела Нотовича (Павла Наумовича) Шефтеля. 17 декабря 1913 г. в Берлине у них родилась дочь Рената. До весны 1914 г. супруги жили там. С. Шпильрейн работала в психоневрологической клинике профессора Бонхофера, позже в Мюнхене, в котором она изучала мифологию и историю искусств. С 1912 по 1918 гг. К. Юнг и С. Шпильрейн обменивались письмами крайне редко [2].

В августе 1914 г., после начала Первой мировой войны, муж Сабины вернулся в Ростов. Возможно, причиной этому стал К. Юнг, т. к. С. Шпильрейн по-прежнему испытывала к нему чувства, несмотря на то, что близкие отношения с ним она прекратила [1].

С 1914 по 1923 гг. С. Шпильрейн жила в Женеве вместе со своей дочерью. В сентябре 1920 г. она сделала доклад на 6-м конгрессе Международной психоаналитической ассоциации в Гааге. В сентябре 1922 г. С. Н. Шпильрейн участвовала в 7-м конгрессе Международной психоаналитической ассоциации в Берлине. Деятельность Сабины Шпильрейн обеспечила признание Русского психоаналитического общества [3].

К 1923 г. С. Шпильрейн опубликовала 26 работ, посвященных психоанализу сексуальных проблем. Так как в финансовом плане жизнь в Швейцарии была тяжелой, Сабина Николаевна приняла решение вернуться в Россию. Это случилось весной 1923 г. Сначала она переехала в Москву, где работали ее младшие братья [2].

Осенью 1923 г. С. Н. Шпильрейн вступила в Русское психоаналитическое общество. С сентября 1923 г. она стала научным сотрудником Психоаналитического института. Там она вела семинар по детскому психоанализу, некоторые учебные курсы, читала лекции по психологии бессознательного мышления, проводила амбулаторный прием [3].

Русское психоаналитическое общество было ликвидировано в 1930 г. Но его члены, в том числе и С. Шпильрейн, публиковались за рубежом примерно до 1933 г.

В июле 1924 г. Сабину Николаевну лишили возможности вести прием больных в детском доме–лаборатории. Эта и другие причины, связанные с ограничением научной и практической деятельности, послужили причиной переезда С. Шпильрейн в родной Ростов-на-Дону. Предположительно это случилось в первой половине 1925 г. Вернувшись, она вновь сошлась со своим мужем после долгой разлуки, который до этого жил в гражданском браке с ростовчанкой. Сабина Шпильрейн 18 июня 1926 г. родила дочь Еву. У Сабины Николаевны и ее супруга были глубокие чувства, несмотря на то, что П. Н. Шефтель отличался вспыльчивостью и некоторыми странностями. После смерти мужа Сабина Николаевна постаралась сохранить тот порядок на столе П. Н. Шефтеля, в каком он его оставил [2].

Нет точных сведений, где работала С. Шпильрейн, переехав снова в Ростов-на-Дону. Есть предположения, что она могла преподавать в Северо-Кавказском государственном университете или работать в детской поликлинике [2].

«Детские рисунки с открытыми и закрытыми глазами» была последней известной опубликованной статьей Сабины Шпильрейн. Она посвятила эту работу своему отцу, который перевел ее на немецкий язык. С 1923 по 1931 гг. за рубежом вышло ее 8 статей на немецком и французском языках [1].

В 1931 г. Сабина Николаевна приняла участие в 7-й Международной психотехнической конференции в Москве, организованной ее братом Исааком. Она работала педологом в школе. После разгрома педологии в СССР в 1936 г. С. Шпильрейн сменила работу на должность школьного врача [2].

Братья Сабины Шпильрейн стали жертвами сталинских репрессий, а отец погиб 17 августа 1938 г. Таким образом, Сабина Николаевна осталась без близких родственников [1].

В июле 1942 г. сгорел дом, в котором проживала семья Сабины Шпильрейн-Шефтель. Это случилось во время бомбардировок и боев за Ростов-на-Дону. Сабина Николаевна вместе с детьми переселилась в свободную квартиру, находившуюся недалеко от сборного пун-

кта евреев. 11 или 12 августа 1942 г. Сабина Шпильрейн и обе ее дочери были расстреляны вместе с десятками тысяч ростовских евреев в Змиёвской балке. Этим трагичным событием завершилась жизнь Сабины Николаевны Шпильрейн-Шефтель [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рихебехер С.* Сабина Шпильрейн: Почти жестокая любовь к науке. – Ростов-н/Д: Феникс, 2007.
2. *Филатов Ф. Р.* Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой. – Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2004.
3. *Филатов Ф. Р.* Две альтернативные теории влечений в истории психоанализа // Психоаналитический вестник. – 2003. – № 11.
4. *Шпильрейн С.* Психоаналитические труды. Пер. с англ., нем. и франц. / Под науч. ред. С. Ф. Сироткина, Е. С. Морозовой. – Ижевск: ИД ERGO, 2008.

НАУЧНЫЙ ПУТЬ САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН КАК ПРЕДМЕТ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Барсукова О. В.

В статье представлены результаты предварительного биографического анализа научного пути С. Н. Шпильрейн. С. Шпильрейн по праву считается новатором нескольких направлений психоанализа – деструктивного влечения, детского психоанализа, исследования мышления и речи, психологии женщины, сочетания психоанализа с другими методами психологии, обращения к нейрофизиологии и нейропсихологии.

Ключевые слова: *биографический анализ, научный путь, жизненная позиция, личностные характеристики, мотивация научной деятельности, успешность научной деятельности.*

Нелегко ответить на вопрос, почему человеком овладевает интерес к какой-либо области знаний, предназначенной занять важное место в его жизни. Возможно, он родился с задатками, побуждающими его к определенному поприщу, или сыграло свою роль влияние известных учителей, или современных идей, или личного опыта, который вывел его на дальнейший путь интересных ему занятий – кто знает, какой из этих факторов определил ход его жизни? Действительно, если вам хотелось бы узнать относительное влияние всех этих факторов, нет ничего проще, чем обратиться к подробной исторической автобиографии и таким образом попытаться ответить на вопросы

(Э. Фромм «Избавление от иллюзий»).

Сабина Николаевна Шпильрейн является одной из самых ярких, неординарных фигур, определивших направление в развитии психоанализа. Но в силу самых разных факторов она была забыта так, как будто ее и не было в мировом психоаналитическом сообществе. Возникший к ней относительно недавно интерес первоначально был направлен на ее личную жизнь, на смакование ее отношений с К. Юнгом, т. е. сама по себе, как самобытный психоаналитик, она еще не привлекала внимания. Сейчас к ней, к ее жизни, ее научному пути обращено искреннее внимание ученых разных стран, преподавателей, студентов и др. В настоящей статье показаны первые результаты предварительного исследования ее научного пути.

Теоретико-методологическим основанием к разработке схемы анализа научного пути С. Н. Шпильрейн послужил интегративный подход и исследования жизненных ориентаций Е. Ю. Коржовой.

Исследование научной биографии С. Н. Шпильрейн включало в себя два блока – направленность личности и реализация личности в научной деятельности.

Блок «Направленность личности» включает в себя характеристики жизненной позиции и собственно личностные характеристики.

Характеристики жизненной позиции:

В *отношении к жизни* у Сабины Шпильрейн выделяется понимание жизни как ценности, любви к ней, активная жизненная позиция. Ее *поступки* связаны с самосовершенствованием и служением людям. *Поле жизнедеятельности* отличается единством знания и поступка, внутренней свободой, целостностью и бескорыстием в познании мира. *Тип жизненной ориентации* характеризуется преимущественно творческой жизненной направленностью, о чем свидетельствует выраженный радикал жизнетворчества. При анализе *жизненных ситуаций,*

проявляющих направленность, были выделены следующие: экстремальные ситуации (репрессии и расстрел братьев, Первая и Вторая мировая война, оккупация); ситуации, требующие публичного отстаивания позиции; затрудненное материальное положение; повседневный добросовестный труд, при отсутствии ярких событий. Сабине Шпильрейн присущи такие *нравственные характеристики*, как: сознательный труд над собой, строгий нравственный суд самого себя, чередование периодов удовлетворения результатами деятельности с периодами крайней неудовлетворенности собой и своей работой. *Жизненную задачу* она видит в служении своим творчеством, в научном познании.

Собственно личностные характеристики:

Организация внутреннего мира характеризуется неординарностью, исследовательской напряженностью, тяготением к внутренней целостности, порой противоречивостью, сомнениями в своей женской привлекательности и интеллектуальных способностях, загадочностью и одновременно простотой.

Способ взаимосвязи внутреннего и внешнего мира отличается обостренной восприимчивостью, переживанием единства с миром, полнотой бытия в творчестве.

В реализации внутреннего мира вовне отмечаются напряженные внутренняя и внешняя жизнь.

Среди *наиболее информативных характеристик личности* были выявлены: подчинение личного научному, нравственные качества, любознательность, готовность делиться своими идеями с другими.

К способам *самопомощи*, к которым прибегает Сабина Шпильрейн как ученый, относятся: работа «не жалея себя», внутренне сильный характер, ведение дневника, увлечение музыкой. По признанию С. Шпильрейн, она испытывает наслаждение от своей работы и чувствует себя призванной к этой деятельности.

Блок «Мотивация научной деятельности» состоит из двух частей: ситуативные факторы; личностные факторы.

Ситуативные факторы:

С. Н. Шпильрейн получила прекрасное *образование*, владела несколькими иностранными языками настолько хорошо, чтобы проходить психоанализ в качестве пациента, а позже – аналитика, проводить научное исследование, писать статьи, читать лекции. В сферу ее интересов, помимо психиатрии и психоанализа, входят философия (преимущественно русская и немецкая), мифология, лингвистика, история искусств, музыка.

Профессиональное положение и карьерное продвижение Сабины Шпильрейн можно охарактеризовать как неравномерное, что во многом обусловлено социально-политической ситуацией в Европе и Советском Союзе. Она – первая женщина в мире, защитившая докторскую диссертацию по психоанализу. С. Шпильрейн последовательно является членом Венского, Швейцарского и Российского психоаналитических обществ. Она публикуется в ведущих психоаналитических журналах и преподает в университетах Европы. Параллельно с этим она занимается практикой (так, например, она была аналитиком Ж. Пиаже). Однако часто она находится в поиске заработка (работала хирургом, шила одежду) и просит своих коллег (в частности, З. Фрейда) посылать к ней клиентов.

В Советском Союзе она преподает в государственном институте психоанализа, занимает должность заведующего секцией детской психологии в 1-м Московском университете, входит в руководство Русского психоаналитического общества, открывает детский сад, ведет амбулаторный прием. После запрета психоанализа и педологии в Советском Союзе Сабина Шпильрейн возвращается в родной город, работает школьным врачом и предположительно преподает в университете.

Финансовое благополучие: период высокого материального благополучия (особенно до Первой мировой войны) сменяется периодами нужды, неустроенности.

Имидж: эпатаж и подчеркнутая независимость от мнения окружающих, нарочитая небрежность в одежде характерны для периода обучения в университете; аккуратность и женственность во внешнем виде, следование моде; непритязательность; к концу жизни выглядит старше своих лет, ходит в длинной черной юбке («старушка»).

Устроенный быт: периоды устроенного быта

чередовались с ситуациями, когда она вынуждена была обходиться минимумом, особенно в последние годы жизни. Частые переезды и смена места жительства.

Общественное признание. С. Шпильрейн получила *научное признание* (но, к сожалению, впоследствии ее имя будет вычеркнуто из психоанализа). При этом ее идея о связи сексуального и деструктивного не сразу была понята и принята, хотя позже была заимствована и по-своему продолжена З. Фрейдом, К. Г. Юнгом и другими психоаналитиками, но, к сожалению, без должных ссылок на С. Шпильрейн. В исследовании бессознательного детей – позы во сне, речь, рисунки с открытыми и закрытыми глазами и др. – С. Шпильрейн опередила таких ведущих в этой области специалистов, как А. Фрейд, М. Кляйн, Д. Винникотт. Ее работы, посвященные развитию детского мышления и речи, повлияли на исследования Ж. Пиаже, П. Я. Гальперина, А. И. Запорожца, работы по развитию ребенка – на исследования Л. С. Выготского. Ее высоко ценили Э. Клапаред и Д. Бове.

Тем не менее, обращает на себя внимание противоречивое отношение к ней как к ученому, как психоаналитику, ее ближайших коллег – К. Г. Юнга, З. Фрейда, Ж. Пиаже.

Также следует заметить, что не все коллеги–психоаналитики доброжелательно к ней относились, так, например, у нее была взаимная неприязнь с К. Абрахамом.

Заслуживает внимания достаточно объективная характеристика, данная С. Шпильрейн и ее жизненной ситуации инспектором полиции Лозанны: «Где бы госпожа Шефтель не проживала, она была известна как личность с безупречным поведением и моралью, полностью посвятившая себя науке. Хотя ей не сопутствует удача и живет она в очень скудных условиях, она всегда отвечает на вызовы и не влезает в долги» [4, с. 194].

С. Шпильрейн получила *одобрение друзей и родственников*, их поддержку и сочувствие. Родители были рады и гордились ее научными достижениями. В частности, отец перевел один из ее докладов на немецкий язык для публикации зарубежных журналах.

При этом можно отметить и свойственное ей *внутреннее одиночество*. В конце жизни С. Н. Шпильрейн живет замкнуто, в безвестности.

Личностные факторы:

Для Сабины Николаевны как ученого характерны: высокая *активность* в разных формах; высокая *профессиональная компетентность*; положительный *результат деятельности*; целеустремленность; ориентация на *внутренние потребности*, *способности*; высокая *работоспособность*; добросовестность; профессиональное честолюбие; оригинальность.

Уверенность в своих силах: адекватная уверенность чередовалась с самокритичностью и недовольством сделанным.

Самооценка: иногда завышенная (во время студенчества); реалистичная; повышенная самокритичность.

Ощущение внутреннего покоя, вероятно, не является типичным для С. Шпильрейн, скорее для нее характерно ощущение «вечного боя» со стремлением к покою и умиротворенности.

Блок «Успешность научной деятельности» включает в себя субъективные и объективные показатели.

Субъективные показатели:

У С. Шпильрейн отмечаются: субъективная неудовлетворенность вследствие ориентации на все новые цели; поглощенность работой.

Объективные показатели:

Количественные показатели: 35 статей по разнообразным темам, дневниковые записи и наблюдения. *Ученая степень* доктора медицины.

Количественно-качественные показатели: широкая тематика научных интересов; новаторство (изучение деструктивного влечения, соединение психоанализа с другими методами психологии, обращение к нейрофизиологии и нейропсихологии).

Качественные показатели: широта научной тематики – шизофрения, сексуальность, Я, деструктивное влечение, детский психоанализ, мышление и речь, анализ сновидений, психология женщины, психоанализ художественной литературы. С. Шпильрейн не создала своей *научной школы*, у нее было мало последователей.

Соматические показатели: *продолжительность жизни* – 56 лет (была расстреляна во время оккупации). *Проблемы со здоровьем* –

головные боли, депрессия, истерия (диагноз К. Юнга), невроз (диагноз Э. Блейера), изнурение, попытки самоубийства в ранней юности.

«Ненаучные» показатели: *интересы* за пределами науки – игра на музыкальных инструментах (фортепиано, виолончель), сочинение песен; *преподавала* в университетах; *предвосхищение* и опережение времени своими идеями.

Итак, на основании психобиографического анализа научного пути Сабины Шпильрейн можно сделать следующие **выводы:**

Сабина Шпильрейн как ученый характеризуется выраженной творческой жизненной направленностью. Она видит свою жизненную задачу в служении людям своим научным творчеством, практической деятельностью и преподаванием. Ее отличает неординарность в организации внутреннего мира. У нее высокий образовательный уровень, ее научные достижения признаны. Для нее характерны высокая профессиональная компетентность и целеустремленность, одержимость и высокая работоспособность; она ориентирована на внутренние потребности. Сабина Шпильрейн поглощена работой, но при этом не довольна результатами, все время ориентируется на новые цели.

По сфере профессиональной деятельности С. Шпильрейн – психиатр, психоаналитик, психолог, педолог, преподаватель университета, хирург и школьный врач.

Своими идеями С. Н. Шпильрейн предвосхитила многие открытия в психоанализе, в детском психоанализе, в исследовании мышления и др. Она действительно была пионером и новатором психоанализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барсукова О. В.* Сравнительный анализ биографий культовых женщин науки, искусства, бизнеса: противостояние гендерным стереотипам // Гендерные практики: описание, рефлексия, интерпретация. Материалы V Международной межвузовской конференции молодых исследователей «Гендерные практики: традиции и инновации» (10–12 ноября 2005 г.) / Отв. ред.: Т. А. Мелешко, И. И. Юкина. – СПб.: Алина, 2007. – С. 45–52. – 161 с.
2. *Коржова Е. Ю., Барсукова О. В., Буянова М. В.* Теоретико-методологическое обоснование анализа мотивации научной деятельности ученых-гуманитариев // Межкультурное взаимодействие. Формирование единого научно-образовательного пространства. – СПб.: Интерсоцизд, 2005. – С. 125–133.
3. *Лотан Цви (Генри) В защиту Сабины Шпильрейн. Пер. с англ. С. С. Панкова // Вестник Психоанализа. – 2000. – № 2. – С. 22–44.*
4. *Рихебехер С. Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке» (биография). – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 413 с.*
5. *Степанов С. Психология в лицах. Сабина Шпильрейн // URL: http: // bookap.info / clasik / stepanov_psihologiya_v_litsah / gl28.shtm*
6. *Штефан И. Сабина Шпильрейн (1885–1942): «предмет обмена» между Юнгом и Фрейдом. Пер. с нем. С. С. Панкова // URL: http:// psychoanalyse.narod.ru/spielrein/stephan.htm*
7. *Эткинд А. М. Эрос невозможного: Развитие психоанализа в России. – М.: Гнозис; Прогресс-Комплекс, 1994. – 376 с.*

ФЕНОМЕН САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН: КОНТЕКСТ ЭПОХИ И ВОСТРЕБОВАННОСТЬ НАСЛЕДИЯ

Шпагин С. А.

В статье рассматривается феномен пионера психоанализа, еврейской женщины из провинциального Ростова-на-Дону. В понятие «феномен» вкладывается следующий смысл. Сабина Шпильрейн олицетворяет своей судьбой и творчеством прерванный прорыв сразу в нескольких сферах общественной жизни и науки, одновременно на мировом, российском и региональном уровнях. Это переплетение объективных процессов начала XX в. – становление новой науки и нового мировоззрения, формирование гендерной составляющей и феминизма, контуры грядущей сексуальной революции в Европе и социально-политической революции в России. Важный аспект – роль российского еврейства в контексте европейской и советской истории, от вклада в науку, культуру, педагогику – до сталинских репрессий и трагедии Холокоста. Несмотря на серьезность старта, феномен судьбы и творчества Сабины Шпильрейн – типичный образец прерванного процесса, трагедия нереализованности личности, общественного и интеллектуального развития Европы и России XX в.

Ключевые слова: *Сабина Шпильрейн, психоанализ, патоморфоз, Ростов-на-Дону, Холокост, деструкция, евреи, сексуальная революция, гендер, трагедия нереализованности.*

Пациентка психиатрической клиники в Швейцарии, молодая еврейская девушка из провинциального южного города в Области войска Донского Российской империи уникальностью личной судьбы и типичностью для эпохи была и осталась неповторимым феноменом.

Ее след – сразу в нескольких страницах еврейской, российской, советской, всемирной истории, истории науки и культуры. И самостоятельная страница – комплекс проблем Холокоста, от Германии до Змиёвской балки [11].

С точки зрения еврейской истории важен аспект попытки реализации евреев Российской империи, как в сфере коммерции, медицины, так и выход за традиционный образ еврейской жизни – европейское образование, занятие наукой, разрыв иудаизмом и фактическая ассимиляция [12].

Важен региональный аспект – включение в состав Области войска Донского Ростовского уезда, бывшего в черте еврейской оседлости Екатеринославской губернии. Евреи оказались там, где им по законам Российской империи быть не положено.

Пореформенная Российская империя в целом, и ее юг переживали небывалый подъем. ОВД отличалась дополнительной спецификой взаимоотношения казачьего и иногороднего населения, православной ее части и иноверцев. Это та среда, в которой происходило становление юной Сабины.

Россия рубежа веков – это и масса возможностей, и масса препятствий. Важно то, что происходит пробуждение южной провинции. Таганрог – Софья Парнок, Ростов-на-Дону – Лидия Чарская, Нина Берберова. Перед нами целая плеяда женщин, представительниц провинции и этнических групп, взявших хороший старт, прерванный мировыми войнами, социальными конфликтами и социальными утопиями. Примеры прерванных полетов – Елизавета Дмитриева – Черубина де Габриак, Анжелика Балабанова.

Одновременно – возврат к традиционной функции еврейской женщины – хранительницы семейного очага: например, как у Веры Хацман, ставшей женой будущего нобелевского лауреата, первого президента Израиля Хаима Вайцмана. Вот его наблюдения, сделанные в Женеве в 1900 г.: «Ростовские девушки составляли контраст с большинством еврейских студенток Женевы, которые чаще всего выглядели нервными, разочарованными, чахлыми и голодными – легкая добыча для революционных пропагандистов. Студенческое общественное мнение было против ростовчанок, которые так отличались от всех остальных; но те не обращали внимания на вражду и продолжали сосредоточенно заниматься, не давая ничему внешнему отвлечь себя» [3].

И здесь совмещение нескольких тенденций, ставших актуальными сегодня – умные девушки как легкая добыча для вербовщиков радикальных движений. Не менее актуален феномен подвижности гендерного аспекта от патологии секса, феминизм к сексуальной революции, по принципу «и больше века длится день».

На стадии вовлечения в науку провинциальность и гендерный аспект связаны с научным приоритетом «к сожалению, не совсем понятной для меня» Сабины Шпильрейн, предвосхитившей значительную часть рассуждений З. Фрейда. Мир в XX в. «болел детскими болезнями фашизма и социализма». Вовлеченными оказались многие выдающие личности, включая С. Шпильрейн. И Сабина олицетворяет жертвы, как социализма, так и нацизма.

Структуру феномена Сабины Шпильрейн, ее портрет в контексте эпохи можно и нужно анализировать еще глубже. Вопрос о ее научном наследии не менее важен. Важное уточнение – это прерванный полет, типичный пример не реализованного дара, личных возможностей по причине и личной ограниченности, и ограничений эпохи. Это и есть чеховская Чайка, трагедия нереализованности.

Есть ли взаимосвязь между трагедией личной нереализованности и предсказанной ею же трагедией разрушения становлением. Формально термин «патоморфоз» немецкий психолог Вильям Гельпах ввел в 1929 г., т. е. при жизни и активной деятельности Сабины Шпильрейн. Другое дело, что развитие этого явления происходит на наших глазах. А. Н. Алехин назвал это «псевдодебильностью». Если патоморфоз описывает изменение признаков отдельных болезней и изменение заболеваемости и причин смертности под влиянием различных воздействий и внешних факторов, то псевдодебильность – это болезнь лени нашего мозга в условиях гиперинформированности.

Отсюда актуальной является не новаторская часть работы 1912 г. «Деструкция как причина становления», теряющая прикладное значение в условиях патоморфоза, а интерпретация тех мыслей, которые применимы и как прошедшие испытание реализацией в XX в., так и предупреждение о невыученных уроках в веке XXI.

На остывших углях сексуальной революции и на голубой волне актуальным является не просто утверждение о равноположенности основных инстинктов – секса и смерти, а понимание, что зрители фильма «Основной инстинкт» не совсем точно представляют себе баланс между ними сегодня.

Создание – это одновременно и гибель. Взятое само по себе, оно есть наиболее страшное для живущего. Если собственная гибель служит новому созданию, то она становится для индивида желаемой. Именно это положение всегда служит основой манипулирования в тоталитарном обществе, будь оно советским или дигитальным.

Становление нового – личности, общества, технологий путем гибели прежнего, не худшего, но прежнего, в условиях быстрой смены образа жизни, порождает реально проблемы, предсказанные Сабиной. Патоморфоз применительно к деструкции как причине становления состоит в том, что разрушение как метод становления может применяться превентивно на уровне мировой политики. Стратегии «цветных революций», концепция «мягкой силы» и управление хаосом – это применение метода теми, кто усвоил урок, против тех, кто нет.

А ведь ростовчанка из ассимилированной еврейской семьи, жившая в христианской и светской Европе, наверняка хорошо знала книгу Берешит – она же Генезис, она же Бытие. Именно эта книга открывает Тору и Библию. Там ведь как раз об этом – о структурировании хаоса. Деструкция как основа становления в чистом виде.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ванинг ван А.* Работы одного из пионеров психоанализа – Сабины Шпильрейн // Вопросы психологии. – 1995. – № 6. – С. 66–78.
2. *Мовшович Е. В.* Необычная жизнь и трагическая судьба Сабины Шпильрейн – пионера психоанализа // Очерки истории евреев на Дону. – Ростов н/Д: Книга, 2011. – С. 279–308.
3. *Мовшович Е. В.* Очерки истории евреев на Дону. – Ростов н/Д: Донской издательский дом, 2006. – 303 с.
4. *Мовшович Е. В.* Ростовчанка Сабина Шпильрейн – один из пионеров психоанализа // Валеология. – 2003. – № 1. – С. 69–73.
5. *Мовшович Е. В.* Трагическая жизнь Сабины Шпильрейн / Pseudology // URL: http: // www. pseudology.org.Psyhology / Shpilrein.htm
6. *Овчаренко В. И.* Сабина Шпильрейн: Под знаком деструкции // Антология российского психоанализа. Т. 2. – М.: Флинта, 1999. – С. 366–382.
7. *Овчаренко В. И.* Судьба Сабины Шпильрейн // Российский психоаналитический вестник. – 1992. – № 2. – С. 64–69.
8. Сабина Шпильрейн (1885–1942). Материалы к биобиблиографии / Сост. и ред. С. Ф. Сироткин. – М.: Русское психоаналитическое общество; Ижевск: ERGO, 2006. – 84 с.
9. *Эткинд А. М.* Эрос невозможного. Глава 5. Чистая игра с русской девушкой: Сабина Шпильрейн / Pseudology. Psyhology.org // URL: http://www.pseudology.org/Sex/ErosNevozmozhnogo/05.htm
10. *Эткинд А. М.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. – М.: Гнозис-Прогресс, 1993. – 463 с.
11. *Шпагин С. А.* Российская историография Сабины Шпильрейн // История Холокоста на Северном Кавказе и судьбы еврейской интеллигенции в годы Второй мировой войны. Материалы 7-й Международной конференции «Уроки Холокоста и современная Россия». Ростов-на-Дону, 12–14 августа 2012 г. / Сост. И. А. Альтман, Л. А. Терушкин. Под ред. К. М. Фефермана. – М.: Центр и Фонд «Холокост», 2013. – С. 145–151.
12. *Шпагин С. А.* Шпильрейн (Шефтель) Сабина (Шейва) Николаевна (Нафтуловна) // Холокост на территории СССР: энциклопедия / Гл. редактор И. А. Альтман. – М.: НПЦ «Холокост», 2011. – С. 1095–1096.
13. *Шпильрейн С.* Психоаналитические труды. – Пер. с англ., нем. и франц. под науч. ред. С. Ф. Сироткина, Е. С. Морозовой. – Ижевск: ERGO, 2008. – 466 с.

РАЗВИТИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА КАК ИНИЦИАЦИЯ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ УЧАЩИХСЯ

Абакумова И. В.,
Кагермазова Л. Ц.,
Масаева З. В.

Рассматривается проблема развития эмоциональной компетентности будущего педагога в процессе обучения в вузе. Разработана модель эмоциональной компетентности педагога. Показана взаимосвязь эмоциональной компетентности преподавателя в формировании смысловых установок и ценностного отношения учащихся к постигаемому содержанию обучающего процесса.

Ключевые слова: *педагог, эмоциональная компетентность, смыслообразование учащихся, стрессоустойчивость педагога.*

Способность педагога превращать специальность, носителем которой он является, в средства формирования личности учащегося

(К. Роджерс).

Образование – одна из сфер психолого-педагогической деятельности, которая на современном этапе активно использует психоаналитические техники и технологии. На уникальность использования психоанализа в области педагогической психологии указывал З. Фрейд; он отмечал аналогии между психоаналитической терапией и обучением, воспитанием, называя психотерапию перевоспитанием и самовоспитанием.

Г. Фигдор полагал, что «учитель может использовать в педагогической деятельности психоаналитические знания о детской душе; не следует переоценивать возможностей учителя в их использовании, т. к. психоанализ предполагает соответствующую практику. Есть и еще одна сложность использования психоаналитических схем в воспитании: учителя в своей работе также постоянно испытывают эмоции и чувства, в которых известную роль играют их собственные страхи. И часто именно эти личные переживания затрудняют понимание ими ребенка и не дают возможности действовать правильно» [5, с. 115].

К. Роджерс (1902–1987) полагал, что «обучение должно создавать условия для развития творческих способностей учащихся, для приобретения знаний, которые способствуют их уникальному и самостоятельному учению. Основная задача учителя – создать атмосферу в классе, способствующую возникновению субъективно значимого учения» [5, с. 115].

Большое значение К. Роджерс уделял отношениям учителя с учащимися – «в их основе лежит конгруэнтность личности учителя, предполагающая, что учитель должен быть таким, какой он есть на самом деле. Учитель принимает свои переживания и чувства, он откровенен в отношениях с учениками и при этом должен осознавать свое отношение к другим людям. Развивающее учение имеет место в том случае, если педагог принимает студента таким, каков он есть, способен эмпатически понять его чувства, безусловно, положительно отнестись к нему» [5, с. 113–114].

Альтернативой традиционному обучению К. Роджерс считал ориентированную на учащихся гуманистическую практику. В гуманистическом подходе усвоение новых знаний является свободным, инициируемым самим студентом, направленным на усвоение смыслов как элементов личного опыта. При этом педагог работает не только с психическими отклонениями детей, но и требованиями, выдви-

гаемыми к учебно-воспитательному процессу. Профессиональная деятельность преподавателя по многофункциональности, разнообразию видов деятельности, психическому и физическому напряжению относится к сложным видам деятельности, по уровню эмоциональной напряженности стоящей на четвертом месте в ранге профессий [5, с. 113–114].

Психолого-педагогические исследования свидетельствуют о эмоциональной напряженности в педагогической деятельности, связанной с постоянными ситуациями оценки, продолжительными и каждодневными контактами с учащимися, родителями, педагогами, отсроченными результатами для внешнего восприятия, снижением престижности педагогического труда, высокой вероятностью возникновения межличностных конфликтов. Систематические неблагоприятные эмоциональные состояния приводят к формированию отрицательных личностных качеств педагога, таких как раздражительность, тревожность, пессимизм, выбор неконструктивных способов взаимодействия, что, в свою очередь, отрицательно влияет на эффективность его деятельности и взаимоотношения с учащимися и коллегами. Поэтому Л. М. Митина отмечает необходимость формирования эмоциональной мобильности и гибкости педагога.

Особенно велико влияние эмоциональной напряженности на молодых педагогов. Так, Н. И. Андреева предполагает, что синдром эмоционального выгорания начинает формироваться у будущих педагогов еще в период обучения в вузе, если отсутствует систематическая деятельность по его профилактике [1, с. 22]. К сожалению, существующие формы обучения в вузе не имеют специальной направленности на формирование и развитие эмоционально-коммуникативных и регуляторных способностей, качеств, составляющих эмоционально-волевую сферу учащихся. Тенденция к технократическому, информационному развитию социума негативно влияет на развитие эмоциональности будущих педагогов. Мы видим возможность разрешения данной ситуации в целенаправленном развитии и формировании эмоционального интеллекта студентов.

В психолого-педагогической литературе рассматриваются вопросы, связанные с изучением отдельных профессионально значимых личностных свойств и компетенций, которые входят в структуру эмоционального интеллекта. Эмоциональный интеллект, по определению Дж. Мейера, П. Сэловея и Д. Карузо, – «это группа ментальных способностей, которые побуждают к осознанию и пониманию собственных эмоций и эмоций окружающих» [3, с. 152–159]. Выделяют четыре главных составляющих эмоционального интеллекта: самосознание, самоконтроль, эмпатию, навыки отношений. Д. Гоулман выделяет наряду с ними еще и пятую составляющую – мотивацию. В структуре эмоционального интеллекта есть два аспекта: внутриличностный и межличностный. Первый включает следующие компоненты: понимание своих чувств, самооценку, уверенность в себе, ответственность, терпимость, самоконтроль, гибкость, заинтересованность, готовность к новому опыту, мотивацию достижения, оптимизм; второй образует компоненты: коммуникабельность, альтруизм, открытость, эмпатию, способность знать, формировать интересы другого человека, уважение к людям, способность оценивать и прогнозировать эффективные межличностные отношения, умение работать в команде. Эмоциональный интеллект выступает как интегральный компонент компетентности педагогической деятельности.

Эмоциональный интеллект педагога детерминирует гуманистическую направленность кооперации со студентами и другими субъектами обучающего процесса, способствует реализации индивидуального подхода в развитии личности, показывает уровень личностной готовности педагога к профессиональной деятельности [2, с. 43–48].

Если деятельность как овладение профессией в студенческом возрасте является основополагающей, то эмоциональный интеллект в этом возрасте осуществляется через профессиональное развитие, саморазвитие, самовоспитание. На развитие эмоционального интеллекта в психолого-педагогической литературе существует два мнения. Ряд ученых (к примеру, Дж. Мейер) придерживаются точки зрения, что повысить уровень эмоционального интеллекта (ЭИ) маловероятно, поскольку это относительно устойчивая способность; другие – что эмоциональную компетентность

повысить путем обучения вполне возможно. Д. Гоулман считает, что ЭИ можно развивать. Аргументом в пользу этой позиции служит тот факт, что нервные пути мозга развиваются вплоть до середины человеческой жизни.

И. Н. Андреева выделяет следующие методы развития эмоционального интеллекта: групповые упражнения, индивидуальные упражнения, деловые игры, коучинг [4, с. 83]. Вузовские программы, применяемые в учебном процессе как курсы по выбору, включают развитие и формирование эмоциональной компетентности студентов. Учебный процесс, имеющий проблемно-ориентированные и активные социально-психологические методы обучения, является высокоэффективным средством формирования психологической культуры преподавателя. Данные занятия повышают внутриличностные и межличностные составляющие эмоционального интеллекта и применяются в практике обучения как эффективный стимул формирования эмоционального интеллекта студентов вуза. Вышесказанное подтверждает необходимость развития эмоционального интеллекта студентов в процессе их профессиональной деятельности.

Фактор «эмоциональная компетентность» отмечает необходимость положительных эмоций в осуществлении преподавателями конструктивной активности в профессиональной деятельности.

Эмоциональная компетентность (от лат. «emover» – волновать и «competentis» – соответствующий) включает способности субъекта осуществлять оптимальную координацию между эмоциями и поведением (Либин, 1996), основана на адекватной интегральной оценке личности своего взаимодействия с другими. Адекватность означает учет внешних (стимул и обстановка) и внутренних (состояние организма и прошлый опыт) факторов, направленных на личность в данной ситуации.

Для развития эмоциональной компетентности необходимо:

1) осуществлять «коррекцию закрепленных в онтогенезе негативных эмоциональных реакций (застенчивости, депрессии, агрессивности) и сопутствующих им состояний, препятствующих успешной адаптации индивидуума;

2) обеспечивать саморегуляцию личности не за счет подавления негативных эмоций, а за счет использования их энергии для организации целенаправленного поведения;

3) вырабатывать навыки эмоционального совладания, сопряженные также с созданием новых условно-рефлекторных позитивных связей, позволяющих формировать индивидуальный стиль, сбалансированный по параметрам оптимальности, комфортности, адаптивности и результативности (Либин, 1993);

4) отслеживать критерий эмоциональной компетентности, которым становится один из трех возможных типов стратегии совладания: непосредственные активные поступки индивида с целью уменьшения или устранения опасности (конкуренция или уход, восторг или принятие); косвенная или мыслительная форма без прямого воздействия, невозможного из-за внутреннего или внешнего торможения, например, вытеснение («это меня не касается»), переоценка («это не так уж и опасно»), подавление, переключение на другую форму активности, изменение направления эмоции с целью ее нейтрализации и т. д.; совладание без эмоций, когда угроза личности не оценивается как реальная (соприкосновение со средствами транспорта, бытовой техникой, повседневными опасностями, которых мы успешно избегаем);

5) контролировать анализ внутренней картины жизненного пути, который также оказывает опосредованное влияние на эмоциональную компетентность и включает в себя ряд компонентов: соматический (телесный) – отношение к своей телесности (к своему здоровью, изменениям в нем, включая болезнь, к возрастным и различным соматическим изменениям); личностный (индивидуально-психологический) – отношение к себе как к личности, отношение к своему поведению, настроению, мыслям, защитным механизмам; ситуационный (социально-психологический) – отношение к ситуациям, в которые оказывается включенным человек на протяжении своего жизненного пути» [6, с. 136–138].

Таким образом, целью развития в вузе является эмоциональная компетентность педагога как необходимая составляющая формирования смыслообразования студентов.

Обучающий процесс – пространство, формирующее личностное развитие студентов, стимулирующее личностный потенциал, а также возможность выстраивать индивидуальную систему отношений с другими, формируя творческое и когнитивное саморазвитие и самовоспитание. Важна самоактуализация подготовки педагогов, чей личностный ресурс во многом может стать фактором выведения учебного процесса на качественно новый уровень. В связи с этим актуальной становится вопрос поиска дополнительных модельных (эталонных) характеристик педагогической деятельности, которые станут основополагающими в трансформации эмоциональной компетентности, будут ориентированы на модернизированные образовательные цели. Эмоциональные компетенции преподавателя в профессиональной деятельности, которые необходимо дополнять ценностно-смысловыми конструктами, должны стать ориентиром для каждого педагога. В новых образовательных стандартах ценностно-смысловые образования становятся необходимым атрибутом педагога как реального субъекта воздействия на личностное становление учащихся. Чем сильнее эмоциональное сотрудничество «педагог–студент», тем активнее проходят процессы смыслообразования учащихся. Показано, что типы «взаимовлияния» влияют на выбор пространства, типа взаимодействия, совокупности транслируемых смыслов, относительно которых строится система передачи знаний; определяют специфику пересечения зоны ближайшего развития личности студента и диалогового поля их эмоциональной кооперации. Эмоциональные компетенции формируют смысловую «жизнедеятельность» студента как система воздействия на личность, обуславливающая изменения смысловой динамики, через которую происходят видоизменения ценностно-смысловой сферы учащихся. Педагог как коммуникатор смысла воздействует на личность студента от уровня личностных смыслов до высших смыслов, направляющих его к поиску и формированию целостной смысложизненной стратегии как устойчивой тенденции к определенной интерпретации происходящих социальных явлений и готовности действовать в соответствии с возникающими смысловыми установками.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц., Масаева З. В.* Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе обучения // Теория и практика развивающего образования школьников: коллективная научная монография. Отв. ред. А. Ю. Нагорнова. – Ульяновск, 2015. – С. 21–31.
2. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. – М.: АСТ, 2010.
3. *Кагермазова Л. Ц., Абакумова И. В.* Компетентностный подход в профессиональной подготовке будущего учителя в вузе // European Social Science Journal. – 2014. – № 5–1 (44). – С. 152–159.
4. *Масаева З. В., Кагермазова Л. Ц., Абакумова И. В.* Психологические особенности формирования учебной мотивации в студенческом возрасте // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – Т. 21. – № 2. – С. 80–82.
5. *Фигдор Г.* Психоаналитическая педагогика. – М., 2000.
6. *Young K.* Pathological Internet Use: The Emergence of a New Clinical Disorder, University of Pittsburgh at Bradford. Session 2127. – Toronto: Metro Toronto Convention Center, 1996.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ШКОЛЬНИКАМИ СОБСТВЕННЫХ ПСИХОЗАЩИТНЫХ СТРАТЕГИЙ В СИТУАЦИЯХ УЧЕБНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Багова Р. Х.

Анализируются ситуации, активизирующие проявления психологической защиты у школьников. Приведены результаты эмпирического исследования выраженности механизмов психологической защиты учащихся. Диалектическое мышление рассматривается как средство преодоления барьеров и репрезентации конфликтного содержания в сознании. Описана репрезентация испытуемыми своих психозащитных стратегий в процессе рефлексивного тренинга.

Ключевые слова: *психологическая защита, пространство возможного, проблемная ситуация, диалектическое мышление, репрезентация защит.*

В образовательном процессе присутствует множество факторов, которые могут послужить причиной повышения психического напряжения, что приводит к необходимости поиска способов его снижения. Одним из таких способов, к которым человек прибегает неосознанно, является психологическая защита. Впервые этот феномен был описан Зигмундом Фрейдом, который полагал, что информация, представляющая угрозу для Эго, им блокируется или искажается [8]. Защитные механизмы действуют неосознанно и фальсифицируют восприятие реальности. Более подробно они были изучены и описаны его дочерью А. Фрейд [7]. Вклад в исследование неосознаваемых психозащитных процессов был сделан и С. Н. Шпильрейн. Она подробно описала специфику проявления психологической защиты у больных шизофренией [6].

В процессе обучения у школьников формируются субъективные установки в отношении способов разрешения проблемных ситуаций в учебной деятельности и общении. Мы считаем, что преобразовывая эту проблемную ситуацию в ситуацию выбора, субъект ориентируется в пространстве возможных действий, совершая акт личностного самоопределения [1, 2]. Его результатом является субъективное пространство возможного действия, осознание своих целей, мотивов, личностных качеств [1, 3]. Термином «проблемная ситуация» мы в данном случае обозначаем субъективное восприятие ситуации, вызывающей затруднения, характеризующейся неопределенностью и остротой. Поскольку такие ситуации порождают тревогу, они будут активизировать и психозащитные процессы. Однако, хотя психологическая защита приводит к снижению напряжения, она не позволяет человеку быть самим собой, ограничивает свободу действий человека, приводит к искажению восприятия ситуации и, следовательно, пространства возможного действия в этой ситуации.

По нашему мнению, альтернативой данному способу снижения психического напряжения может быть расширение субъективного пространства возможного действия, что может быть достигнуто, в том числе, через осознание своих защит и открытость опыту. Средством такого осознания может служить диалектическое мышление и структурно-диалектический метод, разрабатываемый под руководством Н. Е. Вераксы. Он отмечает, что у психоанализа З. Фрейда и структурно-диалектического подхода сходное понимание внутренней противоречивости поведения, и это сходство выражается в «подчеркивании существования внутренних предпосылок к нарушению субъектом культурных норм» [5, с. 224].

Н. Е. Веракса подчеркивает, что отражение в сознании проблемной ситуации как противоречивой (выделение в ней противоположных аспектов) позволяет преодолеть барьер цензуры сознания, когда «конфликтный (неосознаваемый) момент легко осознается на основе своей противоположности» [4, с. 49–50].

Предметами психологической защиты школьника могут быть самооценка, самоуважение, чувство уверенности, представление о себе и др. Угрожающими факторами могут выступать разнообразные травмирующие эмоциональные переживания, например: тревога, вызванная неопределенностью ситуации, фрустрация потребности, разрушение самооценки. Защитные механизмы способствуют стабилизации личности, но ограничивают возможности вскрытия и разрешения конфликта, противоречия, т. к. искажается значимая для личностного развития информация, что не позволяет личности осознавать широкое пространство возможностей и творчески взаимодействовать с миром.

Для эмпирического исследования механизмов психологической защиты у школьников нами использовался опросник Плутчика–Келлермана–Конте «Жизненный стиль», включающий в себя 92 пункта, измеряющих 8 механизмов психологической защиты: отрицание, вытеснение, замещение, компенсацию, реактивное образование или гиперкомпенсацию, проекцию, рационализацию и регрессию. Диагностика была проведена нами на базе МОУ «СОШ № 21 г. Нальчик». В ней приняли участие 70 учащихся девятых–одиннадцатых классов. С помощью опросника мы исследовали уровень напряженности 8 основных психологических защит у каждого испытуемого. Затем мы подсчитали общую выраженность в выборке каждого из механизмов в процентах.

Как видно из данной таблицы, выраженными в меньшей степени механизмами психологической защиты у девятиклассников являются регрессия и замещение.

Регрессия – перевод поведения в ранние, незрелые детские формы. В этом случае наблюдаются эгоистическое и безответственное поведение, капризы, истерики. Детские формы призваны заместить поведение, которое человек в данный момент по каким-то причинам не хочет осуществлять. **Замещение** – защитный механизм, посредством которого социально приемлемые цели замещают неприемлемые.

Наиболее выраженным защитным механизмом у испытуемых является проекция. Впервые термин «проекция» ввел З. Фрейд, понимая ее как приписывание другим людям того, в чем человек не расположен себе сознаться.

Таблица 1.

Сравнительная выраженность различных механизмов психологической защиты у испытуемых

	Вытеснение	***Регрессия***	***Замещение***	***Отрицание***	***Проекция***	***Компен-сация***	***Гипер-компенсация***	***Рацио-нализация***
Средн.	22	17,6	24,2	27,2	39,9	29,2	25,4	27,6

Предположив, что психологическая защита специфическим образом проявляется во взаимодействии педагога и ученика, мы провели опрос среди учителей, работающих в классах, где мы провели диагностику. Педагогам был задан вопрос: «С какими учащимися периодически возникают проблемы, трудности, конфликты в общении?». В соответствии с ответами педагогов, впоследствии была выявлена группа учеников (группа 1), с которыми чаще возникают проблемы в общении. Остальных учащихся мы отнесли к группе 2. Мы подсчитали общую напряженность психологической защиты в двух группах, сложив итоговый показатель напряженности психологической защиты по каждому испытуемому внутри группы.

Мы рассмотрели также сравнительную выраженность каждого защитного механизма в двух группах.

После анализа полученных результатов оказалось, что в группе 1 все механизмы психологической защиты выше, чем в группе 2 (кроме вытеснения), и несколько выше общая напряженность защит. Наиболее выраженным механизмом в группе 1 является проекция.

Испытуемые, в рамках разработанного нами элективного курса «Основы личностного

самоопределения», после теоретического изучения материала по проблеме психологической защиты личности приняли участие в рефлексивном тренинге, направленном на осознание у себя данных защит. После этого им было дано задание описать проявления у себя механизмов психологической защиты в процессе своей учебы в общеобразовательной школе.

Испытуемыми были приведены следующие описания проявления психологической защиты.

Таблица 2.

Напряженность механизмов психологической защиты у испытуемых с различными характеристиками общения

Защитный механизм	*Группа 1*	*Группа 2*
Вытеснение	52	62
Регрессия	83	74
Замещение	60	56
Отрицание	71	66
Проекция	121	95
Компенсация	64	62
Гиперкомпенсация	68	59
Рационализация	74	72
Σ	593	546

Вытеснение – способ избавления от внутренних конфликтов путем активного выключения из сознания неприятной информации. «У меня на контрольных двойка по нескольким предметам. Я успокаивал себя тем, что это всего лишь контрольные, а не экзамены, и я смогу исправить оценки».

Идентификация – бессознательный перенос на себя чувств и качеств, присущих другому человеку, и недоступных, но желательных для себя. «У меня есть старшая сестра. Она отличница. Мне часто кажется, что я тоже могу так учиться, но потом получаю очередную четверку и расстраиваюсь».

Замещение – перенос действия с недоступным объектом на действие с доступным объектом. «Однажды я порвал дневник, куда классный руководитель записала замечание».

Проекция – это бессознательный перенос на другое лицо, приписывание ему собственных чувств, желаний и влечений. «Когда мы пытаемся разобраться, кто виноват в ссоре или драке, каждый искренне считает, что первым начал другой».

Отрицание – когда информация, не соответствующая интересам человека, не воспринимается, т. е. не доходит до сознания. «Это может быть приближение ЕГЭ. Думаешь, что еще много времени, и стараешься не думать об этом».

Рационализация – псевдоразумное объяснение человеком своих желаний, в действительности вызванных причинами, признание которых грозило бы потерей самоуважения. «Когда не хочешь учить, а это скрываешь под тем, что у тебя и так не получится, и тебе все равно не поставят хорошую оценку. Или говоришь самому себе, что это и не обязательно делать».

Интроекция – присваивание чужих мыслей и представлений. «Когда все говорят, что это очень вредный учитель, а ты начинаешь уже невольно так думать и предвзято относиться».

Таким образом, мы видим, что педагог в результате своей профессиональной подготовки должен владеть знаниями о сущности и закономерностях проявления психологической защиты и знать, что некоторые особенности поведения учащихся объясняются неосознанной потребностью защитить свое самоуважение, представление о себе и т. д. Учитывая, что защита срабатывает в ситуациях повышенной напряженности, противоречия, педагог должен строить педагогическое общение таким образом, чтобы создавать ситуацию психологической безопасности.

Необходимо также формирование у школьников понимания своих потребностей и возможностей, в том числе осознание сущности психологической защиты, феномена сопротивления человека новому, изменениям, происходящим с ним, и т. д. Таким образом, самоактуализация и личностный рост субъектов образования предполагают необходимость изучения феномена психологической защиты, особенностей его проявления и методов нейтрализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Багова Р. Х.* Гендерные особенности поведения в ситуации личностного выбора // Акмеология. – 2014. – № 3–4. – С. 36–37.
2. *Багова Р. Х.* Психологическая готовность старшеклассников к личностному самоопределению // Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации. Материалы научно-практической конференции с международным участием. – Ульяновск, 2015. – С. 94–99.
3. *Багова Р. Х., Бауаев К. К.* Содержательные особенности саморепрезентации студентов вуза // Акмеология. – 2014. – № 1–2. – С. 32–34.
4. *Веракса Н. Е.* Диалектическое мышление ребенка и возможности его активации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Педагогика и психология. – 2010. – № 2. – С. 46–53.
5. *Веракса Н. Е.* Методологические основы психологии. – М.: Академия, 2008. – 240 с.
6. *Литвинов А. В.* Обзор основных психоаналитических работ С. Шпильрейн // Российский психоаналитический вестник. – 1993–1994. – № 3–4. – С. 25–31.
7. *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы: Пер. с англ. – М.: Педагогика, 1993.
8. *Фрейд З.* Психология бессознательного. – СПб.: Питер, 2008.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СЕБЕ И ПАРТНЕРЕ КАК ДЕТЕРМИНАНТЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЩЕНИЯ

Бреус Е. Д.

Исследование направлено на изучение детерминант деструктивного педагогического общения. На выявление соотношения представлений о себе и ученике как трудных партнерах общения. На выявление взаимосвязи центрации–децентрации и степени осознания себя и другого в качестве равных возможностей детерминации затруднений в общении.

Ключевые слова: *деструктивное общение, «трудный партнер», детерминанты затруднений в общении, социально-психологические характеристики, центрация–децентрация.*

Деструктивное педагогическое общение, проявляющееся в различных формах взаимодействия с учениками, коллегами, родителями имеет различные психологические причины. Объяснительные модели данного явления представлены в работах ученых различных психологических направлений. Работы С. Шпильрейн [14] закладывают основы в понимании деструкции и ее влияния на становление различных психологических образований с психоаналитической точки зрения. Затрудненное общение в отечественной литературе на настоящий момент рассматривается как неэффективное, разлаженное, деструктивное общение, которое сопровождается эмоциональным напряжением и имеет широкий спектр проявления (от незначительных трений до серьезных конфликтов). О взаимовлиянии общения и личности говорят многие ученые, в связи с чем можно говорить и о взаимовлиянии деструктивного общения и деструкции личности. Разрушать общение или личность друг друга в его процессе возможно, совершенно не осознавая этого. Сам человек может совершенно не осознавать, что является субъектом затрудненного деструктивного общения для своего партнера.

С точки зрения его деструкции и испытываемых затруднений совместный процесс общения для каждого из партнеров может быть различным. Одна и та же ситуация одновременно для одного из партнеров может быть деструктивной, не иметь результата и вызывать затруднения, а для другого, в это же время, может быть конструктивной, приводить к оптимальному результату и не вызывать затруднений. Важным оказывается то, что независимо от того, осознается это или нет, оба партнера оказывают определенное влияние на совместный процесс общения.

Сложность и многогранность затрудненного деструктивного общения проявляется в многоуровневости его детерминант. Так, возникновение ситуаций затрудненного общения В. А. Лабунская [9] рассматривает как объективное явление, обусловленное: самим фактом формирования человеческой общности; особенностями развития личности в определенной социокультурной среде; социально-психологической природой общения; механизмами отражения и взаимодействия; уровнями их функционирования.

Кроме огромного количества исследуемых индивидуально-личностных переменных, приводящих к затруднениям в общении, в науке на сегодняшний день происходит, по мнению В. А. Лабунской [9], поиск интегральных личностных феноменов, которые могут быть истолкованы как базовые факторы затрудненного или оптимального общения. К таким работам можно отнести работы Б. С. Братуся, С. Л. Братченко,

М. С. Кагана, В. А. Петровского, Л. И. Рюмшиной, А. М. Эткинда и др. [2, 3, 6, 11, 12, 13], объединенные идеей ценностного, субъектного отношения к партнеру. «Субъект затрудненного общения, в данном случае, – это индивид, для которого является характерным сочетание объектного, неценностного отношения к другому и к самому себе, с низким уровнем осознания, неприятия себя таковым» [8, с. 27].

Как отмечает В. А. Лабунская [8], в большинстве ситуаций межличностного контакта человек может не осознавать себя источником затрудненного, деструктивного общения, выбирая при этом такие способы поведения, которые вызывают реальные трудности у партнера. На осознание своей детерминирующей роли в процессе общения, как на важную характеристику именно субъекта общения, указывает целый ряд авторов [1, 7, 10]. В связи с этим, в качестве основополагающей характеристики субъекта общения мы будем рассматривать способность осознавать себя возможной детерминантой результатов общения. А интегральной характеристикой субъекта затрудненного общения мы будем рассматривать низкий уровень рефлексивного анализа своих особенностей общения.

Субъект общения может занимать статус трудного партнера только в связи с другим человеком, в его представлениях, переживаниях [4, 5]. В связи с этим, степень осознания субъектом собственных особенностей общения и особенностей общения другого, как затрудняющих взаимодействие друг друга, должна изучаться в контексте с другим, с его представлениями и переживаниями.

Низкий уровень осознания себя в качестве «объективной» детерминанты, затрудняющей общение других; перекладывание ответственности за причину возникновения, течение и исход ситуации на другого, неумение «встать на точку зрения партнера» – это основные характеристики субъекта затрудненного общения. Перечисленные характеристики указывают на нарушение диалогической, субъект-субъектной формы общения. Кроме того, субъект затрудненного общения и сам может как переживать трудности в общении в связи с оценками, отношением, поведением партнера, так и не переживать их.

Субъект затрудненного общения, осознав себя таковым, имеет возможность изменить представление о себе как о трудном для другого партнере общения. Он может перейти в субъектную, а значит, активную, ответственную позицию. Тем самым он получает возможность изменить ситуацию в сторону уменьшения затруднений. Если же не происходит осознание всего спектра возможных причин возникших трудностей, не изменяются представления о себе и о формах своего поведения, «трудный партнер» так и остается трудным для других. Важно отметить, что субъект затрудненного общения не всегда может самостоятельно изменить деструктивные способы и формы своего общения, а также личностные образования, которые лежат в их основе. Для этого требуется специальная психокоррекционная или психотерапевтическая работа.

Субъект-субъектный подход к общению позволяет говорить о равных возможностях партнеров в детерминации затрудненного общения. Поэтому механизм осознания партнерами себя в качестве одинаково возможных причин трудностей другого, по-нашему мнению, позволяет: во-первых, осознать свою детерминирующую роль в организации конкретного акта общения; во-вторых, искать иные способы поведения, ориентируясь на реакцию партнера; в-третьих, уменьшать степень затрудненности ситуации общения. Речь идет об осознании себя в качестве причины трудностей другого, как механизме, позволяющем изменить свое представление о ситуации затрудненного общения, увидеть причину ее не только в партнере, но и в себе в такой же мере.

Осознать свои действия, особенности своего поведения, как причину определенной ответной реакции партнера, которые и делают общение для обеих сторон трудным, означает уравнять в своих представлениях возможности и себя и партнера в детерминации деструктивного, эмоционально напряженного общения. Уравнивание представлений субъекта о себе и о партнере как возможных источниках трудностей друг друга, приводит к уравниванию требований к себе и другому по изменению ситуации затрудненного общения. Такое общение соответствует диалогической природе общения и ценностному подходу к другому.

Этот механизм «двойного осознания» позволяет соотнести свои представления о причинах собственных затруднений и затруднений партнера с его представлениями об этом. Осознание имеющихся расхождений позволяет выйти на проблему необходимости личностных изменений не только в партнере, но и в себе.

В реальном общении причиной затруднений могут быть одновременно оба партнера, осознающие то, что они являются источником затруднений друг для друга, или не осознающие это. Степень совпадения или несовпадения представлений партнеров о причине, затрудняющей их общение, может говорить о степени деструкции их отношений. Учитывая специфику взаимосвязи личности и общения, также важно учитывать влияние личностных, социально-психологических характеристик субъекта общения (в данном исследовании, центрации–децентрации) на степень осознания себя и другого в качестве трудных партнеров взаимодействия, на изменение представлений о себе и другом как трудных партнерах общения.

Проведенные исследования представлений о себе и другом как трудном партнере общения позволяют сравнить динамику параметров этих представлений в связи с динамикой центрации–децентрации. В таблице 1 представлены показатели представлений о себе и другом (ученике) как трудных партнерах общения у педагогов с крайними показателями центрации (на себе и на других) до тренинга.

Сравнивая представления о себе и другом как трудном партнере общения, можно говорить о существенных различиях показателей степени затрудненности общения. Кроме этого, можно увидеть общую тенденцию: у педагогов с ярко выраженными показателями как центрации, так и децентрации наибольшую степень затруднения в общении вызывают характеристики ученика. Себя, в качестве трудного партнера, учителя рассматривают в гораздо меньшей степени. Следовательно, можно констатировать нарушение диалогического (субъект-субъектного) вида общения: происходит смещение зоны ответственности в детерминации затруднений в общении с себя на партнера. Это позволяет

Таблица 1.

Представления о себе и другом как трудном партнере общения у педагогов с высокой центрацией на себе и на других (показатели степени затрудненности в баллах)

Характеристики общения	***Степень затрудненности характеристиками общения***			
	Ученика как трудного партнера		***Себя как трудного партнера***	
	Центрация на себе	***Центрация на других***	***Центрация на себе***	***Центрация на других***
Экспрессивно-речевые	9.3	8.540	2.895	3.209
Социально-перцептивные	8.779	7.668	4. 461	4. 86
Отношение–обращение	9.86	8.908	4. 224	4. 485
Навыки взаимодействия	8.918	7.641	4. 605	4. 725

Таблица 2.

Представление о себе и другом как трудном партнере общения у педагогов со средними показателями центрации после тренинга (показатели степени затрудненности в баллах)

Характеристики общения	***Степень затрудненности характеристиками общения***	
	Ученика как трудного партнера	***Себя как трудного партнера***
Экспрессивно-речевые	7.86	3.456
Социально-перцептивные	6.61	5.535
Отношение–обращение	7.87	4.941
Навыки взаимодействия	6.975	5.332

сделать вывод о неценностном отношении к другому.

Проведение тренинга с целью осознания себя и другого в качестве возможной детерминанты затруднений в общении позволило получить следующие результаты: произошло изменение в представлениях педагогов о себе и ученике как трудных партнерах общения. При этом, следует отметить, что произошедшие изменения связаны с гармонизацией показателей центрации–децентрации. Изменения показателей центрации–децентрации зафиксированы на статистически значимом уровне.

В таблице 2 представлены показатели представлений о себе и другом как трудном партнере общения у педагогов со средними показателями центрации после тренинга.

Динамика показателей центрации–децентрации характеризуется изменением крайних значений к средним значениям, т. е. тенденцией к гармонизации указанных показателей. Указанные изменения центрации–децентрации сопровождаются снижением степени затрудненности характеристиками партнера (ученика), как затрудняющими общение, на статистически значимом уровне. Одновременно с этим увеличивается интенсивность оценки собственных характеристик как затрудняющих общение партнера.

Таким образом, показатели затрудненности характеристиками общения ученика у педагогов уменьшились, а представления о себе как трудном партнере общения – увеличились. Следовательно, произошло выравнивание отношения к себе и партнеру как возможной детерминанте затруднений в общении, что говорит о переходе на субъект-субъектный, диалогический уровень общения. Именно эти изменения позволяют уменьшить степень трудностей в общении «педагог–ученик» за счет более ценностного отношения к партнеру по общению.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодалев А. А.* Психология общения: Избранные психологические труды. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. – 256 с.
2. *Братусь Б. С.* Аномалии личности. – М.: Мысль, 1988. – 301 с.
3. *Братченко С. Л.* Гуманистические основы личностно-ориентированного подхода к воспитанию // Образование и культура Северо-Запада России. – СПб., 1996. – С. 91–99.
4. *Бреус Е. Д.* Динамика представлений о себе и другом как трудном партнере общения в результате социально-психологического тренинга: дисс. … канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 1999. – С. 173.
5. *Бреус Е. Д.* Динамика трудностей общения педагогов в процессе социально-психологического тренинга // Психологический вестник Ростовского государственного университета. – 1996. – № 1. – С. 230–238.
6. *Каган М. Р., Эткинд А. М.* Общение как ценность и как братство // Вопросы психологии. – 1988. – № 4. – С. 25–34.
7. *Куницына В. Н.* Нарушения, барьеры, трудности межличностного неформального общения // Актуальные проблемы психологической теории и практики / Под ред. А. А. Крылова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. – С. 82–92.
8. *Лабунская В. А.* От проблемы затрудненного общения к постановке проблемы «субъект затрудненного общения» // Психологический вестник. – 1997. – Вып. 2. – С. 24–40.
9. *Лабунская В. А., Менджерицкая Ю. А., Бреус Е. Д.* Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001.
10. *Панферов В. Н.* Проблема взаимосвязи объектных и субъектных свойств человека // Вопросы психологии межличностного познания и общения. – 1983. – С. 78–86.
11. *Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. – Ростов н/Д, 1996.
12. *Рюмшина Л. И.* Понимание педагогами внутренних тенденций и переживаний подростков // Психология обучения. – 2015. – № 1. – С. 81–89.
13. *Рюмшина Л. И.* Ценности личности в общении // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Бодалева. – М.: Когито-Центр, 2015. – С. 161–162.
14. *Spielrein S.* Destruction as formation reason // 1994. – Logos. – № 5.

РАССМОТРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ АЛЬТЕРНАТИВНОГО ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ С ПОЗИЦИИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЕГО КРАЙНИХ ФОРМ

Дудникова А. А.,
Беликова М. А.

В статье рассматриваются вопросы альтернативности с точки зрения клинической психологии. Альтернативное позиционирование рассматривается как категоричное мышление и выделяется в качестве личностной патологии человека. Альтернативность характера демонстрируется в ярко выраженных его чертах или акцентуации. Также рассмотрена альтернативность в качестве трансформации личностных ценностей при шизофрении.

Ключевые слова: *альтернативное позиционирование, личностная патология, личностные ценности, акцентуация, шизофрения, расстройства личности, категоричное мышление.*

На сегодняшний день в социуме распространены такие понятия на запрещенную тематику, как альтернативность, противодействие, противостояние, позиционирование. Наша жизнь весьма переполнена этими определениями, но далеко не всегда мы имеем возможность понять и осмыслить психологические механизмы, которые лежат в основе данных явлений. Альтернативный стиль мышления обуславливает увеличение кругозора человека и, соответственно, расширение разных смысловых баз, на которых формируется вся его жизнь.

Особую значимость изучение альтернативного позиционирования приобретает еще в период обучения в школе. Формирование всесторонне развитой и социально зрелой личности каждого школьника – есть главная цель школы. Именно школьный общеобразовательный процесс начинает формирование альтернативной позиции личности.

Рассматривая альтернативность в рамках различных психологических подходов, можно выделить позиции его крайних форм. Альтернативность в данной ситуации рассматривается как категоричное мышление и выделяется в качестве личностной патологии человека.

Часто альтернативность характера демонстрируется в ярко выраженных его чертах или акцентуации. Термин «акцентуация» был введен немецким психологом и психиатром Карлом Леонгардом, он же предложил и классификацию акцентуаций. К. Леонгард в своих исследованиях часто употребляет словосочетание «акцентуированная личность» и «акцентуированные черты характера».

Доработка концепции акцентуации личности при рассмотрении характеров подросткового возраста была осуществлена А. Е. Личко и сотрудниками, где «чрезмерное усиление отдельных черт характера, при котором наблюдаются не выходящие за пределы нормы отклонения в психологии и поведении человека, граничащие с патологией» и есть акцентуация характера [3].

Акцентуациям подвержены чаще всего подростки и индивиды, находящиеся в юношеском возрасте, т. е. в период становления характера личности. Следует отметить чрезвычайную важность подросткового возраста для формирования личности в выборе карьерных притязаний, определении вектора профессиональных интересов, адаптации в трудовом коллективе. Осуществить прогноз и избежать травмирующих последствий, обусловленных несовпадением типологических особенностей личности и выбранной профессиональной сферы, позволяет выявление типа акцентуации.

Акцентуация может повлечь за собой психические заболевания, в зависимости от ситуации, обусловленные клинико-патологическими изменениями поведения, психологическими и неврологическими расстройствами. Следует подчеркнуть отсутствие тождественности понятий «психическая патология» и «акцентуация характера», т. е. четкой грани, отделяющей условно нормальных, «средних» и акцентуированных личностей, не существует. Профессиональная ориентация, индивидуализация должностных обязанностей осуществляется с помощью определения в коллективе акцентуированных личностей с учетом психологической предрасположенности последних.

Необходимо отметить, что акцентуация характера является крайним вариантом нормы, при котором определенные черты характера особо доминируют в поведении человека и, как правило, приводят к постепенному переходу в патологическое состояние.

Одной из наиболее острых педагогических проблем является проблема акцентуаций характера у подростков. Согласно исследованиям Г. О. Заблоцкого, количество подростков–акцентуантов среди обучающихся 8–11-х классов средней общеобразовательной школы составляет от 33 до 88 %, и только совместная работа педагогов и психологов с данными индивидами может привести к разрешению данной проблемы [1, с. 118]. Подобные особенности характера не позволяют молодым людям в полной мере проявить коммуникативные навыки, снижают способность к адаптации в коллективе, затрудняют успешное протекание учебного процесса.

Молодые люди с акцентуированным характером имеют проблемы личностного характера, связанные с отношением к собственному Я, с общением с окружающими людьми, у них могут развиться различные комплексы, связанные с неуверенностью в собственных возможностях. Данная группа молодых людей подвержена собственному видению окружающего мира, который часто воспринимается с опаской и недоверием. Они могут вполне ограничивать свое общение со сверстниками, а также проявлять агрессивность по отношению к окружающим их людям. Часто они подвержены чувству собственной индивидуальности, причем развито оно в отрицательном плане.

Альтернативность может проявляться как категоричное мышление с точки зрения личностной патологии. Одной из них является трансформация личностных ценностей при шизофрении. Шизофрения – термин, предложенный Э. Блейлером в 1911 г., от греческого «schizo» – расщепляю и «phren» – ум, разум [5] – патология психического расстройства, идущая со стремительно либо медленно протекающими переменами человека особенного типа (уменьшение уровня энергетических возможностей и эмоционального фона, увеличивающаяся интровертированность, потеря обобщенности психических процессов и т. п.). По мнению Р. Шейдера, «развитие такого личностного дефицита тесно связано с различными, колеблющимися в своей интенсивности продуктивными симптомами и синдромами – неврозо- и психопатоподобными, аффективными, галлюцинаторными, гебефренными, кататоническими, а также онейроидным помрачнением сознания» [5]. Важно отметить, что в раннем возрасте «развитие болезни без соответствующего лечения, особенно ее выраженных форм, приводит к искажению или утрате прежних социальных связей, снижению психической активности, резкому нарушению поведения, особенно при обострении бреда, галлюцинаций и других продуктивных расстройств» [2]. Альтернативное позиционирование является своего рода регулятором нашего мышления. При шизофренических проявлениях данного рода у человека рушатся барьеры действительности, и он начинает выстраивать бесконечный ассоциативный ряд событий, который уводит его в дебри неадекватной реальности. Человек начинает видеть альтернативу там, где ее не существует, и наоборот.

Б. М. Кедров имел возможность ввести понятие познавательно-психологического барьера (ППБ). Данный барьер осуществляет, в первую очередь, положительный эффект, помогая в более расширенном плане использовать возможности достигнутого уровня познавательной активности, а также ограничивая достаточно быстрый переход на более высокий уровень, ввиду того, что в силу неподготовленности данный переход не имеет возможности дать реальные знания об изучаемом объекте. Это может быть

либо синтез новой теории, либо открытие нового закона природы. Именно барьер не дает исследователю осуществить переход на другой уровень из-за задержки мысли. Б. М. Кедров ассоциировал данный принцип с шорами, надеваемыми на глаза тройке коней, чтобы они не замечали того, что происходит рядом, а видели лишь дорогу впереди себя. Также примером может служить передвижение по четко ограниченной дороге, по рельсам, и данное сравнение наиболее правильно передает мыслительные операции личности по привычным и накатанным путям. Люди «на автомате» живут по известным алгоритмам жизненного уклада и воспитания. Стандартные решения привычных жизненных задач позволяют людям не придумывать «велосипед». Данный ограничивающий барьер, появляясь «на автомате», бессознательно не исчерпывает своих ресурсов в своей положительной роли (к примеру, в случаях, требующих совершенно другого выхода, пересмотра устоявшегося мнения). Воздействие познавательно-психологического барьера ограничивает продвижение мыслительных операций на ступень выше в том случае, когда достигнутый познавательный уровень полностью опустошен.

Утратой единения психических явлений является разделение их на более мелкие структуры. Перемена на личностном уровне влечет за собой потерю связи с окружающей реальностью, многообразных мотиваций, пропадает готовность что-либо делать, у личности пропадает чувственное восприятие. Кроме всего, пропадает адекватная активность человека, на фоне которой он начинает быть бездеятельным и пассивным, однако иногда активность имеет узконаправленный характер, в ходе которого личность ничего не интересует, кроме одной-единственной идеи. В перемене характера индивида задействованы астенические заболевания, являющиеся началом патологического расстройства. Для данной патологии характерны беспокойство, страх, волнение, негативное отношение к людям, неадекватность поступков, быстрая смена эмоционального настроя.

Возникновение данной патологии в юношеском возрасте начинается с двухсторонних аффективных расстройств или однонаправленного депрессивного состояния. Протекание двухсторонних аффективных расстройств – наиболее прогредиентное, в результате которого через пять–шесть лет от их начала наступает недостаток нейрокогнитивной функции, отсутствие глубоких мыслительных действий. Они могут, не объясняя причин, резко закончить обучение в вузе или же не выполнять программу обучения послевузовского образования. В совокупности с устойчивым болезненным и инфантильным состоянием, происходит изменение внешнего вида (субкататонические проявления, «мягкая кататония»). К однонаправленному депрессивному состоянию подключается алкоголизм и применение наркотических веществ. Через восемь–девять лет от начала заболевания возникает расстройство «дефицитарного шизоида». Близкие люди ведут ребенка к психиатру, как правило, анонимно, без официального оформления, во избежание огласки и критик со стороны окружающих. Довольно часто соглашаются с «соматоневрологическими» диагнозами, материально обеспечивают больных, не идут на официальный контакт с психиатрами. Все это продолжается до тех пор, пока больной человек не станет себя враждебно и неадекватно вести, и нужно ставить вопрос о его трудоспособности [4, с. 126].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заблоцкий Г. О.* Коммуникативные основы гармонизации личности подростка с акцентуацией характера // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. – 2010. – № 7–9. – С. 116–123.
2. *Лебединский В. В.* Нарушение психического развития у детей. – М.: Изд-во Московского Университета, 1985.
3. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.: Медицина, 1983.
4. *Сенько Е. В.* Особенности клинической картины поздно диагностируемой вялотекущей шизофрении в зависимости от возраста начала заболевания // Сибирский медицинский журнал. – 2009. – № 7. – С. 125–128.
5. Справочник по психиатрии. – М.: Медицина, 1985.
6. *Шейдер Р.* Психиатрия. – М.: Практика, 1998.

РОЛЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ЗАЩИТ ЛИЧНОСТИ ПЕДАГОГА В УСЛОВИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТРЕБОВАНИЙ ФГОС

Звездина Г. П.,
Князева Е. В.

В статье рассматривается проблема психологических барьеров личности педагога в условиях реализации современных требований ФГОС. Актуальность проблематики статьи вызвана необходимостью формирования активной субъектной позиции учителя в условиях реализации ФГОС, с одной стороны, и высокой степенью выраженности его внутриличностных психологических защит, приводящих к шаблонизированности моделей его поведения, стремлению ограничивать себя уже имеющимся накопленным опытом, с другой.

В данной работе в качестве причин, затрудняющих включенность педагога в реализацию ФГОС, проанализированы основные психологические защиты его личности. В статье показано, что формирование активной субъектной позиции учителя может входить в конфликт с более архаичными психическими процессами – психологическими защитами личности, которые обеспечивают целостность сознания и сложившихся убеждений и установок личности.

Ключевые слова: *защитные механизмы, личность, психологические защиты, педагог, психоанализ, субъектность, учитель, ФГОС.*

Современные требования ФГОС предполагают формирование у учащихся личностных компетенций, среди которых ключевыми являются направленность на саморазвитие и самоопределение. Инновационные педагогические технологии обеспечивают интерактивность и максимальную личностную включенность школьника в образовательное пространство. Однако результат профессионального взаимодействия с учащимся во многом зависит и от стиля педагогического общения, который, как правило, определяется личностными особенностями педагога. Смена подхода к обучению в системе образования предполагает и изменение личности самого учителя, его способов выстраивания педагогического контакта с ребенком. Очевидно, что в данном предметном поле может возникать ряд трудностей, вызванных индивидуальными характеристиками учителя.

Одной из основных проблем, усложняющих «синхронизацию» с ребенком, его образовательными потребностями, является ригидность и слабая вариативность способов взаимодействия с разными детьми. Это может быть вызвано целым рядом факторов, в числе которых находятся защитные механизмы личности педагога. В условиях выполнения новых педагогических задач активизируются механизмы защиты для разрешения внутриличностных конфликтов, вызванных противоречиями между привычными и новыми профессиональными ролями.

Высокая степень выраженности внутриличностных психологических защит учителя приводит к шаблонизированности моделей его поведения, стремлению ограничивать себя уже имеющимся накопленным опытом [1].

В ситуации переориентации на новые требования неизбежно активизируется **меха-**

низм отрицания, выражающийся в стремлении избежать информации, несовместимой со сложившимися представлениями о себе [5]. Личность блокирует новою информацию таким образом, что она не может быть адекватно усвоена. Однако позитивная информация личности о себе воспринимается и сохраняется. Отрицание является одним из основных механизмов подавления страха [1]. Внимание человека перераспределяется так, что человек становится избирательным в случаях, вызывающих тревогу и травмирующие переживания. На когнитивном уровне это выражается в отвержении информации, которая вступает в конфликт с устоявшимися личностными убеждениями.

Следующей трудностью, вызывающей блокировку информации при переходе ее из внимания в память, выступает **механизм подавления**. Это обнаруживается в «разорванности воспоминаний» [5], запрещенных к воспроизведению. Подавление отличается от **механизма вытеснения**, в котором личность вытесняет из сознания отрицательные переживания, однако находится под их влиянием. Специфика действия механизма вытеснения заключается в том, что в области бессознательного оказывается само Я и его действия (осознание своей роли и действий), в то время как при подавлении волевым усилием из сознания определенное психическое содержание исключается в предсознательное. В педагогическом процессе мы можем наблюдать учителей, выбравших пассивную и безынициативную стратегию поведения в проблемных ситуациях, в неестественном медлительном поведении, конформности.

Отсутствие готовности брать на себя инициативу в ситуации соответствия новым требованиям может обеспечивать механизм **регрессии**. В таких случаях личность возвращается к детским типам поведения, которые ранее приводили к успеху. Регрессия означает возврат к инфантильным формам поведения, в которых ребенок, справляясь со своей тревогой потери самоуважения, демонстрирует эмоциональную неустойчивость, несамостоятельность, ожидание поиска решения от коллег или руководителей, неумение доводить до конца начатое дело, потребность в стимуляции, импульсивность. Развитию регрессии способствует эмоциональное напряжение и неуверенность в собственных силах.

Негативный оттенок восприятия новых требований также может выражаться в механизме проекции. **Проекция** предполагает процесс приписывания собственных неприемлемых чувств, мотивов и потребностей другим людям. Это вызывает стремление исправить или избавиться от внешнего «объекта» вместо того, чтобы осознать собственные чувства, установки в его отношении.

Одним из способов искажения реальности является и **механизм обесценивания**. Педагог может обесценивать как собственные промахи, так и достижения. Обесценивание собственных неудач приводит к недостаточному уровню осознавания ответственности за собственные действия, а обесценивая собственные достижения, учитель склонен оценивать результаты своей работы негативно.

В условиях требований к формированию у учащегося личностных компетенций, таких как мотивация к обучению, осознанное восприятие своих действий и поведения, направленность на самоопределение, педагог может испытывать трудности в формировании собственной субъектной позиции, предполагающей самостоятельную активность, самодвижение, осознанную саморегуляцию [6]. «Субъектность связана с отношением человека к себе как к деятелю, с наделением человеческого индивида качествами быть самостоятельным, активным, способным, умелым в осуществлении особых человеческих форм жизнедеятельности, прежде всего предметно-практической деятельности» [4].

Таким образом, формирование активной субъектной позиции учителя может входить в конфликт с более архаичными психическими процессами – психологическими защитами личности, которые обеспечивают целостность сознания, являются способами переработки информации, блокирующими угрожающую информацию, пассивно-оборонительными формами реагирования в травматичной жизненной ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Грановская Р. М., Никольская И. М.* Защита личности: психологические механизмы. – СПб.: Знание, 1999. – С. 41.
2. *Зимняя И. А.* Основы педагогической психологии. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 480 с.
3. *Левитес Д. Г.* Цели и смыслы отечественного школьного образования (о парадигмальном кризисе в отечественной педагогической науке) // Пути, средства, возможности модернизации образовательной системы. Т. 1. – М., 2009. – С. 270–278.
4. *Ленглер О. А.* Субъектность человека: психолого-педагогические основы // Молодой ученый. – 2012. – № 11. – С. 440–442.
5. *Маликова Т. В., Михайлов Л. А., Соломин В. П., Шатровой О. В.* Психологическая защита: направления и методы: Учебное пособие. – СПб.: Речь, 2008. – 231 с.
6. *Рубинштейн С. Л.* Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.
7. *Фрейд А.* Психология Я и защитные механизмы. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 68 с.
8. *McWilliams N.* Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. – New York: The Guilford Press, 1994.
9. *Plutchik R., Kellerman H., Conte H.* A structural theory of ego defenses and emotion // Emotions in personality and psychopathology. – 1979. – pp. 123–156.

ТЕОРЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЭКОЛОГИЧНОГО САМОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ

Раева Д. А.

Статья посвящена изучению экологичного самосознания современных подростков. Вводится определение понятия «экологичное самосознание» современных подростков. Рассматривается теоретическая модель исследования экологичного самосознания современных подростков.

Ключевые слова: *самосознание, экологичное самосознание, Я-концепция, образ мира, киберпространство, Интернет-ресурсы, кибертехнологии, подростки.*

XXI век – век преобразований духовной, социальной, экономической и политической сфер жизни общества. Жизнедеятельность человека определяется широким использованием компьютерных технологий, в частности использования Интернет-ресурсов. Киберпространство – развивающаяся область деятельности человека. На сегодняшний день происходит широкое применение Интернет-технологий в профессиональной и социальной жизни личности. Удовлетворение разнообразных потребностей человека, в том числе физиологических, социальных, духовных, потребностей в признании, самосовершенствовании и самоактуализации осуществляется за счет кибертехнологий. Образовательные стандарты нового поколения средней и высшей школы предполагают использование в образовательном процессе интерактивных методов обучения. Появляется установка относительно того, что чтобы эффективно существовать в данных условиях общества, современному человеку необходимо быть социально активной, мобильной личностью, способной к творческому преобразованию окружающей действительности, что возможно на основе пребывания в киберпространстве.

По мнению В. А. Плешакова, жизнедеятельность и взаимодействие с другими людьми и миром в целом осуществляется человеком XXI в. параллельно в двух социализирующих средах: классической объективной (материальной) реальности и инновационной альтернативной реальности киберпространства (киберреальности), обе из которых потенциально и реально влияют на становление и трансформацию субъективной (явления психики) реальности [3, с. 10]. В подобных условиях формируется картина мира личности, самосознание, Я-концепция.

Особенно популярным является пребывание в киберпространстве (проведение досуга) у молодежи, в частности среди подростков. Подростки приобретают из данной среды жизненные идеалы, ценности, не соответствующие общим правилам нравственности, духовности, не раскрывающие особенности здорового взаимодействия, зачастую несущие деструктивный характер. Ведущим типом деятельности в подростковом возрасте является общение со сверстниками, появляются хобби-реакции, на основе чего формируется представление о себе, самосознание подростков.

Актуальными становятся вопросы о развитии самосознания современных подростков, в частности экологичного самосознания в условиях киберпространства; оказания им психологической помощи и поддержки в обстоятельствах виртуальной реальности.

Особую значимость приобретает исследование содержательных и структурных компонентов экологичного самосознания современных

подростков. Д. И. Фельдштейн отмечал, что «именно подросткам предстоит перестраивать общество, создавать не просто отдельные конструкты, но принципиально отличную историческую действительность, располагая той необходимой дистанцией своего развития–осуществления, на которой выстраиваются новые системы отношений» [4, с. 10].

Проблема исследования феноменов экологического сознания и экологического самосознания носит экопсихологический характер (Ю. Г. Абрамова, Б. Т. Лихачев, В. И. Панов, В. В. Рубцов, В. И. Слободчиков, В. А. Ясвин). Прежде чем рассматривать данные понятия, проанализируем понятия сознания и самосознания личности.

В отечественной психологической науке исследованием природы сознания и самосознания, их структуры, личностно-смысловых образований занимались В. П. Зинченко (самосознание в мире сознания), А. Н. Леонтьев (зависимость формирования самосознания от выполняемой человеком деятельности), С. Л. Рубинштейн (самосознание как продукт развития субъекта деятельности).

С общепсихологических позиций Я-концепция рассматривается Р. Бернсом (Я-концепция как совокупность установок на себя), В. В. Столиным, С. Р. Пантилеевым (Я-концепция как процесс самоотношения), И. И. Чесноковой (Я-концепция как процесс самопознания) и др.

Исследования содержательных аспектов образа Я в онтогенезе представлены в работах Б. Г. Ананьева (изучалась проблема развития детского самосознания), М. И. Лисиной (происхождение образа Я как результат общения ребенка с взрослым), В. С. Мухиной (развитие образа Я в период дошкольного детства), Л. И. Божович, А. М. Прихожан (образ Я как возрастное новообразование подростков). Значимыми являются научные работы, раскрывающие структуру образа Я в психодинамическом (А. Адлер, Э. Берн, З. Фрейд, К. Хорни, Э. Эриксон, К. Юнг), гуманистическом (К. Роджерс), интеракционистском (Д. М. Болдуин, Н. Я. Грот, У. Джемс, Ч. Кули, Т. Шибутани) подходах.

В. И. Панов рассматривает экологическое сознание относительно системы «человек–среда». Центральное место в структуре экологического сознания С. Д. Дерябо и В. А. Ясвин отдают субъективному (личностному) отношению человека к миру природы. Основой субъективного отношения, согласно позиции С. Д. Дерябо и В. А. Ясвина, является запечатленность в объектах или явлениях мира потребностей личности [2, с. 73].

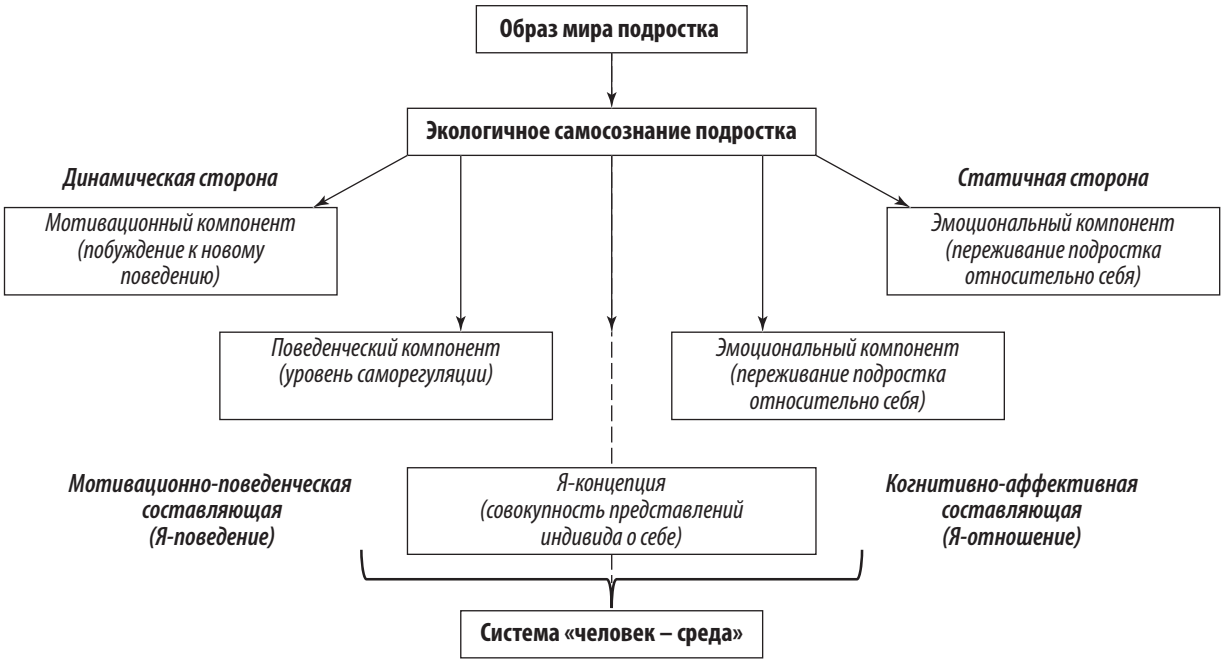

Рисунок 1. Модель экологичного самосознания современных подростков

Под экологичным самосознанием мы понимаем аффективно-когнитивное образование, проявляющееся в поведенческой установке, направленной на сохранение и укрепление физического и психического здоровья, определенной качеством отношений и способом взаимодействия в системе «человек–среда». При этом взаимосвязь должна носить экологичный характер, т. е. духовно-нравственный, ценностно-смысловой в условиях часто агрессивной окружающей среды.

Результаты теоретического анализа позволяют определить характеристики экологичного самосознания современных подростков и построить эмпирическое исследование на основе разработанной модели экологичного самосознания в картине мира, включающей в себя: поведенческий компонент, связанный с особенностями уровня саморегуляции; мотивационный компонент, представляющий интенциональную часть, побуждающую подростка к новому поведению и деятельности; когнитивный компонент – представления подростка о себе; эмоциональный компонент – переживания подростка относительно себя; компонент «Я-концепция» – как совокупность представлений индивида о себе, сопряженная с их оценкой в контексте разных социокультурных условий жизни.

Далее представим модель экологичного самосознания подростков в системе «человек–среда» (рисунок 1).

Таким образом, экологичное самосознание современных подростков занимает особое место в структуре самосознания наряду с категорией «Я-концепция», представляет собой сложный феномен, представленный когнитивным, аффективным, поведенческим компонентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дерябо С. Д., Ясвин В. А.* Экологическая педагогика и психология. – Ростов н/Д: Феникс, 1996.
2. *Панов В. И.* Введение в экологическую психологию. – М.: Изд-во МНЭПУ, 2001.
3. *Плешаков В. А.* Киберонтологическая концепция развития личности и жизнедеятельность человека в XXI в. // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. – 2014. – Вып. 4 (35). – С. 9–22.
4. *Фельдштейн Д. И.* Функциональная нагрузка академии образования в определении принципов и условий развития растущего человека на исторически новом уровне движения общества (Доклад на общем собрании РАО 29 октября 2013 г.) // Проблемы современного образования. – 2013. – № 5. – С. 6–20.

ВЛИЯНИЕ ПОРЯДКА РОЖДЕНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОМЕТРИЧЕСКОГО СТАТУСА

Филиппова А. В.

Исследование посвящено анализу социометрического статуса и особенностей проявления характеристик, связанных с порядком рождения в малой группе. Очередность рождения влияет на стиль жизни человека и на его поведение. В данном исследовании порядок рождения рассматривается как фактор формирования социометрического статуса личности.

Ключевые слова: *порядок рождения, социометрический статус, эмпатия, первенец, второй ребенок, единственный ребенок.*

Проблемами порядка рождения занимались давно и не один ученый (А. Адлер, Р. У. Ричардсон, У. Толмен и др.) уделил внимание этой теме. Но вопрос влияния порядка рождения на социометрический статус остается не затронутым. Для современной социальной психологии является актуальным изучение отношений, протекающих в малых группах, при помощи социометрии. В 30-е годы Дж. Морено ввел в психологию термин «социометрия» и создал уникальную социопсихологическую теорию, согласно которой в группе у каждого ее члена существует социометрический статус. Цель данного исследования – определить влияние порядка рождения на социометрический статус в группе. В исследовании принимали участие студенты 3-го курса в возрасте от 18 до 23 лет.

Исследование проводилось в два этапа. На первом – диагностическом этапе – был проведен социометрический опрос, опрос о порядке рождения в семье, и диагностика уровня социальной эмпатии. На втором – интерпретационном – полученные результаты были обработаны и проанализированы.

Дети, рожденные первыми в семье, имеют меньше всех положительных выборов. Причем мужчины–первенцы имеют меньше выборов, чем женщины, рожденные первыми. Данный результат может быть объяснен тем, что первенцы в отношениях с другими людьми ведут себя консервативно, не принимают критику и не терпят чужих ошибок. Они не выражают своих эмоций достаточно ярко, стремятся воспитывать окружающих людей. Эта зависимость показана на рисунке 1.

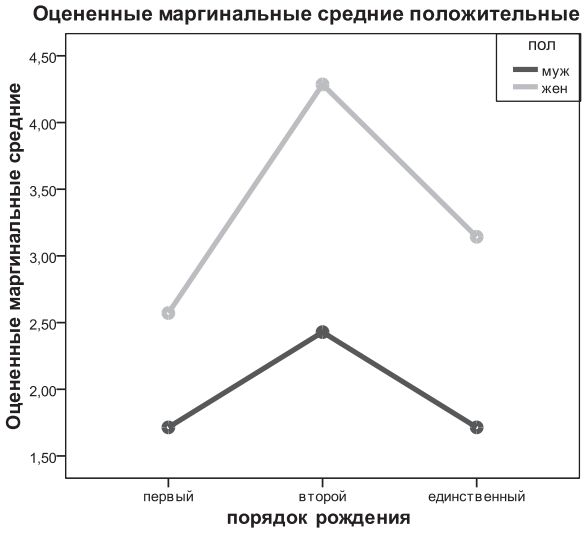

Рисунок 1. Зависимость между социометрическим статусом и порядком рождения

Зачастую первенец стремится взять на себя ответственность за принятие важнейших решений в группе и в любых ситуациях играть роль лидера, причем роль официального лиде-

ра. Как показывают нам социометрические исследования, официальный лидер не может быть «звездой», т. к. лидерство связано с вмешательством в процесс действий, в то время как социометрический статус предполагает, что участники испытывают чувства по отношению друг к другу. Это связано с тем, что если первенец все-таки добивается лидерства в группе, то он утрачивает симпатии окружающих. Это приводит к тому, что первенец начинает вызывать негативные чувства, такие как зависть или ревность [3, 4].

На рисунке 1 видно, что дети, рожденные вторыми, имеют больше всех положительных выборов, при этом женщины, рожденные вторыми, имеют больше положительных выборов, чем мужчины, рожденные вторыми. Как показал двухфакторный дисперсионный анализ, данные касательно пола имеют достоверную вероятность, P = 0,041. Причем T=22,7, из этого следует, что в зависимости от пола будут совершаться положительные выборы. То есть девушки, родившиеся вторыми в семье, вероятнее всего будут «звездами» или предпочитаемыми людьми в группе, чем мужчины. С нашей точки зрения, это может быть вызвано тем, что из-за постоянной борьбы со старшим ребенком, младший быстрее развивается, быстрее адаптируется, чем старший сиблинг [1].

Стиль жизни вторых детей ориентирован на достижение, на желание доказать, что он лучше, чем старший, и у них присутствует сильная потребность в аффилиации. Им важно быть в обществе, и поэтому у них слишком высокий уровень притязаний, слишком высокие цели он себе ставит. Как показывают исследования по самоотношению подростков И. А. Нальгиевой, вторые дети в семье имеют низкую самооценку и высокий показатель по самопониманию. Но самое интересное, что у них высокий интерес не только к себе, но к другим людям: это, в свою очередь, располагает людей по отношению к ним [3].

Дети, которые росли без сиблингов, т. е. единственные дети в семье, заняли среднестатусные и низкостатусные позиции. Это может быть вызвано тем, что они имеют в себе многие качества старшего ребенка. После первенцев, единственные дети имеют обычно самый высокий коэффициент интеллекта и лидерские качества. У них есть внутренний стержень, они считают, что судьба в их руках [3]. Это приводит к тому, что они вырастают эгоцентристами. Но в то же время единственный ребенок в семье одновременно оказывается и самым младшим в семье, поэтому он ожидает заботу и защиту со стороны окружающих.

В ходе двухфакторного дисперсионного анализа была установлена зависимость между уровнем эмпатии и порядком рождения (рисунок 2).

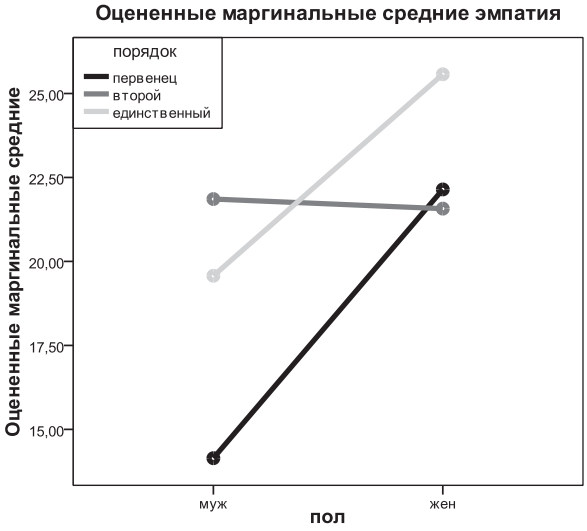

Рисунок 2. Зависимость между уровнем эмпатии и порядком рождения

На рисунке 2 видно, что мужчины–первенцы имеют самый низкий уровень эмпатии. Женщины, которые росли единственными детьми в семье, имеют самый высокий уровень эмпатии. Мужчины и женщины, рожденные вторыми в семье, имеют средний уровень эмпатии.

Результаты T-критерия Стьюдента показали общий уровень эмпатии: первенцы имеют самый низкий уровень эмпатии, где P = 0,054, а среднее значение эмпатии 18,1. У вторых детей среднее значение по эмпатии 21,7 – это ниже, чем среднее значение по эмпатии (22,6) у единственных детей в семье.

Отчасти данные результаты по социальной эмпатии подтверждают наши результаты по влиянию порядка рождения на социометрический статус. Первым детям в семье не хватает сопереживания, сочувствия, понимания

психологического состояния других людей, чтобы занять высокостатусную позицию в группе. Они скупы на эмоции, а эмпатия подразумевает под собой способность эмоционально реагировать на переживания другого. Следовательно, имея низкий коэффициент эмпатии, первенцы приобретают низкий социометрический статус и становятся пренебрегаемыми членами.

Дети, которые росли единственными в семье, становятся среднестатусными членами группы, причем уровень эмпатии у них самый высокий. По нашему мнению, такой результат может быть вызван тем, что единственные дети всегда стремятся найти защиту и опору в другом человеке, на которого они могут переложить ответственность за свои решения. Это приводит к тому, что им приходится быть открытыми, чуткими к поведению других, чувствовать эмоции людей, чтобы расположить их к себе. Но, как показывают результаты, являясь настолько эмпатийными людьми, они все равно не становятся социальными «звездами».

Дети, рожденные вторыми, становятся социометрическими «звездами» и предпочитаемыми членами группы, имея при этом средний уровень эмпатии. Это может быть вызвано тем, что они становятся хорошими манипуляторами в отношениях с другими людьми, и для своих достижений им достаточно иметь средний уровень эмпатии, т. к. они могут в нужный момент проявить поддержку и предвидеть эмоциональное состояние у людей, и в то же время они могут не замечать чувства других, если в этом нет необходимости. У них высокий интерес не только к себе, но к другим людям, что в свою очередь располагает людей по отношению к ним [4].

На основании эмпирических данных можно утверждать, что порядок рождения влияет на формирование социометрического статуса в малой группе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адлер А.* Наука жить. Комплекс неполноценности и комплекс превосходства. – Киев: Port-Royal, 1997. – 387 с.
2. *Мельникова Н. М.* Социальная психология: конспект лекций. – М.: Эксмо, 2008. – 160 с.
3. *Нальгиева И. А.* Эмпирическое исследование психологических особенностей развития самоотношения подростка в зависимости от порядка рождения в семье // Высшее образование сегодня. – 2013. – № 1. – С. 55–59.
4. *Хьелл Л.* Теории личности. – СПб: Питер, 2000. – 608 с.

ОСОБЕННОСТИ ВОЗЗРЕНИЙ З. ФРЕЙДА И ЕГО ПОСЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА СУЩНОСТЬ ВЗРОСЛЕНИЯ И САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РАСТУЩЕГО ЧЕЛОВЕКА

Чернова А. А.,
Савинова Ю. М.

В данной статье рассмотрены вопросы, связанные с взрослением и самоопределением растущего человека с позиции психоаналитической теории, проанализированы работы последователей психоанализа (З. Фрейда, Э. Эриксона, А. Адлера) в данном контексте. В статье приводятся психоаналитические идеи данных феноменов в период интенсивного развития человека и разбирается специфика личностного становления индивида, а также пути преодоления кризиса и выхода на качественно новый уровень самоопределения личности. С позиции классиков психоанализа рассматриваются различные подходы к проблеме взрослеющего человека и перспективы его дальнейшего развития и самоопределения.

Ключевые слова: *самоопределение, взросление, психоанализ, идентичность, личностное становление, растущий человек.*

В нашей науке, за более чем столетнее ее существование, сформировалось множество направлений деятельности психологии, но одним из ведущих, внесшим поистине огромный вклад в мировую копилку научных знаний, без преувеличения можно назвать психоанализ. В нашей современной действительности практически невозможно найти человека, который бы не был знаком с фамилиями З. Фрейда, К. Юнга, А. Адлера, Э. Эриксона. Они известны даже тем, чья профессиональная деятельность довольно далека от научной психологии, а такие базовые понятия психоанализа, как «бессознательное», «коллективное бессознательное», «архетипы», «комплекс неполноценности», существенно обогатили наш язык и прочно вошли в повседневный разговорный лексикон нашего общества.

Психоанализ оказал значительное влияние не только на психологию XX вв., но и на самые разные сферы общественной деятельности, затронув такие области, как политика, культура и искусство. История развития психоанализа связана с рядом таких имен, как А. Адлер, К. Г. Юнг, К. Хорни, В. Райх и др. Влияние психоаналитических идей совершенно по-новому для XIX и XX вв. позволили определить феномен человека, по-другому подойти к проблеме взрослеющего человека, перспективе его дальнейшего развития и самоопределения.

Разбирая специфику взросления и самоопределения растущего человека, интересно проанализировать позицию психоаналитической теории. По мнению З. Фрейда, взросление растущего человека и его жизненное самоопределение происходят под влиянием противоречий между собственными желаниями и стремлениями, и нормами культуры, предписывающими ему определенное поведение. Эти нормы («табу») навязывают человеку невропатическое поведение и, чтобы избежать этого, человек вынужден перемещать («сублимировать») свою нерастраченную энергию либидо из жизненных, в первую очередь сексуальных потребностей, в другие сферы жизни – искусство, политику, науку. Когда ребенок становится взрослым, его характер определяется процессом развития его Оно, Я, Сверх-Я и их взаимодействиями. Нормальное развитие, по З. Фрейду, происходит с помощью механизма сублимации, а развитие, которое происходит посредством механизмов вытес-

нения, регрессии или фиксации, рождает патологические характеры.

Э. Эриксон в своих работах показывает, как влияние окружающей действительности находит свое отражение в становлении самоопределения, особенно в период выделенных им нескольких первых стадий психосексуального развития. Автор не отрицает в основе личности индивида бессознательного начала, но не считает его полностью детерминирующим сознание. С развитием личности, с обретением опыта взаимодействия с взрослыми происходит постепенное самоопределение растущего человека. Разработав понятие «психосоциальная идентичность», Э. Эриксон тем самым вплотную подходит к проработке понятия «личностное самоопределение», т. к. именно осознание своей ценности, обретение целей и смысловых ориентиров позволяют человеку успешно преодолеть юношеский кризис и обрести готовность к самостоятельной жизни [4].

А. Адлер, модифицируя исходную доктрину психоанализа, выделил в качестве фактора развития личности чувство неполноценности, порождаемое, в частности, телесными дефектами. Если З. Фрейд в объяснении мотивов поведения личности сосредотачивал свое внимание на выявлении причины действий человека, то А. Адлер считал, что для этого необходимо знать конечную цель его устремлений, «бессознательный жизненный план», при помощи которого он старается преодолеть напряжение жизни и свою неуверенность. Разработанная А. Адлером концепция индивидуальной психологии прямо указывает на проблемы самоутверждения личности. Крайне важным для личностного роста взрослеющего человека, по мнению А. Адлера, является феномен комплекса неполноценности, присущего всем без исключения: «Быть человеком – значит обладать чувством неполноценности; давление природы, жизненных тягот, жизни в обществе, бренности человека слишком сильно, чтобы кто бы то ни было сумел избавиться от этого чувства» [1, с. 215]. Наличие умеренно выраженного чувства неполноценности позволяет личности развиваться без ограничения возможностей управления своими ресурсами и достигать личностного совершенствования, в случае же неадекватного усиления данного феномена происходит формирование комплекса превосходства, ведущего к чувству неудовлетворенности жизнью и разнообразным невротическим проявлениям.

Несомненно, взросление и личностное самоопределение наиболее интенсивно происходят в пору подросткового и юношеского возраста. Это наиболее продуктивный период, когда взрослеющий человек начинает соотносить свои цели, желания со своими возможностями, способностями и с теми требованиями, которые ставит перед ним общество. В наше нестабильное время, когда человек вынужден буквально перекраивать свою смысловую сферу ценностей, зачастую происходит утрата своего Я. Поэтому следует отметить, что развитие описываемых феноменов не останавливается на этапе взросления, а сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Э. Эриксон описывал кризис «середины жизни», когда действительность ставит перед человеком свои границы и только переформулировка жизненных позиций и обретение новых смыслов способствуют преодолению кризиса и выходу на качественно новый уровень самоопределения [3, с. 182–186].

По мнению многих зарубежных и отечественных психологов, можно по-разному относиться к З. Фрейду и его теории, но быть равнодушным – невозможно, т. к. он был впереди своего века и разрушил ригидные границы здравого смысла того времени, тем самым предоставил новое пространство для изучения человеческого поведения. С этой точки зрения важно отметить высказывание выдающегося отечественного психолога Л. С. Выготского, который показал полезное и ценное, что есть в психоанализе, и то, что в нем лишнее и вредное. Так, он писал: «Найденное З. Фрейдом решение... я не объявил бы большим трактом в науке или дорогой для всех, но альпийской тропинкой над пропастями для свободных от головокружения» [2, с. 336]. В России такие люди были: И. Д. Ермаков, С. Н. Шпильрейн, В. Г. Шмидт и другие. Многие из последователей З. Фрейда внесли значительный вклад в развитие психологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адлер А.* Наука жить. – Киев: Port-Royal, 1997. – 315 с.
2. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1982. – 488 с.
3. *Массен П., Конгер Дж., Каган Дж., Гивитц Дж.* Развитие личности в среднем возрасте // Психология личности. Тексты / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. – М.: Изд-во Московского университета, 1982. – 288 с.
4. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. – М.: Флинта, 2006. – 342 с.
5. *Эриксон Э.* Молодой Лютер: психоаналитическое историческое исследование. – М.: Медиум, 1996. – 508 с.

ВЫЯВЛЕНИЕ АГРЕССИВНОГО РАДИКАЛА С ПОМОЩЬЮ ТЕСТА ЧЕРНИЛЬНЫХ ПЯТЕН Г. РОРШАХА

Абакумова И. В.,
Ачина А. В.,
Коленова А. С.

В данной статье рассмотрены особенности диагностики наличия и особенностей проявления агрессивного импульса, согласно психоаналитической теории.

Задача авторов заключалась в желании продемонстрировать механизм, каким образом тест чернильных пятен Германа Роршаха выявляет агрессивный радикал в личности тестируемого.

В первой части статьи авторы раскрывают психоаналитические воззрения на феномен агрессии, открытый С. Н. Шпильрейн. Во второй – описан механизм диагностики и кодирования данных, полученный с помощью теста чернильных пятен Германа Роршаха. Так же описаны особенности психоаналитической интерпретации агрессивного радикала.

Ключевые слова: *агрессия, уровни агрессии, проективная методика, психологическая диагностика, тест Г. Роршаха, психоанализ, С. Н. Шпильрейн.*

Как известно, в истории психоанализа родоначальником представлений о влечении личности к разрушению стала Сабина Николаевна (Шейвэ Нафтульевна) Шпильрейн (1885–1942). Ее всемирно известная докторская диссертация «Деструкция как причина становления» положила начало исследованиям феномена «влечения к смерти». Так, с помощью Сабины Николаевны Шпильрейн понятия «деструкция», «влечение к смерти», «агрессия» стали фундаментальными для психоаналитической теории [4].

Психоаналитическая мысль развивалась в данном направлении, и спустя годы мы получили возможность раскрыть подобные психологические явления. Методы проективной диагностики наиболее информативно помогают выявить психоаналитические понятия в структуре личности. На наш взгляд, одним из самых подходящих является тест чернильных пятен Германа Роршаха, в основе которого лежит психоаналитическая интерпретация.

Таким образом, данная методика позволяет выявить описанные выше особенности функционирования личности. Важно отметить, что феномену «агрессия» уделено особое внимание в тесте.

Агрессия – импульс или намерение, предопределяющее такое поведение человека, которое характеризуется разрушительностью и деструктивностью. Из теоретических воззрений З. Фрейда следует, что «агрессивное влечение» является частью влечения к смерти. В то же время, агрессия и либидо ведут себя одинаково по отношению к принципу «наслаждения–неудовольствия». Так обнаруживается, что у обоих влечений разрядка сопровождается наслаждением, а ее невозможность связывается с неудовольствием. При этом мы можем заметить, что цель агрессии очень вариабельна и тесно связана с функционированием сферы Я и имеющимся у субъекта жизненным опытом.

Так как в психоаналитической теории агрессия – важная движущая сила, то в тесте для обозначения наличия агрессии в ответах тестируемого отведена специальная детерминанта «aggressive movement – AG» и вынесена в таблицу «особых отметок», что говорит о важности данной отметки. Для получения данной детерминанты в ответе тестируемого мы должны найти указание на агрессивное действие или экспрессию агрессивных чувств [5]. Примеры ответов: «дерущиеся люди», «разъяренная корова». Не менее важным для интерпретации теста являются оттенки детерминанты «AG», которые могут диагностироваться по пяти уровням:

1) «AgC» Agression Content – идентификация с агрессивными объектами, в определенные агрессивные образы. Пример ответа: «тигр раздирает корову»;

2) «AgP» Agression Past – идентификация себя как поврежденного от прошлого опыта, объект – мишень для агрессии. Пример ответа: «разрушенный дом»;

3) «AgPot» Agression Potential – агрессивный акт, который уже готов произойти. Может указывать на высокий уровень напряженности и агрессивного поведения. Пример ответа: «человек, который готовится к выстрелу»;

4) «AgV» Agressive Vulnetability – ответ связан с подозрительностью, параноидальностью, но при этом существует попытка избежать атаки. Пример ответа: «бабочка в поисках убежища от хищников»;

5) «SMD» Sadomasochism – ответ включает не только агрессивное действие, но и болезненное содержание или нарушение целостности объекта с приписыванием чувств. Пример ответа: «лев с удовольствием раздирал шкуру лани».

Также при интерпретации ответов теста чернильных пятен Германа Роршаха важно обращать внимание на то, в каких карточках появляется детерминанта «AG» и какую смысловую нагрузку она несет. Наряду с этим, большое значение имеет частота встречаемости детерминанты в рамках всех ответов на тест. Так, агрессивным считается человек, который дал за тест более 4-х ответов с закодированной агрессией, что указывает на готовность к агрессивному поведению. В сочетании детерминант также скрыто много информации для тестирующего. Так, например, агрессия и болезненное содержание (нарушение целостности объекта) «AG + MOR» в одном ответе могут вызвать подозрение на идентификацию себя как жертвы, наличие агрессии, направленной на себя, указывать на ранние травматические переживания клиента. Довольно часто агрессия в ответе говорит о ранимости субъекта по типу «лучшая защита – нападение». В то же время, агрессия совместно с детерминантой сексуального содержания «AG + Sex» может указывать как на насилие, так и на возможность проявления садистического поведения.

Наличие детерминанты «AG» в ответе тестируемого указывает на уровень ассертивности в межличностных отношениях. Так, отсутствие во всем протоколе «AG» может свидетельствовать об отсутствии агрессивности в социальном поведении, что может приводить к некоторой замкнутости и пассивности в межличностных отношениях. При повышенной встречаемости в протоколе «AG» агрессивность является основной чертой поведения. Так, в повседневной жизни поведение отличается выраженной напористостью и стремлением к доминантности [2, с. 250–251]. В норме считается, что на все ответы теста встречается не более 2 детерминант «AG», при этом потребность в кооперации (детерминанта «COP») превышает значение агрессивности на 2 значения. При таких показателях мы смеем говорить, что тестируемый открыт для позитивного взаимодействия с окружающими, проявляет интерес к социальному взаимодействию.

Следует отметить, что с годами психоанализ придает феномену агрессивности все большее значение, показывая, что она достаточно рано включается в развитие субъекта. Эта эволюция идей приводит психоаналитиков к попыткам обнаружить в основе агрессивности единый фундаментальный субстрат всех влечений – влечение к смерти. Исходя из всего вышесказанного, тест чернильных пятен Германа Роршаха не только позволяет выявить агрессивный радикал в поведении, но и рассмотреть особенности его проявления и функционирования, наводит тестирующего на эффективные стратегии работы и взаимодействия со своим клиентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова И. В., Коленова А. С.* Влияние смысловой трансформации матери на эмоциональные особенности взаимодействия с онкобольным ребенком // Академическая наука – проблемы и достижения: Материалы V Международной научно-практической конференции. – North Charleston, SC, USA, 2014. – С. 62.
2. *Ассанович М. А.* Интегративная система психодиагностики методом Роршаха. – М.: Когито-Центр, 2011. – 397 с.
3. *Ермаков П. Н., Абакумова И. В., Крючкова А. С.* Агрессия как компонент смысложизненной стратегии формирующийся личности: новый ракурс проблемы // Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни: Материалы Всероссийской психологической конференции с международным участием. – М.: КРЕДО, 2014. – С. 55.
4. Шпильрейн Сабина Николаевна // URL: http: // psychoanalyse.narod.ru / spielrein / spielre0.htm
5. *Exner J. E.* The Rorschach systems. – N.Y., 1969.
6. *Spielrein S.* Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. – 1912. – V. 4. – pp. 465–503.

ДЕСТРУКЦИЯ КАК ПРИЧИНА СТАНОВЛЕНИЯ, ИЛИ ЯВЛЕНИЕ, ОПЕРЕЖАЮЩЕЕ СОБЫТИЕ

Акопова Л. И.

В статье проводится анализ использования биологических данных в изучении явлений деструкции и возрождения. Рассматривается происхождение неосознанного страха при сексуальном желании. Описывается явление деструкции и возрождения на примере чувства страсти. Исследуется последовательность в цепи явлений деструкции и становления.

Ключевые слова: *деструкция, становление, биологические факты, влечение, чувство страха, преобразование, цейтнот, спонтанность, временной параметр, позитивная конструкция.*

В статье «Деструкция как причина становления», опубликованной в 1912 г., С. Шпильрейн, развивая некоторые идеи диссертации, указывает на «деструктивный» компонент сексуального влечения. Ее исследования в данном направлении играют немаловажную роль в развитии психоаналитических воззрений. В своей работе Сабина Шпильрейн предвосхищает и, возможно, способствует дальнейшему развитию рассуждений З. Фрейда об основных влечениях человека. В 1920 г. З. Фрейд в работе «По ту сторону принципа удовольствия», подчеркивая особенности своей концепции, пишет: «Мы исходили из коренной противоположности между влечениями к жизни и смерти» [5, с. 36]. Но он с почтением отмечает заслуги своих коллег в выбранном направлении: «В одной богатой содержанием и мыслями работе, к сожалению, не совсем понятной для меня, Сабина Шпильрейн предвосхитила значительную часть этих рассуждений. Она обозначает садистский компонент сексуального влечения как «деструктивное» влечение» [5, с. 37].

Рассматривая явления деструкции и становления в контексте исследования Сабины Шпильрейн, мое внимание привлекает временной параметр данных процессов.

С. Шпильрейн, изучая названные явления, использует не только психологические подходы, но опирается прежде всего на биологические данные. Второе вначале явно коробит З. Фрейда и вызывает оправдания К. Юнга (переписка З. Фрейда с К. Юнгом в 1911 г.). Но, тем не менее, к 1923 г. З. Фрейд в своих размышлениях о процессах, ведущих к жизни и смерти, допускает существование двух видов влечения, соответствующих процессам созидания и разрушения организма, и предлагает искать опору для учения о влечении в биологии [5, с. 429].

С. Шпильрейн с педантичной скрупулезностью заглядывает в биологические факты для объяснения чувства страха, сопутствующего реализации сексуального желания. Рассматривая на клеточном уровне процесс оплодотворения при соитии, она буквально вычленяет происхождение этого неосознанного страха из жертвенности во имя нового творения (нового поколения). К. Юнг интерпретирует это состояние как страх перед неизведанным. З. Фрейд указывает на «влечение к смерти», которое «обращается вовне» и создает деструктивные тенденции.

Далее С. Шпильрейн говорит о деструкции и восстановлении, которые сосуществуют при обычных обстоятельствах «безо всяких церемоний». Женщина в момент зачатия обретает новую форму, т. к. речь идет не только о гибели двух родительских клеток, но и о преобразовании целого организма. [6, с. 181].

Фокус моего внимания привлек аспект последовательности происходящих событий, которые мы рассмотрим на примере сильного чувства – страсти.

Считаю уместным сравнение явления деструкции в данном контексте с состоянием цейтнота, из которого выход – начало спонтанной интенсивной деятельности в знакомой субъекту сфере (бессознательный акт). Такая реакция удивительным образом приводит к результату, поднимающему человека не только на более высокий уровень осознания действительности, но и личностный уровень, и как следствие – социальный. С. Шпильрейн создает свою теорию и защищает диссертацию. Форрест Гамп после внезапного отъезда любимой женщины совершает свой знаменитый забег через всю страну, собирая, не ведая о том, последователей и становясь известным человеком (худ. фильм «Форрест Гамп» режиссера Роберта Земекиса). Спонтанность деятельности объясняется тем, что при такой экспансии чувств не остается времени для полного осознания происходящего.

Сабина, как мы узнаем из различных источников, была влюблена в К. Юнга (док. фильм «Меня звали Сабина Шпильрейн»). Возьму на себя смелость пойти в рассмотрении вопроса деструкции и становления от обратного. Ведущий историк XX в. Арнольд Дж. Тойнби провел колоссальное исследование и написал книгу «Роль личности в истории», задаваясь вопросом: «А что было бы, если бы?..» Он предлагает два парадоксальных сценария альтернативной истории человечества [4].

Итак, что было бы, если бы Сабина и К. Юнг, потакая своей страсти, остались вместе и «свили семейное гнездышко»? К. Юнг создал бы еще одну многодетную семью, только с женой, которая гораздо беспокойнее предыдущей и которая скорее мешала бы, а не помогала его работе. Для Сабины, очевидно, ее карьера закончилась бы, не начавшись. Но это – фантазии.

В случае прерывания страсти по прошествии времени всегда можно спросить: «Что ты "сотворил", пока меня не было?». И услышать очевидный ответ к взаимному удовольствию, что творения были великолепны. Выбросившись из сметающей все на своем пути страсти, человек переносит эту освободившуюся сильнейшую энергию на другой аспект жизни, деятельности. Такой вариант развития событий, разумеется, возможен при условии, что деструкция еще не завершилась, например, суицидом. Вот почему «становление» я рассматриваю как явление, опережающее событие деструкции. Ведь она (деструкция) в своем развитии, низвергая и разрушая, еще не достигла своего завершения – смерти чувств или человека.

Мы не можем изменить прошлое, но возможно изменение яркости, силы, модальности эмоционального отношения к уже произошедшему событию. Состояние страсти способно поблекнуть только при вытеснении его новым конструктивным паттерном и последующем осознании разрушительности подобной чувственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Овчаренко В. И.* Сабина Шпильрейн: Под знаком деструкции // Логос. –1994. – № 5. – С. 239–256.
2. *Рихебехер С.* Сабина Шпильрейн: Почти жестокая любовь к науке. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 413 с.
3. Сабина Шпильрейн (1885–1942). Материалы к биобиблиографии / Под ред. С. Ф. Сироткина. – М.: Ergo, 2006, 84 с.
4. *Тойнби А. Дж.* Роль личности в истории. – Харвест: Астрель, 2012. – 224 с.
5. *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. – М., 1992. – 576 с.
6. *Эткинд Л. М.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. – СПб., 1993. – 464 с.
7. *Юнг К. Г.* Либидо, его метаморфозы и символы. Т. 2. – СПб., 1994. – 415 с.

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ С. ШПИЛЬРЕЙН О ДЕСТРУКЦИИ КАК ПРИЧИНЕ СТАНОВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОЙ И ИНТЕГРАЛЬНОЙ ТЕОРИЙ ПСИХОЛОГИИ

Афанасенко И. В.

В статье представлены результаты анализа психоаналитических идей С. Шпильрейн о положительных и отрицательных чувствах, сопровождающих процесс стремления к сохранению, о соотношении стремлений к упорству (дифференциации) и растворению (ассимиляции), о взаимодействии Я-Души и родовой Души в аспекте их преемственности и трансформации в трансперсональной и интегральной теориях психологии.

Ключевые слова: *трансформация, ассимиляция, дифференциация, деструкция, Я-душа, родовая Душа.*

Представления о процессе индивидуального психического существования как постоянно реализующегося выбора между дифференцированием и ассимиляцией, повторяющегося цикла символической смерти и возрождения, несомненно, встречаются в текстах древних мыслителей Востока и Запада. Вместе с тем огромную роль именно для психологии имеет тот факт, что эти идеи, отважно вынесенные С. Н. Шпильрейн на суд академического научного сообщества более ста лет назад, были восприняты и интегрированы сначала в психоаналитическую теорию, а затем получили свое развитие и преобразование в других направлениях психологии, в частности, в трансперсональной и интегральной теориях. Было бы некорректно говорить о прямом заимствовании этих знаний непосредственно из работ С. Н. Шпильрейн, с другой стороны, как показывают документальные источники, именно идеи этой великой женщины–психоаналитика послужили стимулом для развития теорий классиков психоанализа – З. Фрейда и К. Г. Юнга. В данной статье представлена попытка соотнести понимание понятия деструкции и ее трансформирующего потенциала в психоаналитическом подходе С. Н. Шпильрейн, трансперсональном подходе С. Грофа и Р. Ассаджиоли и интегральном подходе К. Уилбера.

Согласно С. Н. Шпильрейн, любое содержание индивидуального сознания – это продукт дифференцирования из «родовых» содержаний, который приобретает специфическую индивидуальную окраску, определяющую Я-отношения. При необходимости разделить свое «личное» с кем-нибудь еще, индивид следует тенденции ассимиляции и растворения (процессу, обратному дифференцированию), чтобы выразить уникальное и непонятное для других индивидуальное переживание в общей символической форме, имеющей определенное значение для вида [6]. «Ассимиляция приводит к тому, что из единства, имеющего значение для Я, образуется единство, значимое для Мы» [6, с. 139]. Это желание побуждается родовой Душой, присутствующей в каждом, которая хочет сделать Я-представление безлично типичным, при этом Я-душа защищается против такого растворения.

Влечению самосохранения в индивиде соответствует тенденция к дифференцированию и способность к устойчивости выкристаллизовавшейся Я-частицы или всей Я-личности.

Таким образом, в каждом Я (Я-душе) С. Шпильрейн выделяет два противоречивых желания: сохранения (упорства, дифференциации) и трансформации (растворения). Влечение *самосохранения* – это «статическое»

влечение, поскольку оно должно защищать уже существующего индивида от чуждых влияний, и состоит оно только из положительного. Влечение *сохранения вида* – это «динамическое» влечение, стремящееся к изменению, к «воскрешению» индивида в новой форме и растворению старого, чтобы осуществилось новое; по своей сути оно амбивалентно – возбуждение положительного компонента вызывает одновременно возбуждение отрицательного и наоборот. «Влечение к сохранению вида – это влечение к размножению, и психологически оно также выражается в тенденции к растворению и ассимиляции (превращение Я в Мы) с последующим новым дифференцированием из "правещества"» [6, с. 140].

Деструкция как причина становления удовольствия или неудовольствия связана с появлением или исчезновением Я-отношения. Для своей трансформации Я-представлению необходимо найти схожее содержание представлений в другом лице. В случае противоположного пола этого другого лица, отмечает С. Шпильрейн, мы сталкиваемся с усилением стремления к размножению (которое является основой стремления к трансформации), что может сопровождаться и чувством наслаждения при растворении в подобном любимом. Это сопровождается положительным чувством снятия напряжения в процессе реализации Я-представления (или группы представлений) в другом (объекте Любви) и вместе с этим, в этот момент оно (Я-представление) уничтожается (отрицательное чувство). Удовольствие – это «лишь утвердительная реакция Я на проистекающие из глубины требования... В нашей глубине есть что-то…, a priori желающее самоповреждения, поскольку Я реагирует на это с удовольствием» [6, с. 117].

Выявленное С. Шпильрейн тесное соседство положительных и негативных чувств в сексуальной сфере анализируется одним из основателей трансперсональной психологии С. Грофом в аспекте влияния перинатального уровня психики на всю дальнейшую жизнь человека: в частности, он относит это к феноменологии III Базовой перинатальной матрицы (БПМ) – процессу движения ребенка по родовому каналу. Агрессивные и садомазохистские аспекты III БПМ отображают одновременно деструктивные силы, действию которых плод подвергается в родовом канале, и его яростную биологическую реакцию на удушье, боль и тревогу. Таким образом, садизм и мазохизм, будучи двумя аспектами одного и того же эмпирического процесса, образуют логическое единство – садомазохизм. Появление в процессе смерти и возрождения сексуального компонента С. Гроф пытается логически объяснить тем, что некий механизм в психике переводит нечеловеческое страдание и удушье в странного рода сексуальное возбуждение и в некоторых случаях – в экстатический восторг. Неизбежная на этом уровне связь сексуальности с опасностью, смертью, тревогой, агрессией, саморазрушительными импульсами, физической болью и контактом с различными биологическими материалами (кровью, слизью, калом, мочой) создает естественную основу для появления большинства известных форм сексуальных расстройств, отклонений и извращений. Таким образом, трансперсональная теория отсылает нас к источникам более глубоким, нежели анализируемый в психоанализе период детства – в перинатальный период (и даже глубже – в трансперсональное измерение психики). IV БПМ (рождение ребенка) отражает сам факт нашего рождения, представляющего собой смерть симбиотического единства с матерью и рождение отдельного самостоятельно дышащего индивида. Процесс собственного рождения выступает для каждого первым опытом проживания процесса смерти–возрождения (деструкции как основы становления). Повторное переживание самого первого индивидуального опыта смерти–возрождения – собственного рождения – сопровождающееся «смертью» Эго, обусловливает «умирание» параноидального отношения к миру, отображающего негативные переживания младенца во время родов и в последующие периоды жизни. Смерть Эго и возрождение – не одноразовое переживание. В глубоком систематическом самоисследовании оно многократно возвращается в различных аспектах и масштабах, пока процесс не завершается. В конечной и наиболее полной форме смерть Эго означает безвозвратный отказ от философского отождествления себя с физическим организмом, наделенным человеческим Эго [3].

Хотелось бы еще остановиться на следующих двух моментах – половой специфике стремления к дифференциации / ассимиляции и соотношению понятий Я-Душа и родовая Душа.

Что касается первого момента, несмотря на то, что в своей работе о деструкции как основе становления [6] С. Шпильрейн не акцентирует внимание на различиях в проявлении стремления к трансформации у мужчин и женщин, в другой ее работе, изданной раннее [7], отмечается, что для женщин признание своего желания сексуального характера чаще означает, наряду с положительными переживаниями, возникновение и отрицательных (страх и мысли о смерти). Сексуальное влечение трактуется как частный случай влечения к трансформации. Желание возникновения воспринимается как нормальная тенденция и часто наблюдается у женщин как деструктивное представление [7, с. 93]. При наличии любви растворение Я в любимом является одновременно сильнейшим самоутверждением, новой «жизнью» в личности любимого. Если любви нет, тогда представление об изменении психического или физического индивида находится под влиянием чужой власти, как при половом акте представление об уничтожении или смерти [6, с. 140].

К. Уилбер, автор интегральной теории, суммировав большой объем исследований различий в развитии мужчин и женщин, приходит к выводу, что и те и другие существуют в форме деятельности-в-содружестве, но мужчины склонны *транслировать* (движение элементов любого данного уровня) с акцентом на деятельности, а женщины – с акцентом на содружестве [5]. Но *трансформация* тех и других (передвижение с одного уровня на другой) осуществляется через одни и те же обширные, нейтральные к полу, холархические стадии развертывания сознания.

В процессе прохождения стадий своего развития ценность каждой последующей стадии выше для женщин из-за того, что они могут расширять круг заботы на все большее число людей, а для мужчин – что они расширяют круг справедливости на все большее число людей, от эгоцентрической к этноцентрической и к мироцентрической модальностям.

В случае патологии процесс сохранения (упорства) и трансформации (ассимиляции) у мужчин будет акцентироваться на *сохранении* (жестком доминировании и жесткой автономии), а у женщин – на *ассимиляции* (растворение в отношениях с угрозой растворения собственной идентичности). Это замечание К. Уилбера также интересно в ракурсе оценки роли влияния пола автора (С. Н. Шпильрейн) на описание стремления влюбленного «раствориться» в объекте своей любви, в его личности.

Интересным в этом аспекте представляется наблюдение Р. Ассаджиоли, который в своей концепции психосинтеза допускает процесс временной идентификации (слияния) Я с внешним объектом (другим человеком) (в крайней степени экстраверсированности)… как этап на пути постижения своего Высшего Я [1]. Примером может служить пламенный патриот, посвятивший свою жизнь служению стране, ставшей для него средоточием его устремлений; отождествление женщины со своими мужем (возлюбленным). Такую проекцию вовне не следует обесценивать, поскольку и она какое-то время может служить удачной формой опосредованного самопостижения, при которой «человек не теряет себя полностью во внешнем объекте, но освобождается от эгоистических устремлений и личной ограниченности; он постигает себя *через посредство* внешнего идеала. Последний, таким образом, становится опосредующим звеном между личным "я" человека и его высшим Я, которое отражается и символизируется этим объектом» [1, с. 38–39].

В работах С. Грофа встречается описание переживаний двуединства в сеансах холотропной психотерапии, однако наряду с чувством взаимного растворения с партнером по сексу, человеку могут быть доступны переживания воспоминаний о симбиозе с материнским организмом; мистическое единение с Вселенной, в котором переживание двуединства может включать любой аспект существования – не только людей, но и животных, растений и неодушевленных объектов [3]. Таким образом, у С. Грофа упоминается процесс растворения (ассимиляции) на качественно разных уровнях психики, реализующийся в тенденции к растворению (смерти) Эго.

Вторым моментом, на котором хочется остановиться, является указание в тексте

работы С. Шпильрейн на существование глубинных измерений в индивидуальной психике (значительно более широких, чем индивидуальное Я), так называемой «родовой Души». На основе приводимых в своем научном труде примеров С. Шпильрейн отмечает: «…соразмеренный с настоящим ход мыслей ассимилируется в бессознательном с "переживаниями", случившимися во многих поколениях» [6, с. 114]; «…каждая частица нашего существа стремится к обратному превращению в свои истоки, из чего потом опять проистекает новое становление» [6, с. 114]; «…"все преходящее" – только подобие какого-то нам неизвестного первособытия, ищущего аналога в настоящем: в этом смысле мы ничего не переживаем в настоящем, хотя и проецируем эмоциональный тон на настоящее представлением» [6, с. 113]. Созвучные своим идеям рассуждения о том, что жизнь изменчивого Я не единственное измерение человеческой психики, С. Шпильрейн находит в работах Э. Маха и К. Юнга [6, с. 117].

Нам представляется допустимым с содержательной точки зрения соотнести понятие «Я-Душа», или «Я-частица» у С. Шпильрейн с понятием Самости у К. Уилбера, под которой он понимает *всю совокупность* переживаемого индивидом *опыта*. Душу он рассматривает как высочайший уровень индивидуального роста, который человек может достичь как последний барьер на пути завершения просветления или верховной идентичности [4].

В своей интегральной теории К. Уилбер определяет мотивирующую силу эволюции самости на всех уровнях своего развития (кроме уровня изначального единства самого Атмана) как целенаправленное стремление человека к исходному космическому единству. На каждом из проживаемых уровней стадий своего развития (плеромной, уроборической, тифонической, вербального членства, ментально-эгоической, кентаврической, тонкой, каузальной и абсолютной) Самость приобретает общие качества, характерные для этого уровня (процесс слияния), затем начинает дифференцироваться от него, трансцендировать (преодолевать) его и трансформироваться на следующий уровень, интегрируя приобретенные качества на предыдущем уровне [5].

Сравнивая представление процесса дифференциации–ассимиляции у С. Шпильрейн и у К. Уилбера, следует отметить, что у К. Уилбера имеет место система координат (глубина), определяющая вектор и качественную разницу результата этого процесса – либо это переход на следующую стадию развития (трансформация), либо это движение в пределах одной стадии (трансляция).

Согласно теории С. Грофа, проявление содержания околородового уровня бессознательного в сознании и его интеграция обусловливают коренные изменения в психике человека, что выражается и в снижении уровня враждебности, и повышении терпимости. Этот процесс сопровождается переживаниями психодуховной смерти и возрождения, появлением трансперсональных переживаний, способствующих дальнейшему духовному раскрытию и преображению, в ходе которых человеческая индивидуальность может отождествляться с другими людьми, человеческими сообществами, и даже с органической и неорганической природой и процессами Вселенной. В результате человек научается жить одновременно в хилотропной (индивидуально-автономной, материалистической) и холотропной (целостной для всех) реальности, производя изменения с собой и в то же время осознавая себя единым со всем существующим, которое также меняется в результате собственных преобразований [2]. При таком видении психоаналитический процесс стремления к продолжению рода и самосохранению на начальных этапах холотропной психотерапевтической работы человека над своим развитием и преображением проявляется в многочисленных «смертях» закостенелых представлений, собственного Эго и, по мере духовного раскрытия, одухотворяется и трансформируется в осознанный процесс осуществления жизни на индивидуальном уровне с вовлеченностью в процессы жизнедеятельности планетарного масштаба.

Подводя итог приведенным здесь рассуждениям о психическом феномене смерти–возрождения (деструкции–становления), следует отметить высочайшую значимость первой научной психологической работы, посвященной обоснованию процесса деструкции как осно-

вы становления, автором которой является С. Н. Шпильрейн. Вместе с тем значительные изменения в глубине видения и интерпретации этого процесса, связанные со сдвигом научных парадигм в сторону интегрального и холотропного мировоззрения, наполняют его глубоким эволюционным и духовным смыслом, определяя его как необходимый механизм развития и на уровне индивидуальной психики, и на уровне планетарном.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез. Принципы и техники / Пер. с англ. Е. Перовой. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
2. *Гроф С.* Исцеление наших самых глубоких ран. Холотропный сдвиг парадигмы / Пер. С. Офертас, А. Киселева. – М.: Ганга, 2013.
3. *Гроф С.* Путешествие в поисках себя / Пер. с англ. Н. И. Папуш; под ред. В. Майкова. – М.: Изд-во Трансперсонального университета, 1994.
4. *Уилбер К.* Око духа. Серия: Тексты трансперсональной психологии. – М.: АСТ, 2002.
5. *Уилбер К.* Проект Атман: Трансперсональный взгляд на человеческое развитие / Пер. с англ. под ред. А. Киселева. – М.: АСТ и др., 2004.
6. *Шпильрейн С.* Деструкция как причина становления // Психоаналитические труды. – Пер. с англ., нем. и фр. под науч. ред. С. Ф. Сироткина, Е. С. Морозовой. – Ижевск: ERGO, 2008. – С. 109–154.
7. *Шпильрейн С.* О трансформации // Психоаналитические труды. – Пер. с англ., нем. и фр. под науч. ред. С. Ф. Сироткина, Е. С. Морозовой. – Ижевск: ERGO, 2008. – С. 91–93.

АГРЕССИЯ И ДЕСТРУКЦИЯ В ФОКУСЕ ПСИХОАНАЛИЗА

Буняева М. В., Ковш Е. М.

Представлен краткий обзор психоаналитических теорий, рассматривающих агрессию как один из важнейших компонентов психики человека. Изложены основные подходы, трактующие природу агрессии, а также конфликтные и гармоничные отношения между Эросом и Танатосом. Описаны представленность агрессии в психике ребенка и особенности ее проявления на разных этапах психосексуального развития. Показана роль подавленной агрессии в возникновении психосоматических заболеваний.

Ключевые слова: *агрессия, деструктивность, психоанализ, разрушительность, Танатос, либидо, Эрос, психосоматические заболевания, психосексуальное развитие, гнев.*

Изучение природы агрессивных и деструктивных процессов, а также разнообразия их проявлений и последствий – одна из ключевых тем психоаналитической теории в ее классическом и современном вариантах.

Психоанализ рассматривает проявление агрессии у ребенка на всех стадиях психосексуального развития: начиная с прорезывания зубов, т. е. появления первого «оружия» и способности причинять с его помощью боль, контролировать объект, от которого зависит удовлетворение витальных потребностей ребенка [8]. Самое яркое развитие агрессия получает на анальной стадии, что находит отражение во втором названии этого периода – «анально-садистический». Проявляя упрямство и стремясь достичь поставленной цели шантажом, разрушением окружающих предметов, ребенок выплескивает вовне агрессивные тенденции, зачастую причиняя физический вред и ущерб. Агрессия на фаллической стадии проявляется в конкуренции с родителем своего пола (Эдипов комплекс) в борьбе за внимание и любовь второго родителя. Таким образом, ранний психоанализ рассматривает агрессию как необходимый компонент становления личности ребенка [4].

Анна Фрейд в своей работе «Детский психоанализ» рассматривает природу взаимоотношений между сосуществующими в детской психике фантазиями избиения и мечтами (милыми историями). Согласно представлениям автора, инстинктивные влечения стимулируют процесс развития психики, оказывая на нее постоянное воздействие. Фантазии об избиении являются удовлетворением сексуальных желаний, в то время как детские мечты (милые истории) выступают в качестве вместилища для вытесненных влечений. В фантазии родителей А. Фрейд находит ту же закономерность: подавленная чувственная борьба находит свое выражение в мечтах об избиении, ее антагонистом выступает симбиотическое слияние с ребенком [8].

В целом, агрессивные импульсы рассматриваются психоанализом как необходимые для сохранения жизни и удовлетворения инстинктов. В то же время, вопрос о природе агрессивных тенденций ранними психоаналитическими концепциями до конца не решен: сторонники инстинктивной теории утверждают, что агрессия является врожденным механизмом; сторонники фрустрационной теории считают, что агрессия порождается внешними, средовыми влияниями.

Фундаментальное открытие З. Фрейда –

Эрос и Танатос, влечение к жизни и влечение к смерти, можно рассмотреть как стремление к созиданию – сексуальности – и стремление к разрушению – агрессии. Сам З. Фрейд говорил о том, что существование этих двух сил в отдельности обнаружить весьма сложно, каждое из влечений дополняет другое, сопровождая человеческую жизнь на всех уровнях: от удовлетворения биологических потребностей до социализации.

Последователями З. Фрейда наличие в психике разнонаправленных тенденций рассматривается как конфликт (готовность к тому, что на тебя могут напасть за то, что являешься объектом любви (Мелани Кляйн); разрушительная природа Танатоса «берет в плен», парализует либидо, согласно концепции патологического слияния Герберта Розенфельда) или как их мирное сосуществование и дополнение (Анна Фрейд) [4, 6, 7, 8]. О связи разнонаправленных тенденций (продолжение рода и деструкция, разрушение для созидания) писала в своей работе «Деструкция как причина становления» и Сабина Шпильрейн [11]. Она определяет инстинкт самосохранения как влечение к постоянству, сопровождающееся положительными эмоциями и стремлением к целостности и созиданию. Инстинкт сохранения вида, также присутствующий в психике, реализуется во влечении к изменению, преобразованию и включает в себя стремление к разрушению Я для появления Мы. Здесь также рассматривается взаимодействие созидающих и разрушающих тенденций в психике любого человека.

Необходимо отметить тот факт, что во многих психоаналитически ориентированных теориях личности агрессия выступает одним из основополагающих звеньев типологии. Разные виды агрессии и разрушительности, а также их предпосылки рассматривает в своей работе «Анатомия человеческой деструктивности» Эрих Фромм, выделяя доброкачественную (разрушение или ущерб в условиях отсутствия злого умысла; врожденный механизм, являющийся неотъемлемым компонентом инстинкта самосохранения) и злокачественную (наличие злонамеренности; результат культурных и социальных влияний) агрессию. Э. Фромм также считает разрушительность одним из способов бегства от свободы, стремлением избавиться от чувства неполноценности и собственного бессилия, уничтожая конкурентов, чтобы при сравнении не чувствовать себя хуже них [9].

Агрессивный тип присутствует также в типологии К. Хорни (ориентированный против других, стремящийся к достижению поставленных целей при помощи борьбы) [10]; А. Адлер описывает активно-деструктивный (управляющий, протестующий против существующей власти и навязывающий собственную) и пассивно-деструктивный (избегающий, скрыто враждебный и стремящийся к изоляции от общества) типы [1].

Психоаналитики выделяют два основных способа преобразования агрессии: сублимацию и подавление. Первый механизм позволяет человеку развиваться по более гармоничному пути: творчество, физические упражнения или работа способствуют социализации и реализации личностного потенциала. В случае же подавления инстинктивных желаний и эмоций личность развивается дисгармонично. Подавление агрессии приводит к возникновению психических и соматических заболеваний. Крайней формой выступает суицид.

Особый интерес приобретает изучение агрессии в русле теории конверсии З. Фрейда. Не находя адекватного выхода, агрессия, как и другие подавленные эмоции и переживания, высвобождается посредством трансформации в телесном симптоме. Теория конверсии считается одним из оснований психосоматической медицины, получившей развитие в работах Франца Александера и его последователей [2]. Подробно изучая истории жизни пациентов, страдающих различными заболеваниями, Ф. Александер пришел к выводу о том, что люди, страдающие одними и теми же заболеваниями, имели схожие истории и преморбидные особенности личности, применяли неадаптивные поведенческие паттерны в общении с окружающими людьми, зачастую подавляя агрессивные и враждебные реакции, а также сексуальность. Терапия психосоматических расстройств основывается на механизме отреагирования негативных эмоций (катарсиса), а также обучения новым, адаптивным поведенческим стратегиям.

Таким образом, значимость феномена агрессии в психоанализе невозможно переоценить.

Пробуждаясь в позднем периоде оральной стадии, агрессия проходит через своеобразное становление, проявляясь в инстинктах, трансформируясь в различные мотивы, находя выражение в потребностях и разнообразных телесных и психических симптомах. Мы встречаем агрессию и в процессе психоаналитических сессий, где она выражается в контрпереносе [3], нарциссическом гневе или ложится в основу депрессивных состояний. Отдельно рассматривается агрессия при различных личностных расстройствах [5].

За более чем столетнюю историю психоанализа сделано много открытий относительно природы изучаемого нами феномена. Однако решающий вклад в понимание причин агрессии, а также способов ее конструктивного отреагирования, психотерапии симптомов, возникших в результате ее подавления, вероятно, внесут психоаналитики нового поколения, развивая идеи предшественников и синтезируя их со знаниями, полученными благодаря исследованиям, выполненным в русле других школ и направлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии; пер. с англ. А. Боковикова. – М.: Академический Проект, 2007. – 240 с.
2. *Александер Ф.* Психосоматическая медицина. – М.: Геррус, 2000. – 210 с.
3. *Винникот Д.* Ненависть в контрпереносе // Эра контрпереноса / Игорь Романов, Дональд Винникотт, Паула Хайман и др.; сост., науч. ред. и предисловие И. Ю. Романова; пер. С. Дураса, А. Дышлевого, З. Баблояна и др. – М.: Академический проект, 2005. – С. 351–365.
4. *Гаддини Е.* По ту сторону инстинкта смерти: проблемы психоаналитического исследования агрессии // Психоанализ в развитии: Сб. переводов. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – С. 108–127.
5. *Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности / Отто Кернберг; пер. с англ и ред. А. Ф. Ускова. – М.: НФ «Класс», 2001. – 368 с.
6. *Кляйн М.* Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни ребенка // Психоанализ в развитии. Сборник переводов. – Екатеринбург, 1998. – С. 59–107.
7. *Розенфельд Г.* Клинический подход к психоаналитической теории инстинктов жизни и смерти: исследование агрессивных аспектов нарциссизма // Журнал практической психологии и психоанализа. – 2003. – № 2.
8. *Фрейд А.* Детский психоанализ. – СПб.: Питер, 2013.
9. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004.
10. *Хорни К.* Наши внутренние конфликты // Собрание сочинений в 3-х т. Т. 3. – М.: Смысл, 1997.
11. *Шпильрейн С.* Деструкция как причина становления // Логос. – 1994. – Т. 5.

СУБЪЕКТИВНОЕ ОЩУЩЕНИЕ ОДИНОЧЕСТВА У ЖЕНЩИН

Зинченко Е. В.,
Рудя И. А.

В статье авторы обращаются к проблеме одиночества. Термин «одиночество» соотносится с термином «деструкция», разрабатываемым в психологической науке Сабиной Шпильрейн. В статье приводится описание эмпирического исследования субъективного одиночества у женщин. Проводится сравнение параметров переживания одиночества у субъективно одиноких женщин и субъективно не одиноких женщин. Установлены различия между ними в наличии трудностей в общении, степени доверия окружающим, потребности в общении с самим собой, переживании чувств опустошенности и страха. Делается вывод об отсутствии прямой связи между объективным и субъективным одиночеством.

Ключевые слова: *одиночество, психическое состояние, субъективное одиночество, ощущение одиночества, деструкция, деструктивное поведение, доверительное общение, самораскрытие, психическое здоровье, Сабина Шпильрейн.*

Одиночество – особое психическое состояние человека, возникающее вследствие фрустрации его потребности в общении с другими людьми, в том числе доверительном. Одиночество характеризуется наличием различных по степени интенсивности индивидуальных переживаний, имеющих преимущественно негативную эмоциональную окраску [3, с. 152].

Проблема одиночества всегда оставалась и остается одной из наиболее актуальных проблем в психологии, к которой в разное время обращались представители разных направлений. Среди зарубежных авторов ею активно занимались Р. Вейс, В. Дж. Дерлега, Дж. Зилбург, А. Камю, С. Т. Маргулис, К. Мустакас, Л. Э. Пепло, Д. Перлман, К. Роджерс, Х. Салливан, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, З. Фрейд, Э. Фромм, Ф. Фромм-Рейхман, И. Ялом и др. [3, 5, 6, 7]. В отечественной психологии изучение одиночества как психологического феномена связано с именами К. А. Абульхановой-Славской, Ж. В. Пузановой, Л. И. Старовойтовой, Г. М. Тихонова, С. Г. Трубниковой; в исследование культурно-исторических форм одиночества внесли вклад С. А. Ветров, О. В. Данчева, Н. Е. Покровский, Ю. М. Швалб, Т. А. Шкурко и др. [2, 3, 5, 6]. Психологические особенности одиночества в подростковом и юношеском возрастах раскрывают в своих работах О. Б. Долгинова, И. С. Кон, Н. В. Перешина; описание явлений, близких одиночеству (изоляция, уединение) дают в своих трудах О. Н. Кузнецов, В. И. Лебедев, А. У. Хараш и др. Данные Н. В. Водопьяновой свидетельствуют, что переживание одиночества у мужчин в большей мере связано с неудовлетворенностью их прошлой и настоящей жизнью, а у женщин – с неудовлетворенностью их прошлой и неуверенностью в будущей счастливой жизни [2].

Можно сказать, что одиночество как объективная психологическая проблема современности абсолютно не утрачивает своей актуальности. Это связано с тем, что современный человек все больше и больше закрывается в свою «скорлупу», даже ведя активную социальную жизнь и интенсивно реализуя коммуникативные контакты, которые большей частью становятся вынужденными и поверхностными.

Субъективное состояние одиночества сопровождают симптомы психических расстройств,

которые имеют форму аффектов с явно негативной эмоциональной окраской. Следует заметить, что у разных людей аффективные реакции на одиночество различные. Одни жалуются, например, на чувство печали и подавленности, другие – на страх и тревогу, третьи сообщают о горечи и гневе. Согласно исследованию И. В. Афанасенко, у участников семинаров по холотропному дыханию с регрессивной тенденцией духовного кризиса выраженность переживания чувства одиночества в прошлом и настоящем связана с яркими неприятными телесными ощущениями, в том числе в области живота, с затрудненностью дыхания; уменьшение же выраженности одиночества в настоящем и будущем связано с ощущением мощнейшего потока энергии, поднимающегося по телу в направлении снизу вверх [1].

На переживание состояния одиночества влияют не столько реальные отношения, сколько идеальное представление о том, какими они должны быть. Одиночество приводит к фрустрации потребности в самораскрытии. Если человек не раскрывается никому из близких людей, это существенно подрывает его психическое здоровье [4]. Что касается социальной жизни, то социально-психологические потребности одинокой личности претерпевают значительные изменения в степени выраженности по сравнению с личностью, не испытывающей одиночества [6].

Большинство авторов указывают на негативное влияние переживания одиночества на личность. Так, чувство одиночества может приводить к негативным социальным явлениям, к проявлению различных форм деструктивного поведения, к возникновению аутоагрессии и ее реализации в суицидальном поведении. Однако при обращении к идее С. Шпильрейн о деструкции как причине становления [8] можно предположить, что одиночество может служить источником творческого и культурного развития человека. Для индивида, переживающего субъективное одиночество, возникают реальные возможности для саморазвития и самосовершенствования, для сублимации деструктивной энергии в энергию творчества, например, в виде описания своих переживаний в поэтической или прозаической формах и т. п. Сама биография Сабины Шпильрейн может служить примером того, как находясь на грани отчаяния из-за непринятия обществом, человек может успешно перенаправлять изначально деструктивную энергию в позитивное русло, осуществляя тем самым самореализацию в научном творчестве.

Анализируя тему переживания одиночества, мы решили исследовать распространенность этого явления у современных российских женщин. Целью исследования стало: изучить уровень субъективного одиночества у женщин, в том числе имеющих и не имеющих партнера. Респондентами выступили 70 женщин в возрасте от 18 до 40 лет. Методический инструментарий: методика диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона и опросник «Одиночество» Т. А. Шкурко, В. Ю. Прядкиной. Достоверность и обоснованность полученных результатов исследования обеспечивалась использованием в исследовании методов математической статистики: описательной статистики, непараметрического критерия Манна–Уитни. Применялась компьютерная статистическая программа статистической обработки данных SPSS V. 17.0 for Windows на русском языке.

Для реализации названной задачи мы проанализировали полученные данные по методике диагностики уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона по всей выборке женщин. Авторы методики выделяют 3 уровня одиночества: высокий, средний, низкий. Высокая степень одиночества (от 40 до 60 баллов) оказалась для данной выборки испытуемых не характерна, средний уровень одиночества (от 20 до 40 баллов) наблюдался у 40 % испытуемых (28 человек), низкий уровень одиночества (от 0 до 20 баллов) – у 60 % женщин (42 человека).

Далее нами была проведена методика на выявление ощущения одиночества Т. А. Шкурко, В. Ю. Прядкиной. Согласно полученным с ее помощью данным, большинство респондентов показали средний или же низкий уровень выраженности субъективного одиночества.

На основании полученных результатов все респонденты были разделены нами на 2 группы: со средним уровнем субъективного одиночества (далее условно мы будем называть их субъективно одинокими) – и низким (субъективно

не одинокие). Затем мы провели сравнительный анализ одиночества по критерию Манна–Уитни субъективно одиноких и не одиноких женщин в возрасте от 18 до 40 лет. Между субъективно одинокими и субъективно не одинокими женщинами были установлены значимые различия (U = 0,000, при p = 0,000). По методике «Одиночество» Т. А. Шкурко, В. Ю. Прядкиной также был проведен сравнительный анализ показателей между группами.

Анализ результатов показал, что по всем показателям одиночества: недоверие к окружающим, негативная оценка своих отношений с другими людьми, негативное самоотношение, приоритет общения с самим собой, неудовлетворенность отношениями, страхи, ненаполненность жизни, чувство опустошенности – установлены значимые различия между двумя группами. Полученные данные подтверждают, что субъективно одинокие и субъективно не одинокие женщины отличаются по всем параметрам переживания одиночества.

Итак, в результате проведенного анализа уровня субъективного одиночества у женщин по двум методикам нам удалось установить, что:

– в целом выраженность субъективного одиночества у российских женщин сравнительно невысока: субъективное ощущение одиночества у женщин в возрасте от 18 до 40 лет находится на среднем и низком уровнях;
– субъективное ощущение одиночества не связано с объективным одиночеством и наличием / отсутствием партера противоположного пола;
– хотя наличие или отсутствие партнера в целом не определяет уровень выраженности субъективного одиночества, но связано с переживанием чувства опустошенности и степенью позитивности восприятия других людей.
– субъективно одинокие и субъективно не одинокие женщины отличаются по всем параметрам переживания одиночества. Первые в большей степени, чем вторые испытывают трудности в общении, не доверяют окружающим, предпочитают общение с самим собой. Они чаще испытывают чувства опустошенности и страха по сравнению с субъективно не одинокими женщинами.

Теоретический анализ психоаналитической литературы по проблеме показал, что одиночество может выступать не только тормозом, негативной тенденцией в развитии личности и ее проявлений в социуме, но и в качестве стимула для ее развития и изменения, преобразования жизненной ситуации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афанасенко И. В.* Особенности переживаний и динамика самооценок субъектов – участников семинаров по холотропному дыханию // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2013. – № 11/1. – С. 34–38.
2. *Водопьянова Н. Е.* Психология стресса. – СПб.: Питер, 2009. – С. 171–186. – 336 с.
3. *Зинченко Е. В.* Одиночество // Психология общения. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. А. А. Бодалева. – М.: Когито-Центр, 2015. – С. 152–153.
4. *Зинченко Е. В.* Самораскрытие и психическое здоровье личности // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2005. – № 7 (51). – С. 98–99.
5. *Пузанова Ж. В.* Одиночество и общение (философско-социологический аспект): автореферат дисс. … канд. филос. наук. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 1995.
6. *Шкурко Т. А.* Социально-психологические потребности одинокой личности // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2014. – № 12/1. – С. 39–43.
7. *Фромм Э.* Бегство от свободы. Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. П. С. Гуревича. – М.: Прогресс, 1989.
8. *Spielrein S.* Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch fur Psychoanalyse. – 1912. – No. 4.

ПРОБЛЕМА АГРЕССИВНОСТИ И ДЕСТРУКТИВНОСТИ В ОБЩЕНИИ

Лукьяненко М. А.

В статье рассматривается проблема агрессивности и деструктивности в общении, имеющая не только огромное теоретическое, но и социально-практическое значение. Проблема человеческой деструктивности возникает в связи с глубоким кризисом человечности и упадком культуры, который переживает общество. Утрата нравственных ценностей, испокон веков составлявших основу нашей цивилизации, приводит к тому, что человек, созданный для созидания, становится разрушителем. Более того, обществу реально необходимы эффективные механизмы защиты от агрессивности и деструктивности во всех ее формах. А это, в свою очередь, предполагает глубокое и всестороннее знание природы человеческой агрессии, источников и мотивации человеческой агрессивности и деструктивности.

Ключевые слова: *агрессия, агрессивность, общение, деструктивность, конфликт, вербальная агрессия, деструктивное общение, коммуникация.*

Проблема человеческой деструктивности возникает в связи с глубоким кризисом человечности и упадком культуры, который переживает общество. Утрата нравственных ценностей, испокон веков составлявших основу нашей цивилизации, приводит к тому, что человек, созданный для созидания, становится разрушителем.

В философии деструкция, деструктивность и деструктивная деятельность рассматриваются как явления, амбивалентные по своей сути: там, где есть разрушение, всегда есть и созидание. Однако, к сожалению, в реальности у человечества не всегда есть время и возможность искать созидательное в глубинах разрушительного и ждать, когда одно превратится в другое.

Не подлежит сомнению, что общение есть доминантная форма человеческого существования: «человек не общающийся» представляет собой явное отклонение от нормы. Однако в последнее время расширяется сфера функционирования особого типа человеческого общения, где эмоционально-смысловой доминантой выступают эмоции, кластеры эмоций или эмоционально-когнитивные комплексы, стимулирующие агрессию коммуникантов (как вербальную, так и невербальную) [1, 3].

Однажды в интервью А. В. Юревич сказал, что «россияне стали конфликтнее, злее, наглее и во многом потеряли способность к самоконтролю». Это страшный вывод, означающий, что агрессия в обществе вышла за естественные биологические рамки и перешла в разряд деструктивности – сферы, ответственность за которую несет не некий врожденный инстинкт, а сам человек.

Актуальность определяется усилением агрессивности в современном российском обществе и, соответственно, необходимостью расширения и углубления знаний о деструктивном коммуникативном поведении личности с целью выработки стратегий и тактик противодействия росту деструктивности в общении.

Психологи, изучающие человеческую агрессивность и деструктивность, пытаются ответить на следующие основные вопросы: является ли деструктивность качеством, свойственным только человеку, или же она наблюдается

у других животных; существует ли генетическая предрасположенность к деструктивному поведению, какие гормональные или психические особенности индивида обусловливают его склонность к деструктивности [1].

Теоретическое и экспериментальное изучение агрессии началось относительно недавно, в середине XX в., хотя уже в 20-е годы З. Фрейд выдвинул теорию о том, что инстинктивные, врожденные «влечение к смерти» и «влечение к жизни» являются главными силами в человеке. Собственно, именно З. Фрейду принадлежит заслуга обращения к проблеме агрессии человека как к объекту научного анализа. Первоначально считая преобладающими силами в человеке сексуальность (либидо) и инстинкт самосохранения, З. Фрейд постепенно приходит к противопоставлению двух фундаментальных понятий: влечения к жизни, инстинкта жизни – созидательного, связанного с любовью, заботой, и влечения к смерти, инстинкта смерти, или Танатоса – разрушительного, «приводящего все органически живущее к состоянию безжизненности» [8, с. 375]. Агрессия берет свое начало в инстинкте смерти; в сущности, агрессия – это тот же самый инстинкт смерти, только спроецированный вовне и нацеленный на внешние объекты. Основной тезис З. Фрейда звучит достаточно пессимистично: человек одержим одной лишь страстью – жаждой разрушить либо себя, либо других людей, и этой трагической альтернативы ему вряд ли удастся избежать [9, с. 32].

Это поведение не только врожденное, берущее начало из «встроенного» в человеке инстинкта смерти, но также и неизбежное, поскольку, если энергия Танатоса не будет обращена вовне, это вскоре приведет к разрушению самого индивидуума. И все хорошо тем, что внешнее проявление эмоций, сопровождающих агрессию, может вызывать разрядку разрушительной энергии и, таким образом, уменьшить вероятность появления более опасных действий. То есть катарсис – совершение экспрессивных действий, не сопровождающихся разрушением, может быть эффективным средством предотвращения более опасных поступков. Иными словами, с точки зрения З. Фрейда агрессия имеет биологическую (инстинктивную) природу и преодолеть ее невозможно, кроме как частично регулировать социальными нормами, придавая ей более или менее безобидные формы [5, 8].

В целом, приверженцы взглядов З. Фрейда полагают, что ни материальное благополучие, ни какие бы то ни было социальные улучшения не могут изменить уровень агрессивности в обществе, хотя ее интенсивность и формы выражения могут варьироваться.

Контроль над уровнем агрессии в обществе может быть осуществлен посредством нахождения разрядки агрессивных влечений. Такой разрядкой могут быть наблюдения за жестокими действиями (в том числе и в кино), разрушения неодушевленных предметов, спорт, успехи в конкурентной борьбе и т. п. Таким образом, З. Фрейд свел все виды агрессии к одной-единственной причине – к инстинкту смерти, наличие которого, по замечанию таких критиков фрейдизма, как Э. Фромм и А. Бандура, невозможно проверить эмпирически [2, 9].

Обобщая и анализируя все имеющиеся теории агрессии и деструктивности, известный австрийский психоаналитик Р. Велдер отмечал, что проявления агрессивности не могут быть втиснуты в схему «стимул–реакция» по причине своего разнообразия, а следовательно, их нельзя рассматривать как реакцию на раздражающий фактор. Проявления агрессивности также нельзя рассматривать как часть сексуальных влечений, потому что они напрямую не связаны с сексуальным удовольствием [10].

Агрессия у человека в реальной коммуникации является мощнейшим стимулом деструктивности в общении.

В теории коммуникации термин «деструктивное общение» трактуется весьма широко: это «формы и особенности контактов, которые пагубно сказываются на личности партнера и осложняют взаимоотношения» [6, с. 271].

Деструктивным характером может обладать даже молчание, если оно принимает форму наказания партнера, а также умолчание. В основе деструктивного общения может лежать немало личностных черт: лицемерие, хитрость, склонность к клевете, мстительность, язвительность, цинизм, ханжество и т. д. К деструктивному общению относят не только агрессивно-конфликтное и криминогенное

общение, но и ложь, обман, манипулирование и «другие формы воздействия, направляемые корыстными мотивами» [6, с. 280].

Деструктивное общение представляет собой тип общения, направленный на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемый чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты [4, 7]. Стремление личности возвыситься за счет унижения, морального уничтожения собеседника составляет интенциональную базу деструктивного общения [1].

Психологические особенности различных форм проявления агрессии в коммуникации, фактор доступности агрессивных проявлений для объективного наблюдения, а также учет причинно-следственных связей между целями, задачами общения, стратегиями и тактиками поведения коммуникантов позволили выделить три типа ситуаций деструктивного общения: ситуации открытого, скрытого деструктивного общения, а также ситуации пассивно-деструктивного общения. Под скрытым деструктивным общением понимается такой способ коммуникативного поведения, когда субъект не может выразить свою враждебность в форме открытой агрессии и прибегает к использованию косвенных форм агрессии, а также к переориентации агрессии на другие объекты. Под пассивно-деструктивным общением понимается способ коммуникативного поведения, при котором враждебное отношение субъекта реализуется в разнообразных видах деятельности, не направленных непосредственно на объект агрессии [6, 7]. Каждый тип характеризуется преобладанием определенной речевой стратегии, а также набором невербальных компонентов коммуникации, на которые ложится основная смысловая нагрузка при отнесении той или иной ситуации общения к деструктивному типу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алейникова Т. В.* Влечение к деструкции: норма или патология? // URL: http: // psychoanalyse.narod.ru / aleyniko.htm
2. *Асмолов А. Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – М.: Смысл, 2002. – 480 с.
3. *Гройсман А. Л.* Клиническая психология, психосоматика и психопрофилактика. – М.: Магистр-пресс, 2002. – 452 с.
4. *Даньковский Х.* Словесная агрессия // Наука и жизнь. – 1995. – № 6. – С. 34–57.
5. *Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. – М.: Класс, 1998. – 368 с.
6. *Куницына В. Н., Казаринова Н. В., Погольша В. М.* Межличностное общение. Учебник для вузов. – СПб.: Питер, 2001. – 544 с.
7. *Матьяш О. И., Погольша В. М., Казаринова Н. В., Биби С., Зарицкая Ж. В.* Межличностная коммуникация: теория и жизнь / Под науч. ред. О. И. Матьяш. – СПб.: Речь, 2011. – 560 с.
8. *Фрейд З.* Я и Оно // Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1989. – С. 425–439.
9. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
10. *Waelder R.* Basic theory of psychoanalysis. – New York: International University Press, 1960. – 213 p.

ТРАНСГЕНЕРАЦИОННЫЕ ИСТОКИ ИДЕИ ДЕСТРУКЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН

Михайлюк Е. Б.,
Манукян Г. И.

В статье представлены некоторые размышления о формировании психоаналитической идентичности С. Н. Шпильрейн, о трансгенерационных причинах возникновения ее оригинальных идей.

Ключевые слова: *трансгенерационные (межпоколенные) связи, психоаналитическая идентичность, деструкция, агрессия, влечение к жизни, влечение к смерти.*

Любая психологическая теория,
независимо от ее научной ценности,
отражает личную озабоченность автора
(A. Carotenuto [3, с. 139]).

Проблема поиска психологических истоков деструкции актуальна для всего мирового сообщества. И Россия не исключение. Наличие локальных военных конфликтов с участием в их разрешении граждан России порождает массу проблем. Пребывание человека в психотравмирующих условиях войны разрушает и качественно изменяет его ценностно-смысловую сферу, вносит коррективы в его поведение и мышление, которые все более приобретают деструктивный характер. Но и в мирной повседневной жизни людей, далеких от военных действий, нельзя не отметить тенденции к деструкции. Создается впечатление, что общество поразила эпидемия разрушения, психологический вирус деструкции проник в политику, СМИ, экономику, образование, в семейный быт, накладывает свой отпечаток на культуру детства и взросления. Мы начинаем привыкать к тому, что живем в таких условиях, когда убийство может рассматриваться в качестве средства решения проблем, насилие – в качестве признака правоты и справедливости притязаний, реформы носят разрушительный характер, а молодые люди, выросшие в мирных условиях, готовы добровольно взяться за оружие и даже неважно под чьими знаменами выступать. Психология людей трансформируется, усвоение агрессивных форм поведения в качестве нормы порождает новый тип человека, воспринимающего насилие как норму коммуникации, и тип массы, объединяемой не общей любовью, не стремлением к лучшему будущему, а общей ненавистью и общим страхом.

Тема деструкции традиционна для классического психоанализа, именно психоаналитикам принадлежит первенство в попытках реконструировать глубинные механизмы и инфантильные истоки деструктивного поведения. Активные разработки в этой области происходили накануне и после Первой мировой войны. Это не случайно. Ведь именно война делает приемлемым и даже необходимым насилие над другими людьми под эгидой сознания выполненного долга, делая социально одобряемой ненависть к врагу, давая санкцию на убийство.

Известно, что основоположник психоанализа З. Фрейд рассматривал психику через призму конфликта между влечением к жизни и агрессией, влечением к смерти. Его классическая работа «По ту сторону принципа удовольствия» признает, что в человеке наряду с Эросом есть и Танатос, влекущий к смерти, и эти влечения, по сути, неразделимы. Но подобные идеи были высказаны ранее Сабиной Шпильрейн в ее знаменитой

статье «Деструкция как причина становления» в 1912 г. С тех пор развитие идеи влечения к смерти отражено во многих работах, и данная концепция остается одним из наиболее дискуссионных положений психоанализа. И мы не можем не гордиться тем, что автором столь неординарной идеи была наша соотечественница, уроженка нашего города.

Стоит, однако, отметить, что З. Фрейд рассматривал человека как автономную систему, не акцентируя внимания на той среде, на том окружающем эту «систему» пространстве, в котором человек растет и развивается. Последователи З. Фрейда, являющиеся приверженцами теории объектных отношений, добавили в его модель развития третий базовый элемент, или третий «инстинкт», а именно зависимость или привязанность. Так, В. Р. Д. Фейрберн [4] утверждал, что младенец, кроме удовлетворения влечения для своего выживания, нуждается также и в отношениях. Эту идею развил Дж. Боулби [1], занимавшийся исследованиями привязанности и сепарации. Благодаря их работам и работам их последователей наше понимание развития психики стало трехмерным – объемным. Человек как индивидуум с его агрессивной и сексуальной природой оказался встроен в систему взаимоотношений между людьми. И современные теоретики, и практикующие аналитики пришли к тому, что универсальной потребностью человека на протяжении всей его жизни является потребность в объектах и в ситуациях, где будут выражаться и находить воплощение различные чувства и аффекты, связанные с этими объектами.

Исходя из такой парадигмы, становление и формирование личности строго и прямо связано с той средой – страной, народом, семьей, в которой эта личность развивается. Отсюда и тема размышлений, каковы причины, какие межпоколенные связи, привязанности, противоречия, какой опыт стал основой и дал развитие психоаналитической идентичности и идеям Сабины Шпильрейн?

Рожденная в зажиточной еврейской семье, которая, казалось бы, создавала все условия для развития детей, несмотря на то, что впоследствии Сабина назвала свое детство «блаженным», не получала внимания, душевного тепла и близости. Отец Николай (Нафтула) Шпильрейн был примером трудолюбия, целеустремленности, образованности, горячим сторонником реформаторских идей, приверженцем принципов Просвещения. Мать Сабины – Ева Люблинская – разделяла взгляды мужа и также была нацелена на многогранное и полноценное развитие детей, хотя карьера занимала ее внимание в большей степени, чем семья. Но воспитание, направленное на разностороннее и гармоничное развитие природных сил и способностей детей Николая и Евы (согласно системе Песталоцци) проходило в достаточно жестких условиях. Была избрана столь строгая дисциплина, что нередко переходила грань жестокости. Отец считал, что беспрекословное подчинение – есть основа воспитания, обучения и формирования характера, это даст возможность его детям в дальнейшем добиваться поставленных целей. Такая приверженность дисциплине, нетерпимость к ослушанию в заметках К. Г. Юнга разъясняется некоторыми подробностями – подвижной неустойчивой психикой, неуравновешенностью, раздражительностью Н. Шпильрейна, доходящей до насилия по отношению к детям, которые после перенесенных побоев пропускали занятия в гимназии и были вынуждены придумать несуществующие болезни в свое оправдание. Однако придуманные болезни становились явными. Сабина стала все чаще болеть по-настоящему, у нее возникали различные недуги, с которыми не мог справиться домашний врач, потому как не понимал их причин. Сама Сабина «придумывает» себе такую нервную болезнь, как индульгенция, что отражает весьма очевидные «негативные» аспекты идентификации себя с матерью и объектную загруженность отцом.

Название знаменитой работы, являясь символичным, отражает идею, составляющую смысл и содержание жизни С. Шпильрейн: многое надо разрушить, преодолеть, чтобы реализовать себя. Идея деструкции как конструктивного начала появляется еще в ее детских грезах и фантазиях, в ее снах и дневниках, в ее первых работах, посвященных толкованию сновидений, анализу мифов и преданий, а затем в изучении представле-

ний детей о жизни и смерти, о сексуальности и агрессии.

Болезненный психологический материал, полученный из опыта собственного становления, позволяет С. Шпильрейн рассматривать насильственные компоненты сексуального инстинкта как разрушительные. С. Шпильрейн отмечает, что внутри личности одновременно сосуществуют и действуют деструктивные и конструктивные силы. Они могут пребывать в состоянии равновесия, но вызовы развития нарушают этот гомеостаз.

С. Шпильрейн утверждает, что в психической реальности переплетены образы рождения и смерти, желания продолжить свой род и умереть, стремления самоутвердиться как личности и одновременно раствориться в массе, слиться с ней, стать частью целого. Она подчеркивает противонаправленность интересов отдельного индивида и вида, к которому он принадлежит и частью которого является. Исследуя истоки садомазохизма и амбивалентности, ненависти и любви по отношению к одному и тому же объекту, она обнаруживает их первоисточник: деструктивную составляющую, вкрапленную в инстинкт продолжения рода. Приводя примеры детских фантазий о том, что такое смерть, анализируя мифы и религиозные верования (в частности, веру в переселение душ), С. Шпильрейн развивает свою главную идею: разрушение является предтечей возрождения.

Многие авторы впоследствии назовут такие мысли довольно странными для молодой женщины, хотя еще З. Фрейд высказался по этому поводу достаточно однозначно: идея С. Шпильрейн о стремлении к разрушению определяется ее личностью [2].

И здесь есть основание говорить о том, что именно особенности формирования личности Сабины, отпечаток опыта, накопленного ее предками, трансгенерационные связи сыграли свою роль. О межпоколенной связи З. Фрейд заявил весьма определенно: «Если психические процессы одного поколения не передавались бы другому, не продолжались бы в другом, каждому пришлось бы вновь учиться жизни, что исключало бы всякий прогресс и развитие»[2, с. 63].

Мы можем рассматривать идею С. Шпильрейн о влечении к смерти как особую форму психологической защиты, позволяющую принять «демонов» в своей душе, как нечто вполне естественное и заложенное природой. Она колеблется между страстным желанием слиться в симбиотических отношениях с тем, кого любит, стремясь тем самым залечить травму «орального отказа» и страхом, что любовь смертельно опасна. Здесь стоит вспомнить истории о погибающих от любви к ее матери мужчинах. Не от того ли в восприятии Сабины мать (или любовь?) приносит смерть и несчастья мужчинам?

В поисках выхода она выбирает стратегию вторичного травматического нарциссизма, где либидо замыкается в Зеркальном Зале безобъектности. Отключение матери и отца, как угрожающих фрустрацией объектов, приносит успокоение, а перегрузка нарциссически регрессировавшего либидо резко усиливает психическую защиту, создавая маленький иллюзорный мир, в котором можно спрятаться и защититься. Там, в этом мире, Сабина пишет свои дневники, беседует с «внутренним духом», голос которого слышит. И голос этот первоначально кажется ей голосом Бога, но потом она решает, что не Бога, а ее собственного ангела, которого Бог послал к ней, ибо она необычный человек. Она верит, что этот ангел оберегает и защищает ее. Ее внутренняя реальность предельно экзальтированна, наполнена идеализмом, романтикой и «мировой скорбью». Обретая равновесие, Сабина стремится реализовать свои фантазии, подключая сексуальность (еще один голос материнской идентификации). Вот откуда учитель истории (первая влюбленность Сабины) называется ею ангелом–хранителем. Но закрепленное на отце объектное либидо означает ситуацию, провоцирующую маниакально-депрессивный синдром, причем без надежды на его преодоление. Это – тупик, и Сабина стремится вырваться из него, стать счастливой, любимой, ошибается и вновь ищет выход.

Ее поиск – жизненный и творческий – бесценен для нас, читающих ее труды и восхищающихся талантом, благородством и самоотверженностью этой удивительной женщины.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боулби Дж.* Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический проект, 2004. – 232 с.
2. *Фрейд З.* Тотем и табу: Книга 1 / З. Фрейд «Я» и «Оно»: Труды разных лет. Пер. с нем. – Тбилиси: Мерани, 1991. – С. 193–350.
3. *Carotenuto A.* A secret symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud. – N. Y.: Pantheon Books, 1982. – 250 p.
4. *Fairbairn W. R. D.* Steps in the Development of an Object-Relations Theory of the Personality // Psychoanalytic Studies of the Personality. – 1949. – pp. 137–161.

ДЕСТРУКЦИЯ В МАЛЫХ ГРУППАХ

Сидоренков А. В.

Рассмотрена деструкция в контекстах разрушения групповой структуры и нарушения эффективности группы. Определено понятие «нормальная структура» в группе, показаны виды групповых структур, причины и суть разрушения структуры группы. Изложены некоторые социально-психологические феномены на уровнях индивида и группы, которые негативно влияют на активность и эффективность группы. Одни феномены являются абсолютно деструктивными, а другие могут создавать как позитивный, так и негативный эффект.

Ключевые слова: *деструкция, групповая структура, эффективность группы.*

В психологии явление деструкции рассматривается, как правило, на уровне личности в связи с инстинктами [13] и страстями [12], психопатологией [3], профессиональной деятельностью [5] и др. Вместе с тем, существует явный дефицит исследований, посвященных деструкции в малых группах. В частности, не совсем понятно, что подразумевать под деструкцией в коллективных субъектах. В одной из работ нами была показана суть деструкции как определенное соотношение процессов интеграции и дезинтеграции [9]. В этой статье поставлена задача проанализировать, как конкретно проявляется деструкция в контексте структуры и эффективности группы.

Деструкция в самых общих чертах понимается, во-первых, как нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо [1, с. 254; 2, с. 378; 11, с. 191], а, во-вторых, как нарушение нормальной деятельности чего-либо [1, с. 254]. Соответственно, можно рассматривать деструкцию в малых группах с точки зрения и структуры, и процесса и результата деятельности совокупных субъектов.

В системном подходе выделен принцип структурности, который используется для описания системы через установление ее структуры (сети связей), что предполагает выделение в объекте составляющих элементов [7]. В области малых групп чаще всего под элементами группы подразумевают индивидов. В данном случае используют такие понятия как «формальная структура» и «неформальная структура» (иначе, «структура межличностных отношений») [6], «коммуникативная структура (сеть)» [4]. Особыми элементами, а точнее подсистемами (подструктурами) группы являются неформальные подгруппы. Это согласуется с тем, что в системном подходе допускается оперирование не только с «первоэлементами», но и с более крупными единицами. В соответствии с таким взглядом вводится понятие «социально-психологическая структура группы», которое раскрывается как «неформальные подгруппы и не включенные в них члены, которые обладают общими и специфическими характеристиками и находятся в определенных связях друг с другом и с группой в целом» [8].

Иногда в качестве элементов рассматривают социальные и / или межличностные статусы и роли членов группы и, соответственно, применяют понятие «статусно-ролевая структура». В частности, в социометрическом подходе статусная структура определяется как соотношение числа членов группы, получивших

разное число выборов [6]. В такой трактовке из поля внимания выпадают связи между элементами, а потому правильнее было бы использовать термин «композиция», а не «структура». Кроме того, высказывается мнение, что группа как система конституируется на основе таких элементов, как акты коммуникации и поведения, когниции и эмоции [15]. Однако такого рода элементы есть не что иное, как связи в различных формах. Действительно, акт взаимодействия сам по себе представляет внешнюю связь между субъектами (например, комплимент или критика), а когниции и эмоции отображают внутреннюю, психологическую связь (восприятие принадлежности к группе, симпатия или антипатия).

Определившись с подходами к пониманию групповой структуры, надо понять, что такое «нормальная структура» и в чем заключается нарушение, разрушение структуры. В общих определениях деструкции, представленных в справочной литературе, под нормальной структурой чаще подразумевают естественную структуру, свойственную определенному веществу живой (например, ткани организма) или неживой (полимеры) природы. Деструкция же выражается в разрушении имманентно свойственной данному веществу структуры, например, в виде разрушения связей и первоэлементов. Специфика малых групп как антропосоциокультурных систем, в отличие от природных объектов, заключается в том, что в них нет естественных и изначально заданных структур. Групповые структуры формируются и флуктуируют в процессе жизнедеятельности группы. На наш взгляд, «нормальной» является структура, которая сформирована в соответствии с целями, задачами и условиями жизнедеятельности конкретной группы на текущий момент времени. Так, «нормальная» внутренняя формальная коммуникативная структура какой-то производственной группы отображает прежде всего содержательные и пространственные характеристики основной совместной деятельности, функционал членов группы и распределение между ними обязанностей, а социально-психологическая структура – цели и потребности индивидов, особенности активности их как в сфере общения, так и совместной деятельности.

Разрушение структуры означает изменение содержания и интенсивности связей между большинством элементов (подсистем) и / или исчезновение значительного количества элементов (подсистем). Когда в качестве элементов рассматривают индивидов, а подсистем – неформальные подгруппы, то содержательно связи между ними проявляются в интеграции (кооперация, усиление сплоченности, доверия, идентичности и др.) или дезинтеграции (конкуренция, конфликт, избегание, снижение сплоченности, доверия, идентичности); интенсивность связей выражается в частоте интеракций и степени переживания отношений между индивидами; исчезновение элементов предполагает одновременный выход из группы существенного количества индивидов и распад неформальных подгрупп. В таком контексте разрушение социально-психологической структуры группы выражается в распаде неформальных подгрупп, кардинальном изменении содержания и интенсивности связей между подгруппами, между подгруппами и не включенными в них членами. Надо сказать, что разрушение групповой структуры часто не предполагает разрыв связей между субъектами, если они сохраняют групповое членство. Индивиды могут минимизировать общение и избегать взаимодействовать друг с другом, но отношения между ними, пусть изменившиеся, продолжают существовать. Более того, разрушение структуры в институализированной (например, производственной) группе не приведет к ее распаду, т. к. группа обладает социальной целостностью, хотя ее психологическая целостность может быть очень низкой [8].

Причины разрушения структуры могут быть разными, но все они являются «возмущающими» для группы. Так, разрушение внутригрупповой коммуникативной структуры может быть вызвано постановкой перед группой совершенно новых задач, решение которых требует иной структуры, или сильным и непредвиденным внешним воздействием (например, неожиданным нападением врага), когда группа не может быстро организоваться и среди ее членов возникает паника. Социально-психологическая структура может существенно измениться, когда группа либо оказывается регулярно неуспешной в межгрупповой конкуренции или межгрупповом конфликте, либо находится в постоянно

нарастающей интеграции (кооперации, сотрудничестве) с другой группой [8]. В любом случае, переструктурирование группы может дать толчок к ее качественно новой активности.

Если под деструкцией понимать нарушение нормальной деятельности, то данный процесс в малой группе связан с ухудшением функционирования группы и снижением ее эффективности: предметно-деятельностной и / или социально-психологической. (Предметно-деятельностная эффективность – достижение группой установленных извне или сформированных изнутри стандартов (нормативов) выполнения основной целевой функции, а социально-психологическая – достижение группой определенных характеристик активности в общении.) Такая трактовка деструкции предполагает изучение социально-психологических явлений, которые порождают данный процесс. Одни из них могут проявляться на уровне индивида, а другие – на уровне группы в целом. Некоторые из них являются сугубо деструктивными, а другие могут приобретать как конструктивный, так и деструктивный характер в зависимости от меры проявления и сочетания с другими явлениями.

На уровне индивида к чисто деструктивным явлениям в сфере общения, обуславливающим снижение социально-психологической эффективности группы, следует отнести поведение, вызванное завистью, такие формы поведения, как лицемерие, мстительность, цинизм и др. С точки зрения вклада индивида в общегрупповую работу, деструктивными являются: феномен социальной лености, качество безответственности и противодействие как доминирующий тип взаимодействия. На уровне группы в целом сугубо деструктивными являются, например, такие феномены, как координационные потери, «огруппленное» мышление.

Некоторые групповые феномены (например, сплоченность, конфликты, доверие) могут оказывать как позитивное, так и негативное действие на функционирование и эффективность группы. Установлено, что сплоченность значимо коррелирует с такими показателями социально-психологической эффективности группы, как удовлетворенность членов группой, психологический комфорт членов в группе, содействие группы развитию своих членов [10]. В частности, чем ниже сплоченность, тем меньше социально-психологическая эффективность группы. В свою очередь, очень высокая инструментальная сплоченность в сочетании с низкой неформальной нормой продуктивности, точно так же, как низкая сплоченность в сочетании с низкой нормой продуктивности, часто приводит к существенному снижению результативности совместной работы [10, 16].

Выявлено прямое или опосредованное действие доверия на те или иные показатели эффективности групп [10, 14, 17]. Очевидно, что слишком низкий или, наоборот, высокий уровень доверия может создавать негативный эффект. Например, высокий уровень доверия может привести к злоупотреблению им, что, в конечном счете, обернется хроническим недоверием и снижением эффективности группы.

Конфликт может оказывать позитивное и негативное влияние на людей и группы. Конфликт, создавая трудности в коммуникации между людьми, может приводить к нарушению личных и профессиональных отношений, снижать индивидуальную и групповую эффективность. Вместе с тем конфликт может быть полезен для совместной работы, например, для проявления творческого потенциала и инноваций, повышения качества принимаемых решений и развития коммуникации между членами группы. Специалисты активно изучают связь между конфликтом, с одной стороны, и какими-то показателями эффективности группы, с другой. В рамках типологии конфликта (конфликт отношения и конфликт задачи) принято считать, что конфликт отношения во всех случаях является дисфункциональным и отрицательно влияет на работу группы и удовлетворенность ее членов [18, 21], тогда как умеренный конфликт задачи имеет позитивное действие на работу команды [19, 20].

Таким образом, деструкция в малых группах представляет собой разрушение нормального состояния структуры (например, коммуникативной, социально-психологической), что проявляется в изменении содержания и интенсивности связей (взаимодействий и взаимоотношений) между большинством элементов (индивидов, подгрупп) и / или исчезновение значительного количества элементов. Наряду с этим в группе могут возникать деструктивные психологические явления, оказывающие негативное действие на те или иные аспекты групповой эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: НОРИНТ, 2001, С. 254.
2. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия; СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993. – С. 378.
3. *Бухановский А. О., Кутявин Ю. А., Литвак М. Е.* Общая психопатология. – Ростов н/Д: Феникс, 2003. – 416 с.
4. *Гибш Г., Форверг М.* Введение в марксистскую социальную психологию. – М.: Прогресс, 1972. – 296 с.
5. *Маркова А. К.* Психология профессионализма. – М.: Межд. гуманит. фонд «Знание», 1996. – 312 с.
6. *Морено Я. Л.* Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. – М.: Акад. проект, 2001. – 384 с.
7. *Садовский В. Н.* Система // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. Т. 3. – М.: Мысль, 2001. – С. 552–553.
8. *Сидоренков А. В.* Малая группа и неформальные подгруппы: микрогрупповая теория: монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – 272 с.
9. *Сидоренков А. В.* Соотношение интеграции и дезинтеграции в проявлении деструкции // Симпозиум. – 2004. – № 1. – С. 7–11.
10. *Сидоренков А. В., Сидоренкова И. И., Ульянова Н. Ю.* Социально-психологические характеристики и эффективность малых групп в организации. – Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2014. – 248 с.
11. Современный словарь иностранных слов / Вед. ред. Л. Н. Комарова. – М.: Рус. яз., 2000. – С. 191.
12. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2006. – 640 с.
13. *Шпильрейн С.* Деструкция как причина становления // Логос. – 1994. – № 5. – С. 207–238.
14. *Aubert B. A. & Kelsey B. L.* Further understanding of trust and performance in virtual teams // Small Group Research. – 2003. – V. 34 (5). – pp. 575–618.
15. *Brunner E. & Tschacher W.* Distanzregulierung und Gruppenstruktur beim Prozeß der Gruppenentwicklung. Theoretische Grundlagen und methodische Überlegungen // Zeitschrift für Socialpsychologie. – 1991. – V. 22 (2). – pp. 87–101.
16. *Carron A. V., Brawley L. R. & Widmeyer W. N.* The measurement of cohesiveness in sport groups // Advances in sport and exercise psychology measurement / Ed. J. Duda. Morgantown: FIT Technologies, 1998. – pp. 213–226.
17. *Costa A. C., Roe R. A. & Taillieu T.* Trust within teams: The relation with performance effectiveness // European Journal of Work and Organizational Psychology. – 2001. – V. 10 (3). – pp. 225–244.
18. *Jehn K. A.* A multimethod examination of the benefits and detriments of intragroup conflict // Administrative Science Quarterly. – 1995. – V. 40. – pp. 256–282.
19. *Jehn K. A.* A qualitative analysis of conflict types and dimensions in organizational groups // Administrative Science Quarterly. – 1997. – V. 42. – pp. 530–557.
20. *Jehn K. A. & Mannix E. A.* The dynamic nature of conflict: A longitudinal study of intragroup conflict and group performance // Academy of Management Journal. – 2001. – V. 44. – pp. 238–251.
21. *Wall V. & Nolan L.* Perceptions of inequity, satisfaction, and conflict in task oriented groups // Human Relations. – 1986. – V. 39. – pp. 1033–1052.

СПЛЕТЕНИЕ СУДЕБ: С. ШПИЛЬРЕЙН, К. ХОРНИ, А. ФРЕЙД

Дейнекина А. С., Обухова Ю. В.

В статье анализируются факты из жизни трех великих женщин–психологов – Сабины Шпильрейн, Анны Фрейд и Карен Хорни, которые отразились на их жизни и профессиональной деятельности. Выделяются сходные и различные аспекты при рассмотрении их судеб. Критериями для анализа выступили: события детства; социальный и материальный статус семьи; порядок рождения; отношение с родителями; способности и интересы; отношение к своей внешности; образование; личная жизнь; болезненный жизненный опыт; отношение к другим людям. Подчеркивается, что судьба этих женщин была очень сложна, на их долю выпало очень много потерь, трагических событий, а путь к профессиональному признанию очень тернист.

Ключевые слова: *С. Шпильрейн, К. Хорни; А. Фрейд, детско-родительские отношения; самоотношение, отношение к другим, жизненный опыт, интересы, образование, научное наследие.*

Когда речь заходит о психоанализе, на ум непременно приходит его основатель Зигмунд Фрейд и один из самых известных его последователей – Карл Густав Юнг. Эти великие ученые стояли у истоков психоанализа, закладывали его фундамент, пересматривали его положения. Их работы стоили годы усердных трудов. Но при всей их славе мы не должны забывать имена женщин–психоаналитиков, которые осуществили выдающийся вклад в эту науку, а также внесли понимание в некоторые аспекты психоанализа и развития личности, которым не уделяли должного внимания вышеупомянутые «акулы» психоанализа. В этой статье все внимание будет обращено к судьбам и тому научному наследию, что оставили после себя первая женщина-психоаналитик Сабина Шпильрейн, основательница женской психологии Карен Хорни и создатель детского психоанализа Анна Фрейд.

Обратимся к анализу судеб этих великих и прекрасных женщин. Постараемся воссоздать их жизнь, их переживания, которые им так хотелось отложить *в сторону из-за критического отношения. Как говорил З. Фрейд: «Действуйте так, как будто вы путешественник, сидящий у окна вагона и описывающий кому-то, находящемуся в глубине купе, сменяющиеся виды». В таблице 1 представлены критерии для сравнения, как сменяющиеся остановки «поезда» личности наших героинь.*

Проанализировав разные и непростые судьбы этих выдающихся женщин, можно отметить, что некий конфликтный очаг в семье прослеживался в жизни каждой. Сложные отношения с отцом у Сабины и Анны, холодность со стороны отца и ненависть к матери у Карен. Микроклимат в семьях главных героинь был неблагоприятный (от ссор в семье Сабины, некоторого деспотизма отца в семье Карен, до отсутствия любви в семье Анны). По мнению Л. А. Николаевой, взаимоотношения в семье, в которой растет ребенок, влияют на его взаимодействие с близкими ему людьми, а также на формирование отношений в будущей семье [3]. Возможно, конфликтные взаимоотношения в родительской семье послужили причиной того, что личная жизнь у трех героинь сложилась не

очень хорошо: Сабина не любила мужа, Карен не смогла найти общий язык со спутником жизни, Анна игнорировала мужчин, полностью отдаваясь психоанализу. Сабина и Карен выполнили истинное предназначение женщины – родили детей, а для Анны психоанализ остался главным детищем всей ее жизни.

Сабина, как старший ребенок в семье, является средством самоутверждения родителей, ею гордились, занимались ее развитием, постоянно контролировали. Поэтому она выросла с высоким чувством долга, мотивацией достижений на успех. Наличие младших братьев способствовало развитию ее педагогических способностей. Карен, как младший ребенок в семье, была отличным манипулятором, дипломатом; ходы, интриги в семье отрабатывает на старшем брате. В конфликтах умела снимать напряженность. Анна, несмотря на то, что тоже была младшим ребенком в семье, не чувствовала внимания и заботы со стороны родителей. Скорее всего, здесь сыграло важную роль желание родителей иметь сына, а не дочь (родительское послание «Не будь собой») [2, 8].

Только Сабина полностью принимала свое Я-физическое, осознавала сильные и слабые стороны своей личности. Карен комплексовала из-за своей внешности, стремилась покорить окружающих своим общим интеллектом. Анна же не до конца принимала свою привлекательность, покоряла всех хорошо развитым социальным и эмоциональным видами интел-

Таблица 1.

С. Шпильрейн, К. Хорни, А. Фрейд

Критерий	***С. Шпильрейн***	***К. Хорни***	***А. Фрейд***
Соц. статус семьи	Очень богатая семья	*Семья со средним достатком*	*Семья со средним достатком*
Микроклимат в семье	Взаимоотношения у родителей были непростыми, хотя это не мешало им единогласно воспитывать детей в строгости	Отец был убежден в превосходстве мужчин над женщинами, родители часто ссорились, брак распался	Папа работал по 18 часов в сутки. «Если папа не любит маму, то мама не любит папу, и поэтому они меня тоже не могут любить»
Порядок рождения	*Старшая сестра*	*Младшая сестра брата*	Младший, шестой ребенок в семье
Отношения с родителями	Боязнь отца и отчаянное бунтарство против его предписаний и запретов. Плохие отношения с мамой: в 13 лет после ссоры с ней пыталась умереть в холодной воде зимой, в 15 лет – отказывалась от пищи и чуть не умерла от истощения. Она находилась в окружении учителей, а не родителей	Плохие отношения с отцом, который уделял больше внимания брату. К матери испытывала скрытую враждебность	Все внимание доставалось старшим братьям и сестрам, родители в основном ее игнорировали. Ближайшим другом была няня
Интересы	*Музыка, психология,* иностранные языки, поэзия	*Медицина*	*Вязание, психология, поэзия*
Образование	Екатерининская гимназия с золотой медалью, университет Цюриха (медицинский факультет)	Приходская школа, университет Фрейбурга (медицинский факультет)	Хорошее домашнее образование, педагогическое образование
Самоотношение и самооценка	Была привлекательной девушкой, привлекательность свою вполне осознавала	Решив для себя, что если она не может быть милой и красивой, ей стоит тратить свои силы на интеллектуальное развитие	Не блистала яркой внешностью, считала себя дурнушкой, в отличие от сестры Софи
Отношение к другим	*Занимала промежуточное место между К. Юнгом и З. Фрейдом, не стремилась к конфликтам*	*Закрытость от других; мал*о кому удавалось завязать прочные доверительные отношения с ней	*Была общительной, доброжелательной*
Личная жизнь	*Была влюблена в К. Юнга, вышла замуж за* Павла Шефтеля – врача, от него две дочери	Вышла замуж за Оскара Хорни – юриста, от него три дочери, но впоследствии они разошлись	Она никогда не была замужем и не имела собственных детей
Трагический жизненный опыт	*Смерть младшей сестры, вследствие чего развились психические нарушения*	Увлечение братом, который, в свою очередь, отвергал ее порывы, его скоропостижная смерть, развод родителей и их смерть в течение одного года, сомнения в ценности психоанализа	Внезапное известие о болезни отца раком

лекта. Как подчеркивалось в исследованиях, видение себя в разных связях и отношениях действительности, субъектное самоотношение и адекватная самооценка будут способствовать гармонизации самосознания [4, 10]. Образ тела является одним из компонентов Я-концепции личности. Осознание и принятие своей телесности, адекватность восприятия своего тела и отношения к своей личности в целом, а также успешная социальная адаптация зависят от развития образа тела, его совершенствования и преодоления недостатков его формирования различными психологическими техниками [1, 7].

Все перечисленное выше оставило след как на их личностях, так и на том научном наследии, что они оставили после себя. Их работы были посвящены психологии и психоанализу детей и женщин, в то время как классический психоанализ в качестве пациента видел мужчину средних лет. Эти женщины расширили границы психоанализа, сделав более подвижной его жесткую структуру.

В истории психоанализа С. Шпильрейн осталась как автор всемирно известной работы «Деструкция как причина становления», ставшей фундаментом для всех дальнейших исследований влечения к смерти. Клиническая проблема, поставленная С. Шпильрейн, состоит в том, что на практике мы не можем развести сексуальное влечение и влечение к смерти, они всегда являются сообща. Несмотря на то, что диссертация С. Шпильрейн была актуальной и создала почву для дальнейшего поиска и исследований З. Фрейда и его учеников, сама Сабина Шпильрейн в силу разных обстоятельств не создала своей школы и не имела последователей [9].

Карен Хорни разработала теорию невроза, которая сегодня все еще актуальна. В отличие от своих предшественников, К. Хорни рассматривала невроз как своего рода механизм решения проблем и считала его абсолютно нормальным явлением в жизни. К. Хорни обладала исключительной способностью проникать в души и умы других людей, но в личном общении была довольно закрыта [6].

Главным направлением деятельности А. Фрейд была работа с детьми. В 1947 г. Анна Фрейд основала Хэмпстедскую клинику в Лондоне – крупнейший в то время детский психоаналитический лечебный и учебный центр. В 1952 г. она открыла в Лондоне детские терапевтические курсы и клинику для лечения детей методом психоанализа. Главным трудом своей жизни Анна Фрейд считала опубликованную к 70-летию работу «Норма и патология в детстве», обобщившую ее личный опыт деятельности за несколько десятилетий. Собственные детские переживания Анны Фрейд стали причиной того, что в зрелом возрасте она заинтересовалась вопросами детской психологии и стала основателем такого научного направления, как детский психоанализ. Добиваться признания среди коллег Анне было нелегко. Воспринимать ее как самостоятельную личность, ученого с собственными работами, а не дочь Зигмунда Фрейда, были готовы далеко не все [5].

Их судьбы схожи, но их личности индивидуальны и неповторимы, у каждой был трагический жизненный опыт, который во многом закалил их характер и сделал их сильными женщинами. Они представляют собой «дерево психологии», которое необходимо сохранить современникам для будущих потомков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алмазова С. Л.* Теоретический анализ проблемы изучения образа тела как компонента «Я-концепции» личности / Психология телесности: теоретические и практические исследования // URL: http: // psyjournals.ru / psytel2009 / issue / 40807.shtml
2. *Макаров В. В., Макарова Г. А.* Транзактный анализ – восточная версия. – М: Академический Проект; ОППЛ, 2002. – 496 с.
3. *Николаева Л. А.* Детско-родительские отношения как фактор развития ребенка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2013. – № 2. – Т. 2. – С. 187–192.
4. *Обухова Ю. В.* Содержание эмоционально-оценочного компонента Я-концепции девушек – «гуманитариев» и «техников» в связи с особенностями их интеллекта //

Северо-Кавказский психологический вестник. – 2014. – № 12 / 1. – С. 14–17.
5. *Степанов С. С.* Психология в лицах / Анна Фрейд. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 89–102.
6. *Степанов С. С.* Психология в лицах / Карен Хорни. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 287–294.
7. *Шкурко Т. А.* Танцевально-экспрессивный тренинг. – М., 2003. – 192 с.
8. *Шульц Д. П., Шульц С. Э.* История современной психологии / Под ред. А. Д. Наследова. – СПб.: Евразия, 2002. – 532 с.
9. *Якушев И. Б.* История астероида (Сабина Шпильрейн) // Клиническая и медицинская психология: исследования, обучение, практика: электрон. науч. журн. – 2015. – № 2 (8).
10. *Orth U., Trzesniewski K. H. & Robins R. W.* Self-esteem development from young adulthood to old age: A cohort-sequential longitudinal study // Journal of Personality and Social Psychology. – 2010. – V. 98. – pp. 645–658.

ЖЕНЩИНА В ИСТОРИИ ПСИХОЛОГИИ: ТЕНЬ ИЛИ НЕПРИНЯТАЯ ОБЩЕСТВОМ ЖЕРТВА

Касьянова Д. В.

Данная статья выявляет особенности становления женщины в психологии, ссылаясь на исторические аспекты, которые помогают прояснить ситуацию, сложившуюся в отношении женщин–психологов. В современном обществе женщины активно принимают участие в научной деятельности, однако общество не позволяет им ставить свои достижения наравне с мужскими. Помимо этого происходит активный рост уровня эмансипации, но, несмотря на это, женщины до сих пор испытывают по отношению к себе дискриминацию. Статья проясняет реальный взгляд на положение женщин в науке и оценивает их вклад в развитие психологического знания.

Ключевые слова: *женщина–психолог, гендерная принадлежность, феминизм, женская дискриминация, эмансипация.*

Нередко мы встречается с тем фактом, что достижения женщин в науке часто уходят на второй план, а иногда вовсе не замечаются. То же самое можно сказать и о женщинах–психологах. Здесь сразу же напрашивается вопрос: почему же общество так мало знает о женщинах, которые внесли вклад в развитие психологии?

Ответ достаточно прост: на протяжении многих столетий женщину как ученого не воспринимали всерьез. Главенствующие позиции в науке занимали мужчины, несмотря на то, что женщины играли в развитии психологии не последнюю роль. Зачастую женщина была просто полезным сотрудником в лаборатории и выполняла необходимую работу, но ее не воспринимали как создателя или творца чего-то нового. Главной причиной такого восприятия женщины в науке, несомненно, становилась гендерная принадлежность. Однако со временем эта тенденция стала постепенно сдвигаться в сторону женщин.

И здесь важно обратить внимание на то, что, с одной стороны, активное отстаивание женских прав началось только в прошлом веке, именно поэтому большое количество работ и трудов до этого времени практически не рассматривалось. С другой стороны, важно отметить то, что даже несмотря на стремление женщин достигнуть высот в науке, женщина должна была выполнять свою главную функцию – репродуктивную, а также уделять время семье и хозяйству. Поэтому чаще всего успехов в научной деятельности добивались именно незамужние женщины.

Также одной из основных причин столь низкого осведомления о женских достижениях является редкое упоминание женщин в опубликованных трудах, именно поэтому вклад женщин в науку остается неоцененным и неизвестным.

Здесь необходимо вспомнить теорию «Я» Мэри Колкинс и ее вклад в разработку метода парных ассоциаций; теорию развития цветного зрения Лэдд-Франклин, исследования по психофизике Джейн Мартин и исследовательскую работу Лиллиан Гильберт о времени и движении. Кроме того, в учебниках по истории психологии не упоминаются такие значимые для науки работы, как книги Маргарет Уошберн о поведении животных или Хелен Фландерс Данбар по психосоматической медицине. Также совершенно игнорируются исчерпывающая теория эмоций Магды Арнольд и вклад Маргарет Харлоу в понимание значимости тактильной стимуляции для младенца во время общения

с матерью. Всем этим трудам не было уделено достаточного внимания, хотя они оставили свой след в развитии психологии.

Для понимания того, как происходило становление женщин в психологии, необходимо обратиться к истории.

На протяжении многих лет женщины боролись за свое право быть включенными в науку, однако, как говорилось выше, наибольшего результата в этом они добились только в прошлом веке, когда началось активное феминистское движение и борьба женщин за свои права в обществе.

Первые шаги навстречу к своей научной цели были безуспешны, женщин зачастую не воспринимали всерьез и ко всем трудам относились достаточно критично и скептично.

Но, как известно, в 1969 г. была сформирована Ассоциация женщин в психологии. Теперь перед психологами стояла цель «способствовать расширению исследований в области женской проблематики и содействовать интеграции полученной информации в современные психологические знания и представления для того, чтобы эти знания можно было бы применять в обществе и его институтах».

В результате работы данной организации произошли изменения положения женщины в науке, их вклад был вновь открыт для науки и общества. Примером могут служить Лорел Фурумото и Элизабет Скарборо, которые реконструировали жизненный и профессиональный опыт первого поколения американских женщин–психологов с точки зрения формирования их идентичности как психологов.

Однако, несмотря на это женщины все так же сталкивались с дискриминацией, когда, например, пытались получить ученую степень. Поэтому первые женщины–психологи испытали дискриминацию не только в доступе к образованию, но и по отношению к себе и своей работе. Несмотря на все достижения и вклад, которые женщины внесли в развитие психологии, их труды не были учтены и сводились к банальностям. Женщинам чаще всего удавалось добиться успехов не в академической психологии, а в прикладной, именно в этой области женщины оставили наибольший след. Но в данной области редко можно было добиться признания.

Что касается настоящего времени, то и сейчас можно наблюдать, что работа и квалификация мужчин–психологов оценивается выше, а женщины, как и раньше, получают меньше признания в науке, несмотря на рост эмансипации.

Конечно, нельзя говорить, что женщины испытывают на себе такой же уровень дискриминации, как в прошлые времена, но данная тенденция не исчезнет, и женщина никогда не сможет быть равноправной по отношению к мужчине. Здесь не последнюю роль играет стереотипизация внутри общества, которая не позволяет женщинам проявлять себя в полной мере и конкурировать с мужчинами в различных сферах деятельности.

Но, несмотря на это, в обществе все чаще встречаются женщины, задействованные в научной деятельности. Мы можем пронаблюдать их профессиональный рост – женщинам никто не ставит преград в получении образования и построении карьеры в области психологического знания.

Таким образом, можно сделать вывод, что в настоящее время происходит переориентация взглядов на роль женщины в психологии, не существует жестких ограничений в распределении должностей, женщины публикуются наравне с мужчинами, создают собственные методики и выдвигают гипотезы о тех или иных явлениях. Однако нельзя отрицать тот факт, что достижения мужчин до сих пор ценятся выше, их работа в обществе является более престижной. Но это не говорит о том, что женщина является только тенью для науки, скорее она стала жертвой неприятия общества, стереотипов и отголосков истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Палуди М.* Психология женщины. Пер. с англ. – СПб.; М.: ОЛМА-Пресс инвест; Прайм-еврознак, 2003. – 384 с.
2. *Шульц Д. П., Шульц Э. С.* История современной психологии. Пер. с англ. – СПб.: Евразия+, 1998. – 528 с.

ВКЛАД ЖЕНЩИН В РАЗВИТИЕ ПСИХОАНАЛИЗА

Романович Т. Л.

Автор стремится проследить процесс развития психоанализа сквозь судьбы четырех женщин, которым удалось не только разрешить свои проблемы, но и стать учеными–исследователями в области психоанализа, тем самым развивая его своими трудами. В статье освещены ключевые моменты поворота судьбы от пациента к становлению учителем, а также их основные труды, благодаря которым они стали учеными.

Ключевые слова: *анализ, анализант, психоанализ, психоаналитик, свободные ассоциации, эротика.*

На рубеже XIX–XX вв. стремительно развиваются науки: квантовая физика, теория относительности, эволюционная теория Ч. Дарвина; вслед за философией на первый план выходят науки о человеке: психология и социология. Зигмунд Фрейд создает оригинальную теорию – психоанализ. Если раньше ученые лишь описывали психические отклонения, то теперь они получили метод изучения глубинных механизмов человеческой психики. Метод, казалось бы, простой: в ходе доверительного общения врач исследует свободные ассоциации пациента и находит первопричину заболевания – старые душевные травмы, которые были вытеснены из сферы сознания в сферу подсознательную.

В 1882 г. в интеллектуальных кругах Европы появляется блистательная женщина. Она покоряет всех умом и обаянием. Ее всегда сопровождают два кавалера. Через пару лет имя одного кавалера станет известным во всем мире – это Фридрих Ницше – его труды перевернут сознание XX в. Второй кавалер не получит столь громкой известности, но напишет не менее интересные философские труды – это Пауль Рэ. Молодая девушка, 20-летняя студентка из Петербурга – Луиза Андреас-Саломе. Ницше называл ее «сверхженщиной», она была не просто умной и обаятельной, она вдохновляла поэта Р. Рильке, создателя психоанализа З. Фрейда, которому являлась подругой, и его коллегу – любимого ученика К. Юнга.

Луиза Андреас-Саломе родилась в Петербурге в 1861 г. Младшая дочь генерала русской службы, немца по происхождению, Луиза (коротко – Лу) свободно владеет пятью языками. Когда ей исполнилось 17 лет, она отправилась в Германию изучать философию, где знакомится с 32-летним Паулем Рэ, а через некоторое время с 38-летним нигилистом Фридрихом Ницше. Они по очереди делают ей предложение, но Лу отказывает, заявляя, что решила остаться девственницей и предлагает жить вместе духовной коммуной. Чуть больше года они еще продолжали общаться, потом наступил разрыв. Ф. Ницше написал о Луизе свою книгу «Так говорил Заратустра». В 1894 г. Луиза написала о Ф. Ницше «Фридрих Ницше в своих произведениях», после выхода этой работы Луиза получает признание как автор философских и художественных произведений.

С Паулем Рэ она прожила несколько лет, но в 1887 г. Луиза неожиданно выходит замуж за профессора Берлинского университета Фридриха Андреаса. Между тем Лу не меняет своего решения остаться девственницей, и в браке с Андреасом она проживет 40 лет, сохраняя платонические отношения. Луиза доверяет своему мужу до такой степени, что первому сообщает ему о том, как и когда она

все-таки лишается девственности. Назло Луизе он заводит роман с горничной, у которой рождается дочь. Но Лу не зря изучала философию, она спокойно переносит все выходки мужа, а потом удочеряет ребенка горничной. Теперь Лу переходит от одного бурного романа к другому и не скрывает ни один из них. Почему она провела непреодолимую границу между любовью, семьей и сексом – остается загадкой. Отношения между мужчиной и женщиной – предмет ее исследовательских трудов. На международном конгрессе психоаналитиков в Вене в ноябре 1911 г., одержимая желанием изучать психоанализ, 50-летняя Луиза Андреас-Саломе знакомится со своим кумиром Зигмундом Фрейдом. Познакомившись с ней, З. Фрейд позволил ей не проходить 5-летний срок обучения самоанализа, по его мнению Лу достаточно преуспела в познании себя. Ее книга под названием «Эротика» переиздавалась пять раз и стала в Европе настоящим бестселлером. Когда Лу посещала Вену, З. Фрейд посылал ей в отель цветы, сопровождал на прогулках и увлеченно беседовал. Их переписка насчитывает более двухсот писем. В процессе общения З. Фрейд предоставлял ей больше свободы, чем кому либо, даже больше, чем своему любимцу К. Юнгу.

Луиза с 1914 г. живет в Геттингене, ведет психоаналитическую практику и работает по 10 часов каждый день. Первая мировая война позволила Луизе понять многое о природе человека. Она неожиданно находит подтверждение идеи Ф. Ницше – страдания действительно обновляют и закаляют. Некоторые пациенты Лу избавились от психических заболеваний, которыми страдали до войны: их прекратили мучить неврозы, истерии, навязчивые состояния и даже приступы шизофрении. З. Фрейд был в ужасе от подобных умозаключений Лу, зато К. Юнг впоследствии подтвердил психически исцеляющее значение глобальных проблем кризиса. Революция в России лишила Луизу Саломе состояния и отрезала пути на родину. Она умерла 5 февраля 1937 г. в Германии естественной смертью. Ей не удалось предотвратить разрыв в январе 1913 г. между З. Фрейдом и К. Юнгом, другая «сверхженщина» стала всему виной – Сабина Шпильрейн. Эти две женщины переплелись в судьбах великих людей и при этом не остались в тени их гениальности.

В 1885 г. в г. Ростове-на-Дону родилась Сабина Шпильрейн, в богатой еврейской семье. У нее было три брата и любимая сестра Эмилия. Все они получили блестящее образование. Отец держал всех в строгости, что означало порку провинившегося на глазах у других детей. В результате у Сабины появились проблемы с психикой. В связи со смертью любимой сестры в 1904 г. состояние Сабины ухудшилось. Мать поместила ее в лучшую Швейцарскую психиатрическую клинику под Цюрихом. Ее лечащим врачом оказался доктор Карл Густав Юнг. Она была первая пациентка, которую К. Юнг лечил методом психоанализа. Этот метод подействовал, и состояние Сабины значительно улучшилось, теперь она сама увлеклась психоанализом и стала верной ученицей своего врача, при этом регулярные сеансы с доктором К. Юнгом продолжались.

Пока З. Фрейд не догадывался о романе К. Юнга с Сабиной Шпильрейн, он считал молодого врача своим самым верным последователем, но как только он узнал о нарушении врачебной этики, то отреагировал достаточно резко. Он назвал К. Юнга невротиком, который сам нуждается в лечении. К Сабине, напротив, З. Фрейд отнесся весьма уважительно. Она как будто поменялась местами со своим врачом, самостоятельно справилась с эмоциями и сумела направить свои отношения с К. Юнгом в более спокойное русло сотрудничества. После этого события Сабина принимается за статью «Разрушение как причина становления». В письмах к З. Фрейду она признается, что мечтала родить ребенка от К. Юнга. Теперь работа заменила Сабине мечты о сыне. Освобождаясь от любви к К. Юнгу, С. Шпильрейн делает открытие: сексуальное влечение – не единственная сила, которая управляет человеком. Существует и другое влечение – к разрушению, уничтожению жизни. З. Фрейд не принял этой мысли, она требовала пересмотра многих положений психоаналитического метода. Много лет спустя, именно эту идею Сабины об Эросе и Танатосе – любви и смерти как равновеликих силах человеческой природы – З. Фрейд положил в основу последней версии своего учения.

Шесть лет спустя Сабина защищает диссертацию на тему о психологическом материале одного случая шизофрении, но ключевым событием карьеры Сабины Шпильрейн станет ее доклад

на международном конгрессе психоаналитиков в Вене в ноябре 1911 г. К. Юнг возвращается в семью и приводит душевное состояние в порядок, однако расположение З. Фрейда ему вернуть не удается. В 1913 г. З. Фрейд и К. Юнг окончательно расходятся во взглядах, Сабина остается единственной ниточкой, связывающих их еще какое-то время. Она возвращается домой в 1923 г., но деятельность в Москве в российском обществе психоаналитиков не приносит ей удовлетворения. Карьера доктора медицины, члена Венского и Швейцарского психоаналитических обществ остается за рубежом. В Европе опубликованы и основные труды. Два года спустя она уезжает в Ростов-на-Дону к семье. В 30-е гг. психоанализ в России был запрещен. Вторую половину жизни Сабина прожила в нищете и страхе. Она дважды могла покинуть Ростов перед оккупацией, но не уехала и не отправила дочерей. Она не верила в рассказы о нацистских зверствах, считала это советской пропагандой. Последний раз ее видели 11 августа 1942 г. вместе со своими дочерьми в толпе людей, идущих на расстрел в Змиёвскую балку.

Начиная с 1925 г, одной из самых любимых учениц З. Фрейда становится 43-летняя Мари Бонапарт, внучатая племянница Наполеона. Она выросла без матери в доме отца. Взаимоотношения между бабушкой, отцом и Мари в детстве формировались тяжело и отчужденно. В подростковый период секретарь отца использует некоторые любовные письма девушки для того, чтобы шантажировать ее. Отпечаток на психике принцессы оставил и несчастливый брак с греческий принцем Георгом Корфским, от которого она получила высокий титул, но не радость семейной жизни (супруг предпочитал в постели мужчин). Свои потребности в любви Мари Бонапарт удовлетворяла в целом ряде внебрачных отношений. Потеря отца, которого она любила амбивалентно, и найденные ею свои дневники, написанные между 7–10 годами, побудили ее искать разрешение своих проблем в психоанализе.

З. Фрейд заинтересовался ею, принцесса стала его анализантом не на несколько месяцев, как это было обычно принято, а на долгие годы. Так Мари создает новую традицию «прерванного психоанализа», когда анализант периодически приезжает к аналитику на несколько недель. Эти серии сеансов продолжались до 1938 г., т. е. около 15 лет. Еще до анализа в 1924 г. Мари Бонапарт занималась проблемами женской сексуальности, под псевдонимом «Наряни» она опубликовала статью «Заметки о анатомических причинах фригидности женщин». Одновременно с лечением принцесса Мари учится у Зигмунда Фрейда психоанализу. В 1928 г. Мари Бонапарт публикует статью, где приводит схему женской сексуальности, а в 1929 г. заканчивает прохождение психоанализа и занимается переводами статей З. Фрейда на французский язык. Вскоре она начинает практиковать. И здесь не обошлось без своего рода новаторства: Мари Бонапарт стала первым французским психоаналитиком без специального, медицинского или психологического, образования.

Зигмунд Фрейд, безусловно, оказал на Мари Бонапарт огромное влияние (она прожила до 1962 г. и умерла 21 сентября во Франции, Сен-Тропе), но и ее заслуги перед учителем трудно переоценить. В 1938 г., после аншлюза Австрии, именно благодаря связям и финансовой помощи (более 4 тысяч долларов) именитой ученицы, З. Фрейду удалось уехать из Третьего Рейха вместе с женой и дочерью Анной, ставшей детским психоаналитиком. Еще после Первой мировой войны, оставив учительство, Анна (младшая дочь Фрейда) посвятила себя отцу, работая его секретарем. Вскоре она вступает в Венское психоаналитическое общество и выступает там с докладами. В Великобритании Анна продолжила заниматься психоанализом, развивая идеи своего отца, особенно в области детской психологии. В 1947 г. Анна Фрейд основала Хэмпстедскую клинику в Лондоне, в 1952 г. она открыла детские терапевтические курсы, а в последние годы жизни работала в Йельском университете, продолжая развивать свои идеи в области детской психологии. Умерла Анна Фрейд в Лондоне 9 октября 1982 г. Она никогда не была замужем и не имела собственных детей, но ее труды были посвящены детям.

Женщины–психоаналитики: Лу Андреас-Саломе, Сабина Шпильрейн, Анна Фрейд и Мария Бонапарт, внесшие свой вклад в психоанализ, были ближайшими и самыми верными ученицами З. Фрейда, они были готовы идти на любые жертвы ради поддержания его учения, искренне любили его и проявляли заботу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Овчаренко В. И.* Сабина Шпильрейн: Под знаком деструкции // Антология российского психоанализа. Т. 2. – М.: Флинта, 1999. – С. 366.
2. *Овчаренко В. И.* Судьба Сабины Шпильрейн // Российский психоаналитический вестник. – 1992. – № 2. – С. 64–69.
3. *Эткинд А. М.* Чистая игра, или необыкновенная история Сабины Шпильрейн, рассказанная документами. Из жизни Зигмунда Фрейда, Карла Юнга и Сабины Шпильрейн // Звезда. – 1992. – № 7. – С. 115–138.
4. *Эткинд А. М.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. – М.: Гнозис-Прогресс, 1993. – 463 с.
5. *Carotenuto A. A.* Secret Symmetry: Sabina Spielrein between Jung and Freud. – New York: Pantheon, 1982.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ В ПОЛЬЗУ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Бабиянц К. А.

В статье рассматриваются сильные стороны позитивной психотерапии, основателем которой в 1968 г. был Н. Пезешкиан. Рассматривается кросс-культуральный, интегративный подход метода, основное содержание психотерапевтической практики по методу позитивной психотерапии. Автор приводит конкретные ситуации клиентской практики, с которыми можно работать, применяя позитивную психотерапию. Автор отмечает, что, несмотря на общие с психоанализом основы и подходы, позитивная психотерапия делает основной акцент не на рассмотрении прошлого опыта, а на конструировании позитивного будущего. Одним из достоинств позитивной психотерапии, считает автор, является то, что она сама легко встраивается в любой процесс консультирования и хорошо сочетается с другими методами, такими как работа с символами, с рисунками, с образами, с метафорическими предметами. Другими несомненными достоинствами метода являются: четкое структурирование ведения клинической беседы, которую Н. Пезешкиан назвал 5-шаговой системой консультирования, четкое описание базовых конфликтов, актуальных первичных и вторичных потребностей и наличие конкретных техник работы на каждом этапе, применительно к каждому конкретному случаю.

Ключевые слова: *позитивная психотерапия, интегративный подход, базовый конфликт, иррациональные установки, шаги самопомощи.*

На сегодняшний день в психотерапевтической практике известно множество направлений, так или иначе связанных с психоанализом и теми модификациями, которые обращаются к глубинному содержанию человеческого опыта. Начиная заниматься позитивной психотерапией, я имела теоретические знания и практические навыки, владела техниками различных направлений. Но хотелось бы сказать несколько хороших слов в пользу позитивной психотерапии, которая, на мой взгляд, является интегративным подходом и включает в себя многие элементы практик, оставаясь четко структурированным подходом, и благодаря этому дает алгоритм действий, последовательность работы с клиентом и понимание тех внутренних изменений, которые происходят с ним в процессе психотерапевтической проработки [1].

Метод позитивной психотерапии был создан Носсратом Пезешкианом в 1968 г. на психодинамической основе при кросскультурном подходе. Основными составляющими метода являются: позитум-подход, содержательный анализ конфликта и пятиступенчатая модель самопомощи [2, 3].

Позитум-подход заключается в позитивном видении человека («Человек – это высший талисман, рудник с драгоценностями...») [2, с. 5]. Основой позитивного видения человека являются его способности к познанию и способности к любви. На эти способности воз-

действуют телесные ощущения, социальная и естественная среда обитания человека, эпоха и культурное, социальное устройство того общества, в котором он проживает и усваивает традиционные установки. В свою очередь, уровень развития способностей к познанию и любви влияет на первичные и актуальные способности человека, которые являются базовыми ресурсами в позитум-подходе. Позитум-подходу свойственен некоторый «рефреминг», т. е. смена рамки, подбор альтернативных вариантов и интерпретаций, например: не трусость, а осторожность, не неспособность подчиняться, а умение отстоять свое мнение, не недостаток трудолюбия, а способность отдыхать и т. д. Такой метод позволяет не противопоставлять актуальные способности клиента, а искать альтернативные возможности позитивного характера и на их основе строить дальнейшее взаимодействие с клиентом, повышая тем самым его мотивацию к психотерапии.

Содержательный анализ конфликта. Карта конфликта. Этот метод позитивной психотерапии дает возможность увидеть наличие внутреннего конфликта клиента. Основная формула выглядит следующим образом:

$$ВК = ОК + АК$$

(ВК) *Внутренний конфликт* – это неосознаваемая, невыносимая, кажущаяся нерешаемой ситуация, которая уходит корнями в детство клиента. На уровне психологических проявлений внутренний конфликт ощущается как безысходность и безнадежность. И эта позиция может проявляться по-разному во внешнем поведении клиента (от физической или психической манифестации до пассивности и попыток суицида) – в зависимости от типологии личности (темперамента, характера, морально-нравственных и когнитивных установок). Для того, чтобы внутренний конфликт проявился, необходима база: *основной конфликт* – это та обстановка в раннем детстве, те защитные или компенсаторные механизмы, которые сложились бессознательно у клиента, чтобы он мог как-то совладать со своей ситуацией. Но основной конфликт может «долго спать», если он не будет актуализирован [3].

Актуальный конфликт – это те обстоятельства, которые на уровне микро- и макротравм усугубляют воздействие основного конфликта.

Содержательный анализ конфликта как метод имеет в своем арсенале интересный и действенный инструментарий:

А) дифференциально-аналитический опросник «ДАО»;

Б) диагностика «по ромбу» баланса способностей к познанию (тело, ощущение, достижения / деятельность, традиции / контакты, интуиция / фантазии / будущее), способности к любви (Я – родители и сиблинги, Ты – родители между собой, Мы – родители и общество, Пра-мы – родители и религия);

В) первичные способности, вторичные способности, каждые из которых базируются на особенностях типологии высшей нервной деятельности. Например, такая первичная способность, как прямота, связана с агрессивностью, а учтивость – со страхом. Если базовым конфликтом в детстве был страх (например, быть побитым сверстниками), то в актуальном конфликте это может быть прямота, замешанная на агрессивном поведении [2, 3].

В. И. Карикаш модифицировал модель конфликта в позитивной психотерапии. Он предложил на уровне базового конфликта рассматривать базовые установки, убеждения, девизы и пословицы личности по 4-м базовым сферам активности (тело, дело, коммуникации, фантазии) и по 4-м базовым эмоциональным установкам (Я, Ты, Мы, Пра-мы) [2].

Также эта модель подразумевает наличие и проработку клиентом трех стадий межличностного взаимодействия: привязанность, дифференциацию, отделение.

Привязанность – основана на биологической зависимости от матери. Потребность в привязанности сопровождает человека всю жизнь. Она объясняет желание близости с другими и стремление к сплоченности, к группе. При сверхопекающем воспитании потребность в привязанности становится у человека доминирующей линией в поведении. Такие люди в своей жизни стремятся опираться на помощь других, проявляется наивно-первичное поведение.

Дифференциация – это основной принцип физического и психического развития. С 2-х лет ребенок начинает познавать окружающий мир, развиваются познавательные способности. Потребность в любви также дифференцируется. На этой стадии развиваются специализированные концепции и поведенческие нормы. Это происходит путем научения, на основе примера значимых лиц, путем поощрения значимого поведения и игнорирования или наказания нежелательного. Сильно дифференцированный человек ориентирован на вторичные способности. В крайних формах развивается невроз навязчивых состояний, педантичный жизненный стиль. Для таких людей характерно бегство в деятельность.

Отделение – говорит о возможности личности быть самостоятельной и зрелой. На этой стадии личность может усвоить новые ценности и отказаться от старых. Стадия отделения необходима для установления новых контактов [1, 2, 3].

Пятиступенчатая модель самопомощи содержит, соответственно, 5 шагов, каждый из которых четко структурирован и оснащен конкретными технологиями проведения.

Первый шаг – «Наблюдение / дистанцирование». Помогает клиенту дистанцироваться, посмотреть на ситуацию и на себя со стороны, снизить актуальность переживаний, расширить кругозор и возможности для реализации конфликта. На этой стадии клиент наблюдает свои проблемы и старается толковать их позитивно, чтобы увидеть скрытые ресурсы, увидеть другие модели восприятия и мышления. Альтернативные концепции являются эффективным средством изменения точки зрения. Здесь также используются транскультуральные, языковые позитивные аспекты.

Второй шаг – «Инвентаризация». Помочь клиенту увидеть свои жизненные установки, изучить свой собственный опыт в четырех сферах переработки конфликтов, изучить свои диагностические особенности. Благодаря работе с различными способностями клиента, он раскрывает для себя новые критерии для самооценки, пересмотра ресурсов и жизненных установок своего партнера, своих детей, значимого окружения.

Третий шаг – «Ситуативное ободрение». Цель этой ступени – актуализировать конструктивные взаимоотношения и положительные качества клиента, которые ушли в прошлое, забыты, дать искреннее поощрение способностям клиента, реанимировать его способности и веру в себя, реанимировать добрые отношения партнеров.

Четвертый шаг – «Вербализация». Цель – найти «живые точки» взаимоотношений, конструктивно обсудить возникшие проблемы, проработать связку учтивость–прямота, помочь увидеть ответственность.

Пятый шаг – «Расширение целей». На этом шаге клиент должен увидеть, что произойдет, когда высвободится энергия, ранее уходившая на конфликт, что он будет делать, как ее реализовывать; осуществляется экологическая проверка результатов изменения, предписание перемен, связанных с новым типом поведения [2].

Итак, говоря в пользу позитивной психотерапии, можно отметить, что метод работает с различными проблемами – межличностными и внутриличностными, с состояниями личности (страхи, агрессии), с психосоматическими проявлениями и другими, не касающимися психиатрической патологии проблемами. Позитивная психотерапия успешно встраивает в себя другие методы – арт-терапию, аутотренинг, элементы когнитивной, поведенческой терапии, техники НЛП и психодрамы, очень хорошо вписываются в позитивную психотерапию метафорические техники (от работы с рисунком до метафорических карт). Поэтому можно было бы сказать о том, что, во-первых, занимаясь позитивной психотерапией, можно проработать многие свои проблемы, вот некоторые из них: проблемы границ – «Я и группа», «Я и другой значимый человек». Это «базовый конфликт» и те актуальные процессы, которые срабатывают как автоматизмы. Это осознание «застревания» на стадии дифференциации и дисбаланса в сторону деятельности. Во-вторых, занимаясь позитивной психотерапией, можно структурировать свои знания в области психотерапии вообще и в клиентской практике в частности. В-третьих, можно получить навыки работы в группе в качестве психотерапевта и в качестве клиента, что особенно актуально для студентов–психологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гингер С., Гингер А.* Практическое пособие для психотерапевтов / Пер. с фр. Л. Гинар. – М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2010. – 217 с.
2. *Карикаш В. И., Босовская Н. А., Кравченко Ю. Е., Кириченко С. А.* Основы позитивной психотерапии. Первичное интервью. Методическое пособие. Модуль 2. – Черкассы: Украинский институт позитивной кросс-культурной психотерапии и менеджмента, 2011. – 60 с.
3. *Пезешкиан Н.* Основы позитивной психотерапии / Под ред. П. И. Сидорова. – Висбаден-Архангельск: Изд-во Архангельского медицинского института, 1993, С. 105.

БАЛИНТОВСКАЯ ГРУППА СКВОЗЬ ПРИЗМУ МОДЕЛИ ТРЕХПОЗИЦИОННОГО ОПИСАНИЯ

Белова Е. В.

В статье представлен анализ эффективности работы балинтовской группы с точки зрения модели трехпозиционного описания, разработанной в нейролингвистическом программировании; описаны позиции восприятия, максимально способствующие задачам различных этапов групповой работы; делается вывод о значении развития позиций восприятия для роста профессиональной компетентности психотерапевта.

***Ключевые слова**: балинтовские группы, позиции восприятия, нейролингвистическое программирование, взаимоотношения психотерапевта и клиента, референт, ассоциация с опытом партнера.*

Метод балинтовских групп, как известно, направлен на обеспечение психогигиены труда психотерапевта и шире – специалиста любой помогающей профессии. Недаром его применение часто рассматривается в контексте проблемы эмоционального и профессионального выгорания [3, 4]. Предметом работы в балинтовской группе выступают взаимоотношения между психотерапевтом (врачом) и клиентом (пациентом), причем инициатором подобной работы выступает именно психотерапевт.

По мнению Л. Л. Мациевской, то, насколько врач способен расположить к себе пациента и создать атмосферу доверия, насколько он внимателен, отзывчив и доброжелателен, для пациента зачастую более важно, чем его профессионализм [4]. Сам М. Балинт писал: «Наиболее часто применяемое в медицинской практике лекарство – сам врач... Это предполагает, что, как и в случае применения любого другого лекарства, необходимо тщательно взвесить показания к назначению такого лечебного «средства», как врач, его дозы, ограничения в применении, наиболее удобные способы приема и даже возможные побочные эффекты» [1].

Однако фокусом внимания в балинтовской группе является не отношение пациента к психотерапевту и не сама по себе атмосфера взаимодействия, сложившаяся в ходе психотерапевтического процесса. Таковым выступает ее субъективное видение психотерапевтом, во многом основанное на «контрабандном переносе», который меняет отношение врача к больному, смещает их взаимодействие из плоскости профессиональной в плоскость личных отношений (в большей степени, чем это поощряется в психоанализе) и в результате – снижает эффективность психотерапевтической работы.

Данный метод М. Балинт предложил для снижения эмоциональной напряженности врача в работе с «трудными» пациентами за счет исследования характера своих отношений с ними с привлечением когнитивного и прежде всего эмоционального ресурса группы. Рассмотрим процессы, разворачивающиеся в балинтовской группе и позволяющие специалисту–заявителю (референту) получить результат, способствующий его профессиональному и личностному росту, сквозь призму модели, предложенной в нейролингвистическом программировании и известной как модель трехпозиционного описания.

Описание позиций восприятия было предложено Дж. Гриндером и Дж. Делозье в результате исследования опыта взаимодействия с клиентами ряда выдающихся психотерапевтов, и сегодня лежит в основе подходов, разрабатывающих вопросы, связанные с разрешением конфликтов и шире – с оптимизацией любых отношений

в контекстах переговоров и принятия решений, индивидуального консультирования и медиации. «Позиции восприятия, пишет Е. В. Прокопьева, – это устойчивое предпочтение человеком одной из трех позиций в общении (собственной, партнера по общению, объективного наблюдателя), [которое] … оказывает влияние на его представление о мире» [5, с. 15]. Другими словами, согласно модели трехпозиционного описания, каждый человек обладает способностью воспринимать, оценивать и впоследствии анализировать любую ситуацию взаимодействия как минимум с позиции трех ментальных перспектив:

– первая позиция представлена восприятием ситуации взаимодействия «собственными глазами» с концентрацией на собственных целях и задачах, намерениях, интересах и чувствах. Находясь в первой позиции восприятия, человек жестко отстаивает свое мнение и в*и*дение, неспособен по-настоящему принять в расчет намерения и чувства партнера по общению, погружен в свое состояние, которое в эмоционально значимой ситуации серьезно препятствует более-менее объективной оценке происходящего. Вместе с тем, находиться в первой позиции восприятия с ориентацией на собственные цели, принципы и обстоятельства жизни при принятии решения, при выработке стратегии выстраивания отношений – необходимое условие самоэффективности. Необходимое, но недостаточное: оно должно предваряться качественным сбором информации о ситуации общения из второй и третьей позиций;

– вторая позиция восприятия основана на механизме ассоциирования с опытом партнера по общению («вживания» в него, «влезания в его шкуру»), следствием чего является не только лучшее понимание его позиции, в*и*дение ситуации его глазами сквозь призму знаемых нами его характера, интересов, ценностей, но и совершенно естественное, без нашего сознательного усилия происходящее, физическое проживание эмоционального состояния партнера. Независимо от того, насколько близко мы знаем партнера или насколько точно угадали его цели, намерения, мысли, сам по себе ментальный сдвиг во вторую позицию лежит в основе эмпатии, способствует лучшему взаимопониманию и поиску компромисса в сложных ситуациях общения;

– третья позиция восприятия позволяет человеку занять максимально объективную позицию за счет психологического выхода за ситуацию общения благодаря механизму ассоциации со сторонним, незаинтересованным наблюдателем. Третья позиция дает возможность увидеть ситуацию взаимодействия с принципиально иной перспективы, целиком, концентрируясь на особенностях взаимодействия партнеров, и сохраняя ровное состояние невовлеченности в происходящее. Дж. Гриндер и Дж. Делозье отмечают, что именно третья позиция восприятия позволяет «избежать тирании физиологии исходного состояния» [2, с. 191].

Опыт восприятия и проживания социальных ситуаций в каждой из трех позиций, а также умение в соответствии с коммуникативными задачами занимать наиболее подходящую из них, лежат в основе эффективных стратегий извлечения конструктивного опыта из любого взаимодействия и реального выстраивания конструктивных отношений. «Мудрость существует в целостном контуре взаимодействия», – пишут авторы [2, с. 191].

Оставляя в стороне психоаналитические смысл и содержание работы балинтовской группы, в которой «доминантой являются трансферные реакции, индуцированные взаимодействием» [3, с. 116], а вернее – сохраняя их, заглянем в механизмы позиционных переходов, способствующих максимальной эффективности на основных этапах работы.

Предъявив для анализа в группе реальную ситуацию взаимоотношений с клиентом и ответив на вопросы участников, специалист, выступающий в роли заявителя или референта, садится за пределы круга. В идеале, он – сторонний наблюдатель, находящийся в третьей позиции восприятия. Действительно, именно данная позиция создает условия для максимального отстранения референта от сложившихся у него стереотипов отношений и связанных с ними переживаний и максимальной открытости к идеям и эмоциям, которые высказывают участники группы, и в которых «интегрирована проекция мыслей, чувств и действий как специалиста–заявителя, его клиента, так и самих участников группы, включая фигуру ведущего» [3, с. 116]. Физическое выведение референта за круг, за спины участников балинтовской группы, конечно, способствует и внутреннему переходу в третью позицию, но… не гарантирует его. И если специалист–заявитель,

пересев в другую точку пространства, перенес с собой восприятие обсуждаемой ситуации из первой или второй позиций – эффективность данного этапа будет снижаться.

Другие участники группы в это время должны спонтанно выражать свои, фактически троякие, чувства: 1) рождающиеся из идентификации с референтом; 2) рождающиеся из идентификации с пациентом, о котором референт рассказывал и 3) собственные мета-чувства по отношению к ситуации работы самой балинтовской группы (например, на реплики других участников). Акцент в высказываниях участников должен делаться не на клиническом анализе, поскольку, по определению, «балинтовская группа не для решений» [1]. Очевидно, в процессе работы участники должны перемещаться между первой и второй позициями восприятия. В реальности же они часто, особенно в начале работы, пока ведущим не создана соответствующая атмосфера, не могут выйти из третьей позиции, предлагая «экспертные» содержательные советы о том, как стоит психотерапевту выстраивать работу с пациентом, и оценивая его профессионализм.

Наконец, референт возвращается в круг и дает обратную связь о том, какой результат лично для себя он получил и какие из высказываний способствовали изменению его чувств и представлений о ситуации взаимодействия с клиентом. Это – момент перехода в первую позицию и интеграции информации, полученной из второй и третьей позиций.

В свое время М. Балинт показал, насколько ограничивает врачей их так называемая «апостольская функция», связанная «с прочно впитавшейся и укоренившейся во врачебном самосознании… системой достаточно иррациональных представлений, отношений, пристрастий и различных директивных установок…» [1]. Опыт участия в балинтовской группе, особенно систематический и при грамотном ведении, несомненно, способствует развитию разных позиций восприятия участников и интуитивному «схватыванию» уместности / неуместности их применения в разных ситуациях. (Участница, работавшая в роли референта, сообщает о полученном для себя результате: «Я получила поддержку от группы (*первая позиция*), лучше прочувствовала клиентку (*вторая позиция*) и поняла, как дальше выстраивать терапию (*третья позиция*)»). И это одна из причин, по которой балинтовская группа «предстает, пожалуй, универсальным механизмом достижения коммуникативной компетентности… и возможностью своеобразной “шлифовки”… профессионализма» [4, с. 440].

С другой стороны, модель трехпозиционного описания может помочь ведущему балинтовской группы максимально эффективно организовать работу, контролируя позиционные переходы участников на разных этапах, создавая соответствующие установки лингвистически и невербально, способствуя оптимальной эмоциональной включенности / дистанцированности по отношению к заявленной психотерапевтической ситуации и, в конце концов, – наиболее объективному и полному ее пониманию во всей многогранности целей, интересов, намерений и чувств всех ее участников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Винокур В. А.* Майкл Балинт, история создания балинтовских групп и международное балинтовское движение // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2013. – no. 3 (20).
2. *Гриндер Дж., Делозье Дж.* Черепахи до самого низа. Предпосылки личностной гениальности. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2005. – 352 с.
3. *Маргошина И. Ю.* Трансферные реакции в контексте балинтовской группы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. Политология. Международные отношения. – 2007. – № 2. – С. 115–120.
4. *Мациевская Л. Л.* Возможности балинтовского движения в формировании медицинского профессионализма // Инновационный потенциал субъектов образовательного пространства в условиях модернизации образования. Материалы I Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А. К. Белоусова. – Ростов н/Д, 2010. – С. 439–443.
5. *Прокопьева Е. В.* Введение в методологию нейролингвистического программирования: метод. указания к спецкурсу «Теория и практика нейролингвистического программирования». – Ростов н/Д, 2006. – 31 с.

БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ МАНИПУЛЯЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Богуславская В. Ф.

Современные технологии формирования индивидуальных представлений и ценностных ориентаций в сознании человека в своем арсенале используют методы направленного воздействия как систему, которая позволит убедить их в личностной ценности общественных норм и способов поведения, позиционируемых обществом как позитивные. Так как формирование антитеррористического сознания рассматривается как метод информационно-пропагандистских мер по профилактике терроризма, то и само понятие «антитеррористическое сознание» логично трактовать как разновидность политического сознания. Это сознание формируется у субъектов, связанных с политикой, против которых направлена деятельность террористов, и у общества в целом.

Ключевые слова: *информационное воздействие, влияние СМИ, формирование установок, формирование ценностей, неосознанное восприятие, манипулятивное воздействие.*

Как существо исключительно общественное, современный человек постоянно находится во взаимодействии с другими людьми в самых различных областях, где происходят коммуникационные процессы. Человек сталкивается с явлениями различного рода информационного воздействия, источниками которого могут выступать как средства массовой информации, так и различного рода публичные выступления.

Сегодня нам известны различие подходы, изучающие этот процесс. Все исследования сходятся в одном: средства массовой информации оказывают огромное психологическое воздействие на аудиторию в сфере собственно деятельности, в ее реальном осуществлении и в ценностно-смысловой сфере личности, трансформируя ее мотивы, потребности, установки, ценностные ориентации и формируя стереотипы. Трансформации экономического, политического, культурного и иного характера в любом государстве влекут за собой существенные изменения в сознании людей [1].

Известно, что наиболее эффективными способами воздействия являются те, которые способны внушать и манипулировать человеческим сознанием. Наше познание тесно связанно с коммуникацией, понимаемой как процесс приема, обработки и передачи информации, на основе которой формируются индивидуальные представления, складывающиеся в индивидуальную «картину мира». Это в свою очередь выступает в качестве мощного фактора, определяющего бессознательное восприятие манипуляционного воздействия на индивидуальные представления и, в частности, при формировании антитеррористического сознания личности [4]. Сегодня неизбежным воплощением носителей идеологии религиозного, политического и национал-шовинистического экстремизма выступает терроризм. Радикальная идеология, призывающая к агрессивному противостоянию, формирующая измененные состояния сознания отдельного человека, позволяет их носителям не только оправдывать совершаемые преступления, но планировать и, в последующем, осуществлять диверсионно-террористические и военные акции [4].

Таким образом, приоритетной целью формирования антитеррористического сознания и деятельности в сфере противодействия рас-

пространению идеологии терроризма является формирование антитеррористического, антиэкстремистского мировоззрения. Формирование индивидуальных представлений и ценностных ориентаций в сознании человека стало сегодня особенно актуальным.

Ежедневно мы сталкиваемся с различными проявлениями манипуляции, в том числе и в сфере политической жизни. Политика – один из важных элементов функционирования современного общества, который призван обеспечивать устойчивость социальных процессов, регулируя взаимоотношения людей в социуме. Однако в процессе этого регулирования большая роль принадлежит технологиям манипуляции. Манипуляторы, как правило, действуют открыто, прикрываясь лозунгами об общем благе, но в большинстве случаев в их действиях присутствует скрытый механизм, цель, идея, которые не видны окружающим. Одной из причин широкого применения технологий манипуляции считается стереотипность мышления современного человека, это позволяет манипулятору на основе существующих в сознании стереотипов конструировать ложную картину мира при помощи создания новых или модификации старых систем стереотипов в массовом сознании [2].

Сегодня широкое применение имеют технологии скрытого воздействия на сознание человека, которые помогают добиться желаемого результата наиболее эффективно. В идеологическом противоборстве большое место занимают технологии информационно-психологического воздействия – манипулирования в массовых информационных процессах, которые выступают в качестве контрмер при формировании антитеррористических ценностей.

При формировании антитеррористического сознания личности эффективно используются технологии воздействия на общественное сознание через: манипулирование с истинной информацией, тенденциозный подбор тем и материалов, эмоциональное комментирование, представление происходящего в искаженном виде, технологии влияния на деформацию сознания личности [4].

Феномен манипуляции многими исследователями трактуется как, во-первых, вид психологического воздействия, зачастую и на бессознательном уровне. Во-вторых, производится чаще всего скрыто, незаметно для объекта манипуляции. В-третьих, требует определенных навыков и мастерства. В-четвертых, как отмечает С. Г. Кара-Мурза, человек, на которого направлено манипулятивное воздействие, воспринимается как объект, а не как полноправный участник коммуникативного диалога [3].

Таким образом, технологии скрытого манипулирования способны эффективно воздействовать на процесс формирования антитеррористического сознания, ценностные установки и индивидуальные представления личности и общества в целом. Поэтому так важно формировать представление о том, что необходимо выделять в потоке убеждающей информации то, что будет являться ценностью лишь для транслятора государственных, правовых и общественных ценностей в личностно значимую; дать человеку возможность самостоятельно понять, что основанные на этой информации действия и поступки не только не будут противоречить его ценностным ориентациям, но будут соответствовать ценностным ожиданиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова И. В., Ермаков П. Н., Богуславская В. Ф. и др.* Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: Учебник. – М.: КРЕДО, 2013.
2. *Богуславская В. Ф., Абакумова И. В.* Манипуляционное воздействие на индивидуальные представления и ценностные ориентации при формировании антитеррористического сознания личности / Сборник материалов юбилейной конференции: В 5 томах. Т. 5. – М.: Когито-Центр, 2015. – 461 с.
3. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. – М.: Алгоритм, 2000.
4. *Boguslavskaya V. F.* Transformation of valuable acceptance of an image influenced by Mass Media: Материалы 12го Европейского конгресса по психологии. – Стамбул, Турция, ECP, 2011.

ФЕНОМЕН СУБЛИМАЦИИ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ СТРЕССА

Зинченко Е. В

В статье рассматривается развитие психоаналитических представлений о сублимации в современной психологической науке. Явление сублимации связывается с вопросами возникновения и развития стресса у человека. Стресс может возникать в случаях: 1) разрушения сферы деятельности, в которую полностью направлялась энергия человека; 2) при сильных энергозатратах в разных сферах деятельности, приводящих к полному истощению личностных ресурсов. Такой подход к пониманию механизмов возникновения стресса дает новые возможности для разработки профилактических мероприятий в данной области.

Ключевые слова: *сублимация, энергия, либидо, защитный механизм, творчество, стресс, индивид, психоанализ, ресурсы личности.*

Рассматривая любую психологическую теорию как некоторую относительную схему, представляющую собой «фигурно обрезанную кальку», применяемую наукой для восприятия и понимания феноменов сложного мира психики, изучения его проявлений в поведении, общении и деятельности индивида, прогнозирования его возможных изменений и деформаций, можно сказать, что каждая из таких теорий, претендуя на универсальность, тем не менее объясняет всего лишь часть психологической реальности и оказывается бессильной при объяснении другой ее части. Данный факт делает каждую теорию уязвимой для сторонней критики и способствует постоянному созданию новых теоретических концепций. Таким образом, стремление к универсальности выступает основным стимулом для развития научной психологической мысли и своеобразным критерием для оценки уже существующих концепций.

К теориям, «покрывающим» большую по сравнению с другими теориями, претендующими на универсальность, область действительности и способным объяснить поведение человека во многих как объективных, так и субъективных ситуациях, сформировать представления об индивидуально-психологических особенностях протекания психических процессов, специфике, механизмах возникновения и развития различных психических состояний, можно отнести психоанализ, разработавший весьма функциональную схему для объяснения мотивационных оснований поведенческой активности индивида.

Представители психоаналитического направления предложили целый ряд терминов, которые прочно вошли в понятийно-категориальный аппарат современной науки: либидо, сублимация, Эдипов комплекс, комплекс Электры и др. Ими она успешно продолжает оперировать для объяснения сложных явлений и процессов психической жизни, без них психологию как науку уже просто невозможно представить.

Сфокусируем внимание на идее сублимации, предложенной и развитой в русле психоаналитических воззрений. Согласно взглядам З. Фрейда, сублимация – процесс перераспределения энергии, в ходе которого осуществляется перенаправление сексуальной энергии в энергию общественно-полезной деятельности, в том числе в энергию творчества [3]. Это один из универсальных защитных механизмов психики, который помогает личности социально

адаптироваться, компенсировав возникающую тревогу, создав новый канал для движения и выхода энергии либидо.

Ценность идеи о сублимации для понимания протекания многих индивидуальных и групповых процессов сложно переоценить. Она тесно связана с креативностью и деструктивностью личности. На уровне индивида сублимация способствует развитию личности, помогает раскрыть творческий потенциал. С помощью феномена сублимации можно объяснить особые психические состояния, возникающие у человека. На социально-психологическом уровне сублимация является двигателем научно-технического прогресса, толчком для развития культуры [2]. Ю. Ю. Першин указывает на необходимость реконструкции понятия сублимации в новых условиях для построения современной целостной концепции человека. Проведя философско-антропологический анализ феномена, автор приходит к итоговому выводу о том, что тремя основными факторами сублимации являются следующие: конфликтность и противоречивость человеческого бытия, свобода выбора конструктивных и деструктивных форм креативности и поведения, принцип управления реальностью [1].

Обратимся к современным представлениям о причинах возникновения стресса. Распределяя свой энергетический потенциал и реализуя его в разных областях жизнедеятельности, человек направляет данную ему природой энергию на такие сферы жизни, как: Семья, Работа, Учеба, Хобби, Общественно-полезная деятельность. В каждой из перечисленных выше сфер он жаждет признания своей социальной ценности, что при благоприятном развитии событий способствует повышению его самооценки. В силах человека распределить собственную энергию удобным ему образом, направив ее именно в ту область жизнедеятельности, которая максимально требует своего развития в настоящий период времени и способствует повышению его самоценности и ценности для социума. Постоянное непропорциональное распределение энергии между несколькими областями жизнедеятельности приводит к реализации человека исключительно в одной из перечисленных выше сфер. При этом другие сферы полностью или же частично игнорируются. Такая ситуация способствует существенному снижению стрессоустойчивости личности при возникновении неблагоприятных жизненных ситуаций.

Стресс может возникать и приводить к негативным последствиям в следующих случаях:

1. В результате разрушения единственно значимой сферы деятельности, в которую до этого полностью направлялась энергия человека. Обычно это происходит в силу воздействия на эту сферу ряда субъективно значимых негативных внешних факторов (например, потеря трудоспособности вследствие болезни, увольнение, развод и пр.). В таком случае внимание человека сразу обращается на оставшиеся сферы, но в них энергетический задел не был сформирован заранее. И человек не может оттуда абсолютно ничего взять, т. к. до этого ничего не вкладывал. В то же время привычный способ реканализации энергии оказывается невозможным из-за перекрытия важнейшего канала. Как результат, индивид попадает в ситуацию кризиса, из которой не видит возможного выхода и которую он не может разрешить самостоятельно, без посторонней помощи. Как результат попадания в кризис, можно прогнозировать актуализацию у него экзистенциальных проблем, проявление агрессии и аутоагрессии, вероятность возникновения суицидальных мыслей и действий.

2. При осуществлении одновременных сильных энергетических затрат в разных сферах деятельности, приводящих к полному истощению личностных ресурсов. Такие «выбросы энергии» становятся особо опасными в случае, если человек постоянно не восстанавливает свой ресурс с помощью отдыха. В случае молодости организма такие затраты быстро компенсируются за счет имеющихся в арсенале дополнительных физиологических и психологических ресурсов. В случае же старости или изношенности организма постоянными физиологическими или психологическими стрессами, человек достаточно остро переживает создавшуюся ситуацию, что приводит к появлению или обострению психосоматических проявлений, подверженности инфекциям, возникновению серьезных заболеваний.

Итак, тревожными симптомами, предопределяющими развитие негативных последствий стрессов, являются: неумение человека пра-

вильно направлять энергию и перераспределять ее с учетом создавшейся жизненной ситуации. Обозначенный подход к пониманию причин возникновения стресса создает новые возможности для разработки мероприятий в области профилактики стресса. Так, своевременное пропорциональное распределение ресурсов между разными сферами жизнедеятельности человека и создание «запасной амортизирующей подушки» может способствовать повышению его толерантности к стрессовым воздействиям.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Першин Ю. Ю.* Феномен сублимации: опыт философско-антропологического исследования: дисс. ... канд. филос. наук. – Волгоград, 2004. – 167 с.
2. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности (Основные положения, исследования, применение). – СПб.: Питер, 1997. – С. 105–160.
3. *Freud S.* Civilized Sexual Morality and Modern Nervousness (1908) in Collected Papers, V. 2. – London: Hogarth Press, 1930.

ОСОЗНАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПСИХОТЕРАПИИ, ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Кайдановская И. А.

Предмет исследований З. Фрейда, К. Г. Юнга и А. Адлера – бессознательные психические процессы, вызывающие невротические состояния. Инструментом лечения неврозов является осознание клиентом причин собственных состояний и расширение сферы сознаваемого. Аналогичные процессы находятся в центре внимания возрастной и педагогической психологии. Цель и задачи этих взаимосвязанных направлений психологии – формирование осознанных знаний, развитие высших психических функций и личности.

Ключевые слова: *Фрейд, Юнг, Адлер, Пиаже, Выготский, распад, восстановление, формирование, развитие, мера осознанности.*

Теоретическую основу классического психоанализа составляет идея З. Фрейда о существовании в глубинах человеческой души психологического бессознательного, оказывающего патогенное воздействие на эмоциональные состояния, когнитивные способности и внешние формы поведения. Метод свободных ассоциаций, разработанный родоначальником психоанализа, в сочетании с искусством толкования речевой продукции и соматической активности субъекта способствовал избавлению пациентов от невротических симптомов. К учению З. Фрейда восходит разветвленная система психологических теорий, обогащенных новыми идеями, методическими приемами, техниками и инструментами [6, с. 11].

А. Адлер сделал ставку на бессознательном комплексе малоценности и недостаточности, стимулирующем желание быть выше, сильнее, умнее и успешнее [7, с. 17]. К. Г. Юнг ввел в теоретический конструкт личности взаимосвязанные уровни индивидуального и коллективного бессознательного, установил на одной оси с «эго» комплекс «самости», будучи уверенным в том, что движение по этой оси оказывает позитивное воздействие на личность [6, с. 82–86].

При всем многообразии теорий и практик психоанализа в них имеется одно общее звено – осознание условий и факторов, провоцирующих невротические реакции и расширение сферы сознаваемого субъектом. Направленность на осознание как условие психотерапии, сам акт осознания как инструмент расширения сознания обеспечивают не только лечебный, но и целительный эффект, восстанавливая в случае необходимости утраченные человеком целостность, равновесие и гармонию. Психоанализ (в первоначальном варианте – разговорная терапия) – это лечение словом. З. Фрейд верил в безграничные возможности слова, полагая, что одним только словом можно ввергнуть человека в отчаяние или осчастливить на всю оставшуюся жизнь.

Предметом теории и практики, с одной стороны, психоанализа, с другой, – генетической, возрастной и педагогической психологии являются, по сути дела, одни и те же процессы, но находящиеся в разных состояниях: распада, восстановления, формирования или развития. Направленность на осознание внешнего и внутреннего мира, осознание собственных действий, речи, эмоциональных состояний, знаний об этих феноменах и процессах являет-

ся важнейшим условием становления человека как субъекта практической и теоретической деятельности, общения и социальных взаимодействий.

Одним из наиболее известных представителей генетической психологии является швейцарский психолог Ж. Пиаже. Предметом его исследований в ранний период творчества было мышление. В генезисе мышления было выявлено три стадии и, соответственно, вида мышления: аутистическое (от термина «аутизм», введенного швейцарским психиатром Э. Блейлером для обозначения шизофренических состояний, подобных сновидениям наяву), эгоцентрическое (от понятия «эгоцентризм», введенного Ж. Пиаже) и реалистическое. Первое – не приспособленное к реальному миру, создающее воображаемую действительность, не презентированное сознанию и свойственное детям. Последнее – осознанное и свойственное взрослым, а эгоцентрическое – центрированное на собственной точке зрения, исключающее возможность занять внешнюю позицию по отношению к самому себе и увидеть себя со стороны [1, с. 73]. Открытие эгоцентризма как промежуточного новообразования в развитии мышления стало в буквальном смысле слова феноменальным событием в психологии [2, с. 23–30].

Ж. Пиаже был одним из первых психологов, кто усмотрел общие черты в мышлении психически здорового ребенка и душевно больного взрослого человека, связь между двумя процессами в психологии мышления: развитием и распадом, – между генетической и клинической психологией.

Предметом исследований Ж. Пиаже в зрелые годы были внутренние основания феноменологии мышления. В результате была разработана целостная, уравновешенная система логико-математических условий (законов, правил), базирующихся на теории групп и обеспечивающих становление и развитие интеллектуальных структур. Таких условий (законов или правил) – пять: закон композиции, закон ассоциативности, закон обратимости и две разновидности закона тождества, один из которых – для формальных математических структур, другой – для неформальных логических структур [4, с. 99–101].

В результате была построена новая теоретическая модель интеллекта, в которой (1) генетически исходной единицей анализа мышления становится не образ, свойственный аутистическому мышлению, а сенсомоторное действие, обеспечивающее формирование адекватных внешней среде образов; (2) мышление становится операциональным и соответствующим законам логики; (3) центральным новообразованием в развитии интеллекта становится обратимость как свойство действия; (4) обратимость, по Ж. Пиаже, – это способность субъекта совершать действия в двух диаметрально противоположных направлениях, с осознанием факта возврата в исходную позицию и, наконец, – (5) концепция развития интеллекта приобрела форму, соответствующую диалектико-материалистическому воззрению на проблему соотношения объективной и субъективной реальности, человека-в-мире и мира-в-человеке [4, с. 172–205].

В отечественной психологии было показано, что мера осознанности является одним из самых распространенных и ярких показателей, имеющих критериальное значение не только в психоанализе и клинической психологии, но и в психологии развития человека, а также в возрастной и педагогической психологии [5]. В частности, по данным исследования структуры, функции и генезиса сознания, предпринятого Л. С. Выготским, следует различать пять уровней этого феномена с характерной для каждого из них мерой осознанности и обобщения: синкреты, комплексы, псевдопонятия, потенциальные и истинные понятия. Оказалось, что осознанность в полной мере свойственна только истинным понятиям, доля которых в структуре сознания весьма незначительна [2, с. 118–184]. Результаты этого исследования, во-первых, подтверждают метафору К. Г. Юнга, согласно которой человек подобен айсбергу, малая часть которого, возвышающаяся над поверхностью воды, непосредственно воспринимаема, в то время как неизмеримо большая скрыта в глубинах океана; во-вторых, раскрывают меру отношений между осознанным и неосознанным содержанием жизненного опыта человека [6, с. 87].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Выготский Л. С.* О природе эгоцентрической речи // Жан Пиаже: теории, эксперименты, дискуссии: Сб. статей / Сост. и общ. ред. Л. Ф. Обуховой и Г. В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2001.
2. *Выготский Л. С.* Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под ред. В. В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982.
3. Жан Пиаже: теории, эксперименты, дискуссии: Сб. статей / Сост. и общ. ред. Л. Ф. Обуховой и Г. В. Бурменской. – М.: Гардарики, 2001.
4. *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. Психология интеллекта. – М.: Просвещение, 1969.
5. *Слободчиков В. И., Исаев Е. И.* Психология развития человека: Развитие субъективной реальности в онтогенезе. – М.: Школьная пресса, 2000.
6. *Фейдимен Д., Фрейгер Р.* Личность и личностный рост. Выпуск 1. – М.: Изд-во Российского открытого университета, 1991.
7. *Фейдимен Д., Фрейгер Р.* Личность и личностный рост. Выпуск 2. – М.: Изд-во Российского открытого университета, 1992.

РЕФЛЕКСИВНАЯ ИГРА КАК ПРОФИЛАКТИКА МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОЗИТИВНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Мануйлова О. В.

В статье рассматривается необходимость профилактики экстремизма в молодежной студенческой среде и раскрывается один из способов профилактики экстремизма посредством рефлексивной игры в сочетании с методом позитивной психотерапии. Раскрываются возможности применения трех основных принципов позитивной психотерапии в личностной рефлексии, раскрывается сущность психотерапевтического подхода. Приводятся некоторые практические результаты применения балансной модели Н. Пезешкиана, методики профилактики фрустрации в ситуации экстремизма и терроризма К. А. Бабиянц, результаты проведения рефлексивной игры О. В. Мануйловой. Особое внимание уделяется четырем типам реакции на конфликты и типу воспитания в семье, который формирует такие реакции на технологию выявления иррациональных установок, действующих на бессознательном уровне и управляющих нашим поведением в момент эмоциональной фрустрации.

Ключевые слова: *позитивная психотерапия, рефлексия, молодежь, фрустрация, терроризм, экстремизм, профилактика.*

Метод позитивной психотерапии был создан немецким психотерапевтом персидского происхождения Н. Пезешкианом. Он базируется на трех основных принципах: «принцип надежды» – ему соответствует позитивный подход в видении способностей и возможностей человека; «принцип баланса» – ему соответствует содержательный дифференциальный анализ психодинамики личности, результатом которого является гармонизация первичных и вторичных актуальных способностей человека; «принцип самопомощи» – ему соответствует пятишаговая метамодель, используемая как стратегия гармонизации, адаптации и развития личности – в начале, в самом процессе психотерапии, и затем – в процессе самопомощи человека себе и своему окружению. С помощью историй и рассказов, примеров из различных культур Н. Пезешкиан наделил своих клиентов способностью расширять свою перспективу и видеть свой конфликт с другой точки зрения. Он указывал на то, что расстройства и конфликты могут существовать в пределах семейства (личности, общества) и поэтому источники исцеления можно искать в этих структурах [3].

Работая с группами студенческой молодежи в рамках профилактики экстремизма и опираясь на технологию рефлексивной игры, целью которой является осознание своей сущности, своей мировоззренческой позиции, мы увидели возможность интегрировать в такую профилактическую работу основные подходы позитивной психотерапии [5, 7]. Нужно сказать о том, что Н. Пезешкиан не называет технологии позитивной психотерапии рефлексивными, но, по сути, они приводят к тому, что человек задумывается, откуда берутся иррациональные установки, которые он транслирует в межличностное взаимодействие относительно четырех основных сфер распределения энергии – телесной, деятельной, коммуникативной и мира фантазии. В процессе рефлек-

сивной игры мы создавали такие ситуации, в которых участник задумывался, почему он решил поступить так или иначе в ситуации угрозы террористического акта, в ситуации вовлечения в экстремистскую группировку и в ситуации проявления экстремизма в молодежной среде. Мы давали возможность распределить 100 % энергии по четырем сферам балансной модели переработки конфликта по Н. Пезешкиану. Всего было четыре сферы: сфера «тело» – все, что связано с ощущениями своего тела (сон, питание, секс, спорт, гигиена, заболевание); сфера «достижения / деятельность» (достижения, карьера, деньги, разум); сфера «контакты / традиции» (способность к поддержанию отношений с собой, партнером, родственниками, друзьями, коллегами); сфера «фантазия / интуиция» (озарение, вдохновение, творческий порыв, мечты, будущее, смыслы, фантазия, религия) [3].

Далее были рассмотрены четыре реакции на конфликты и тип воспитания в семье, который формировал такие реакции. Реакции типа «Бегство в болезнь / бегство в тело», а также «Бегство в фантазии» связаны с аддикцией, социальной дезадаптацией как способы защиты от переживаний и конфликтов и являются наиболее благодатным материалом для работы потенциальных вербовщиков, вовлекающих молодых людей в экстремистскую деятельность. «Бегство в работу» – связано с дисбалансом, который сформировался на основе актуальной потребности в послушании, когда требования преобладают над любовью и вторичными способностями является усиление работоспособности, при этом основная концепция человека: «Я хорош, если выполню ожидания других». «Бегство в общение / контакты» возникает при сверхопекающем воспитании родителей, когда актуальной способностью является любовь, преобладающая над требованиями. У таких людей формируется концепция поведения: «Я не могу делать это в одиночку, другие должны мне помочь». При «маятниковом», непоследовательном воспитании может возникать дисбаланс то в одной, то в другой сферах, и основной проблемой человека становится «привязанность–отделение», тип реакции «двойного захвата» по Н. Пезешкиану, девизом которого являются концепции: «Я могу справиться в одиночку, но все же помоги мне», «Я хочу, но я не хочу». Сбалансированным типом реакции будет являться распределение энергии по четырем сферам равномерно и при этом баланс любви и требований, который создает благополучный климат для своевременного и результативного отделения, девизом которого является концепция: «Я смогу справиться сам» [3].

Мы проводили похожие исследования в различных этноконфессиональных регионах страны (Ростовская область, Краснодарский край, Ставропольский край, Чеченская Республика) и пришли к выводу, что механизмы рефлексии, связанные с распределением энергии, и выявление стадии фиксации приводят к одинаковым результатам, а, следовательно, можно говорить о некоторых закономерностях. Так, студенты, у которых выражена сбалансированная модель и фиксация на стадии «отделение», являются наиболее конструктивными в конфликтных взаимодействиях со сверстниками и наиболее эффективно противостоят попыткам вовлечения в экстремистскую группировку, демонстрируют наиболее адекватные реакции в ситуациях угрозы террористического акта и проявления экстремизма в молодежной среде. Наиболее подверженными всем этим негативным моментам являются студенты с выраженным дисбалансом и уходом в контакты, и с непоследовательным, «маятниковым» дисбалансом [2, 5, 7].

Для понимания того, как можно использовать феноменологию рефлексии по Н. Пезешкиану в антиэкстремистской и антитеррористической деятельности для субъектов – определенных представителей социальных групп, необходимо обратиться к типам и видам рефлексии. Наиболее интересным для нашего исследования является подход И. Н. Семенова. Глубинные, мировоззренческие и экзистенциальные смыслы рассматриваются им как содержание культуральной и экзистенциальной рефлексии [4, 6]. Используя рефлексивную игру в качестве профилактики экстремизма в молодежной среде, мы обращаемся к содержательным и смысловым структурам творческого мыш-

ления, в процессе которого развиваются операциональный, предметный, рефлексивный и личностный компоненты [4, 6].

Личностная рефлексия довольно хорошо изучена в отечественной литературе (Н. И. Гуткина, Г. И. Давыдова, В. К. Зарецкий, Е. Р. Новикова, И. Н. Семенова, В. И. Слободчиков, С. Ю. Степанова, А. Б. Холмогорова, Г. А. Цукерман) [4, 6], но следует отметить, что центральным для большинства работ является понимание рефлексии как процесса переосмысления, процесса дифференциации различных ипостасей Я – физического, социального, биологического, творческого, а также целостности Я как уникальной интегрированной структуры [8, 9, 10]. Личностная рефлексия подразумевает возможность субъекта оценивать свои личностные и физические качества, результатом чего становится формирование образа Я: Я-реального и Я-идеального, Я в прошлом, настоящем и будущем, Я как носителя культуры, правил и норм общества, Я как носителя гражданской позиции, т. е. всего того, что чрезвычайно важно учитывать и развивать в рефлексивных подходах к формированию антитеррористической и антиэкстремистской молодежной политики. Коммуникативная рефлексия в области педагогической и социальной психологии дает возможность рассмотрения таких понятий как «Я – глазами других», формирование рефлексивных образов Мы, Ты, Вы, Они, которые лежат в основе социально-перцептивной рефлексии и понимании друг друга в совместной деятельности (А. А. Бодалев, Л. Регуш) [4, 6, 8, 9, 10].

В возрастной психологии, психологии развития, педагогической психологии бытует многоплановость подходов к исследованию рефлексии на разных этапах онтогенеза (Б. П. Ковалев, С. В. Кондратьев, И. В. Орлова) [1, 6, 8]. Однако можно выделить общепсихологический феномен – он заключается в непрерывности нахождения взрослеющего субъекта в психической общности Я – Значимый другой [1, 8, 10]. В этом процессе возможно перерождение натурально-природной данности в культурно-выраженную способность к рефлексии с последующим отчуждением ее на основе объективации и формированием собственной Самости, способной к исследованию своей мысли и своей деятельности (И. В. Абакумова, Н. В. Дорофеева, Л. Ц. Кагермазова, В. И. Слободчиков, Д. Б. Эльконин) [1].

В этой связи схема, предложенная Н. Пезешкианом, может открыть доступ к еще одному рефлексивному процессу «Я – глазами меня со стороны», смысл которой в понимании своих собственных установок, которые сформировались под влиянием ближайшего и значимого окружения; это может стать очень мощным толчком не только в понимании своей позиции, поступков и мотивации, но и произвести психотерапевтический эффект.

С этой целью мы использовали ромб Н. Пезешкиана, но четырьмя сферами уже были четыре модели для подражания. Они представляют собой возможности реализации всеми людьми своей способности устанавливать отношения с самим собой, с родителями, близкими родственниками, партнерами, обществом, окружающим миром, религией и своим мировоззрением. Мы просили написать метафоры к каждой из четырех сфер: «Я» – родители и сиблинги; «Ты» – родители между собой; «Мы» – родители и общество, окружающий мир; «Пра-Мы» – родители и религия, мировоззрение, жизненная философия. Ответы и метафоры, которые иногда были удивительными даже для тех, кто их писал, давали ответы на различные установки (как рационального, так и иррационального характера) одинаково эффективно, несмотря на разную национальную, этническую и конфессиональную принадлежность участников исследования.

Таким образом, очень важным аспектом, на наш взгляд, является возможность осуществления в рефлексивной игре взаимосвязи между различными типами рефлексии и привлечения психоаналитического метода Н. Пезешкиана, который помогает сформировать понимание личностного и поведенческого аспектов в ситуациях угрозы террористического акта или вовлечения в экстремистскую группировку, проявления экстремизма в молодежной среде; понимание возможных собственных реакций, реакций значимых и незначимых других, вовлеченных в ту же ситуацию.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абакумова И. В., Кагермазова Л. Ц.* Смыслообразование как фактор инициации ценностно-смысловых установок в процессе формирования антиэкстремистской идеологии // Научно-методический журнал «Психология в вузе». – 2011. – № 5.
2. *Бабиянц К. А.* Научно-исследовательские и психокоррекционные возможности методики по устранению причин и факторов роста экстремизма в молодежной среде // Научно-методический журнал «Психология в вузе». – 2011. – № 5.
3. *Карикаш В. И., Босовская Н. А., Кравченко Ю. Е., Кириченко С. А.* Основы позитивной психотерапии. Первичное интервью. – Черкассы: Изд-во Украинского института позитивной кросс-культурной психотерапии и менеджмента, 2011.
4. *Лефевр В. А.* Рефлексия. – М.: Когито-Центр, 2003.
5. Психология формирования антитеррористических ценностей студентов современного университета: учебник. Под ред. И. В. Абакумовой, П. Н. Ермакова. – М.: КРЕДО, 2013.
6. *Пьянкова Г. С.* Развитие профессиональной рефлексии. – Красноярск, 2009.
7. Экстремизм и межэтнические отношения в молодежной среде России // Тезисы международной научно-практической конференции «Кавказ наш общий дом!». – Ростов н/Д, 2009.
8. *Rodrigues T. F.* Meaning in couples relationships // Psychology in Russia: State of the Art. – 2014. – no. 7 (3).
9. *Shadrikov V. D.* The role of reflection and reflexivity in the development of students' abilities // Psychology in Russia: State of the Art. – 2013. – no. 6 (2).
10. *Zinchenko Yu. P.* Extremism from the perspective of a system approach // Psychology in Russia: State of the Art. – 2014. – no. 7 (1).

ВЛИЯНИЕ ПСИХОАНАЛИЗА НА СОВРЕМЕННУЮ ПСИХОТЕРАПИЮ

Мартыненко Т. С., Дейнекина А. С.

В данной статье рассматривается влияние основных положений психоанализа на отдельные психотерапевтические методы и психотерапию в целом. Фундаментальные теории, разработанные в контексте психоанализа, оказали значимое влияние на развитие психологии и легли в основу многочисленных психотерапевтических практик психодинамического подхода и иных направлений психотерапии, успешно использующихся для разрешения широкого спектра психических расстройств.

Ключевые слова: *З. Фрейд, А. Фрейд, А. Адлер, К. Г. Юнг, психиатрия, психология, психоанализ, психотерапия, бессознательное, сны, механизмы защиты.*

Двадцатый век для психологии, безусловно, стал веком Зигмунда Фрейда, австрийского психолога, психиатра и невролога. В своих многочисленных трудах, среди которых, например, «Введение в психоанализ. Лекции», «Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни», «По ту сторону принципа удовольствия», «Тотем и табу», снискавших феноменальную славу и оказавших неоценимое влияние не только на теоретическую и практическую психологию, но и на медицину, антропологию, социологию, литературу и искусство, З. Фрейд постулирует принципиально новые теории, изменившие представление о психике, ее структуре, механизмах ее формирования и развития и закономерностях ее функционирования.

Подобно иным великим ученым, идеи и теории которых кардинальным образом изменили представления науки о генезе и строении микро- и макромира, живой и неживой материи, З. Фрейд также производит своего рода революцию в сфере психологии и психотерапии и предлагает радикально новую теоретическую и практическую концепции, утверждая, что интрапсихические процессы и поведение человека определяются не только функционированием его рационального сознания, но и действием определенных иррациональных бессознательных сил [1].

Согласно З. Фрейду, в основе практически любого психического нарушения обнаруживается конфликт этих бессознательных стремлений, который может быть выявлен, проанализирован и разрешен только в длительном психотерапевтическом процессе с помощью метода, который был назван психоанализом [6].

Одним из наиболее важнейших для психотерапии открытий в рамках теории психоанализа стала предложенная З. Фрейдом оригинальная структурная модель психики. Для удобства понимания структурную модель возможно условно разделить на две составляющие: топографическую модель психики, включающую в себя сознание, предсознательное и бессознательное, и функциональную модель, которая включает в себя Id («Оно»), Ego («Я») и Super-Ego («Сверх-Я») [4].

Рациональное Ego, сознающееся непосредственно как Я, подчиняющееся принципу реальности и частично осуществляющее планирование, оценки, запоминание, и иными способами взаимодействующее с окружающей физической и социальной действительностью, преимущественно локализуется в сознании, частично охватывая и предсознательное, информация из которого обычно не осознается, но может извлекаться с определенной степенью свободы при направлении на нее внимания. Кроме того,

Ego также является своего рода посредником как между внешним и внутренним миром человека, так и между преимущественно бессознательными иррациональными структурами психики – Id и Super-Ego, отвечая за действие защитных механизмов.

Бессознательное иррациональное Id, представляющее собой совокупность инстинктивных влечений и подчиняющееся принципу удовольствия, локализуется в бессознательном и действует, подчиняясь определенным законам – отсутствия времени, неразличения реальности и фантазии, отсутствия принципа противоречия.

Super-Ego, преимущественно локализующееся в бессознательном, частично охватывая также предсознание и сознание, выполняет функцию цензурирования внутрипсихической жизни и представляет собой интроекции родительских фигур с присущей им системой ценностей.

Id и Super-Ego, безусловно, антагонистичны. При конфликте между стремлениями, которые порождает Оно, и цензурирующим влиянием Сверх-Я часто происходит возвращение вытесненных неприемлемых импульсов в сознание в форме сновидений и разного рода ошибок (оговорок, описок, ослышек и т. п.).

Также в контексте психодинамического подхода были предложены основные инстинкты, перманентно требующие удовлетворения и детерминирующие внутрипсихические процессы, поведение и любое социальное взаимодействие, – либидо и мортидо. Либидо, согласно З. Фрейду, – проявление полового инстинкта, энергия сексуального влечения, мортидо же – проявление так называемого «инстинкта смерти», энергия влечения к деструктивности [5].

Кроме того, Зигмундом Фрейдом, а в дальнейшем и Анной Фрейд, была разработана теория о защитных механизмах – определенных стратегиях и техниках, которые Ego использует в конфликте для предотвращения разрушительных последствий, связанных с ним переживаний. Понятие «защитный механизм» является общепризнанным для практической психологии и широко используется в современной психотерапии [3].

Среди защитных механизмов З. Фрейд выделил следующие:

1. Вытеснение, которое представляет собой процесс удаления из сознания мыслей и чувств, производящих деструктивное влияние на личность и психику, в бессознательное. Вытеснение является основой для формирования более сложных защитных механизмов, а также обеспечивает наиболее прямой путь избавления от тревоги.

2. Проекция, представляющая собой процесс, посредством которого человек приписывает собственные неприемлемые мысли, чувства и поведение, избавляясь тем самым от ответственности или вины за них, другим людям.

3. Замещение – процесс, при котором одно действие, квази-потребность или объект замещается другим, более безопасным.

4. Рационализация – механизм, имеющий отношение к ложной аргументации, благодаря которой иррациональное поведение представляется имеющим рациональные причины и оправданным.

5. Регрессия – механизм, для которого характерен возврат к детским переживаниям и моделям поведения, что позволяет частично избавиться от фрустрации и связанной с ней тревоги.

6. Отрицание – механизм, который проявляется как отказ принятия факта существования чего-либо, что потенциально способно произвести деструктивное влияние на психику.

7. Сублимация, которая, согласно З. Фрейду, является единственно здоровым и конструктивным механизмом, позволяющим человеку в целях адаптации преобразовать свои импульсы и выразить их социально приемлемым способом.

Можно также упомянуть о влиянии психоанализа на психологию развития: З. Фрейдом была сформулирована теория психосексуального развития, согласно которой формирование конституциональных особенностей личности тесно связано с изменениями в биологическом (сексуальном) функционировании индивида. На каждой фазе (оральная, анальная, фаллическая, латентная, генитальная) этого развития человеком приобретается определенный опыт, связанный в первую очередь с основной в данный период эрогенной зоной, в которой происходит концентрация либидо, и формирующий соответствующие установки, ценности и черты

личности. В случае если нормальное протекание какого-либо из периодов нарушается, может возникнуть фиксация и, как следствие, невроз [2].

Значительным вкладом в развитие психотерапии также можно считать введенные в рамках психоаналитической теории специфические методы диагностики, использующиеся и в других психотерапевтических практиках, среди которых: метод свободных ассоциаций, толкование сновидений, исследование источника конфликта, анализ процессов сопротивления и переноса.

Таким образом, мы можем констатировать, что теории о формировании и развитии личности, механизмах и закономерностях функционирования психики и поведения, причинах возникновения и особенностях течения психических нарушений и способах их терапии, предложенные в контексте психоанализа, используются в качестве теоретической базы и практического руководства в многочисленных методах, принадлежащих к психодинамическому и экзистенциально-гуманистическому подходам, суггестивным методам, трансперсональным практикам. Среди наиболее известных методов психотерапии, частично или полностью опирающихся на психоаналитическую базу, можно выделить, например, юнгианский анализ, адлерианскую терапию, характерологический анализ В. Райха, телесно-ориентированную терапию, биоэнергитическую терапию А. Лоуэна, первичную терапю А. Янова, характерологический анализ К. Хорни, трансакционный анализ Э. Берна, кататимно-имагинативную психотерапию Х. Лёйнера, психодраму Я. Морено, психосинтез Р. Ассаджиоли, гештальт-терапию Ф. Перлза, эриксоновский гипноз, холотропное дыхание и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Адлер А.* Очерки по индивидуальной психологии. – М.: Когито-Центр, 2002. – 220 с.
2. *Васильченко Г. С., Агаркова Т. Е., Агарков С. Т. и др.* Сексопатология: справочник / Под ред. Г. С. Васильченко. – М.: Медицина, 1990. – 576 с.
3. *Мак-Вильямс Н.* Защитные механизмы // Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. – М.: Класс, 1998. – 480 с.
4. *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. – М.: Фирма СТД, 2003. – 624 с.
5. *Фрейд З.* Очерки по теории сексуальности. – М.: АСТ, 2005. – 285 с.
6. *Фрейд З.* Психология бессознательного и анализ человеческого Я. – М.: АСТ, 2005. – 188 с.

САМООТНОШЕНИЕ СТУДЕНТОВ, «ПРИОБЩЕННЫХ» И «НЕ ПРИОБЩЕННЫХ» К СПОРТУ, КАК ПРЕДМЕТ ДЛЯ ПСИХОАНАЛИЗА

Коломийченко Е. В.

В статье рассматривается возможность сознательного сочетания диагностики и выявление бессознательных компонентов самоотношения студентов вуза, «приобщенных» и «не приобщенных» к физической культуре и спорту. Автор рассматривает компоненты Я-концепции, такие как Я-физическое и Я-эстетическое, которые часто формируются бессознательно. Он высказывает мысль о том, что во многом на характер их формирования влияет та деятельность, в которую они включены, а именно занятия физической культурой и спортом. Необходимость исследования формирования Я-физического и Я-эстетического посредством занятий физической культурой и спортом в молодежной студенческой среде продиктована высокой актуальностью бессознательной проекции Я-телесного у молодежи на систему межличностных отношений, а также способы самопрезентации и в связи с продолжением формирования самосознания. В статье приводятся конкретные результаты по гендерным исследованиям среди студентов, результаты исследования самоотношения и самоописания Я-образов.

Ключевые слова: *бессознательное, самосознание, самоотношение, Я-образ, студенты, физическая культура, спорт.*

В известных словарях термин «психоанализ» трактуется как психологическая теория, разработанная в конце XIX – начале XX вв. австрийским неврологом Зигмундом Фрейдом, а также как чрезвычайно влиятельный метод лечения психических расстройств, основанный на этой теории [3].

Основные положения психоанализа базируются на бессознательных процессах, которые определяют человеческое поведение, влечение, психологические сопротивления и защитные механизмы. Но верно также и то, что освобождение от влияния бессознательного материала может быть достигнуто через его осознавание, и психоанализ в совершенстве владеет техниками, с помощью которых это осуществимо [4].

Но мы хотим обратить внимание читателя на исследование, которое сочетает сознательную диагностику и выявление бессознательных компонентов самоотношения студентов вуза, «приобщенных» и «не приобщенных» к физической культуре и спорту. Мы исходим из того положения, что компоненты Я-концепции, такие как Я-физическое и Я-эстетическое, формируются бессознательно и во многом на характер их формирования влияет та деятельность, в которую они включены, в нашем случае под такой деятельностью мы имеем в виду занятие физической культурой и спортом.

Многие аспекты, которые мы рассматриваем – самоотношение, гендерно-неспецифичные виды спорта, формирование эго-идентичности, адаптация в социальной среде, часто перекликаются с бессознательными иррациональными установками, которые могут трансформироваться под воздействием занятий спортом.

Так, например, мы выявили, что по мере отдаления студентов от занятий физической культурой и спортом, снижается эго-идентичность, выраженная «присоединяющими» понятиями,

указывающими на социальную роль, имеющую отношение к спортивному виду деятельности, и нарастает «дифференцирующая» эго-идентичность, имеющая отношение к телесному образу Я. «Присоединяющая» спортивная эго-идентичность выражена у юношей и девушек, занимающихся волейболом, и у юношей, занимающихся черлидингом посредством соотнесения себя с ролью спортсмена или спортсменки (гимнастки, черлидера). У студентов, «приобщенных» к физической культуре, высоко выражена «присоединяющая эго-идентичность», указывающая на ориентацию на здоровый и активный образ жизни, а не на статус спортсмена или спортсменки. У студентов, «не приобщенных» к спорту, эго-идентичность не связана с проявлением спортивного статуса или со значимостью Я-физического и Я-эстетического.

Для девушек наиболее важным в «дифференцирующей» эго-идентичности является компонент Я-эстетического, не смотря на то, занимаются или не занимаются они спортом и является ли он гендерно-специфичным. Для юношей, занимающихся гендерно-специфичным видом спорта, наиболее значимым является компонент «Я-физическое», для занимающихся гендерно не специфичным видом спорта – компонент «Я-эстетическое», для «не приобщенных» – ни один компонент «присоединяющего» и «дифференцирующего» Я-образа, относящегося к спорту, не значим. Иными словами, у студентов, «не приобщенных» к физической культуре и спорту, формирование самоотношения осуществляется не через физическую и эстетическую эго-идентичность. У студентов, занимающихся спортом на регулярной основе и имеющих цели достижения высоких спортивных результатов (волейболистов, черлидеров), проявляется высокая значимость «присоединяющей» эго-идентичности, связанной со здоровым и активным образом жизни. При этом у юношей идентичность с показателями здорового образа жизни и Я-физическим наиболее значима, чем у девушек, а у девушек наиболее значима идентичность с Я-эстетическим [2].

Также нам удалось установить, что девушки и юноши, занимающиеся спортом, имеют позитивное самоотношение и адекватную самооценку, не задумываясь об особенностях проявления своей телесности. Однако у юношей выражена проблемная зона бессознательного характера, она заключается в стремлении к отрицанию и недооцениванию проблем, самодовольстве, закрытой позиции к окружающим, отсутствии склонности к глубокой рефлексии (свойственно 71 % юношей). В то же время у юношей по фактору «самоуважение» прослеживается позитивное самоотношение и адекватная самооценка в не зависимости от того, приобщены они к спорту или нет, и каким видом они занимаются – «женским» или «мужским».

Девушки, занимающиеся «мужским» видом спорта и юноши, занимающиеся «женским» видом спорта, при общей выраженности благополучного самоотношения все же отличаются от девушек и юношей, занимающихся «соответствующими» видами спорта, тем, что у них нарастает тенденция к занижению собственного принятия, растет потребность изменяться, быть ближе к идеальному образу Я. Мы связываем это с необходимостью преодоления бессознательных социальных стереотипов и стремлением доказать свою состоятельность в этом «не соответствующем» виде спорта. Традиционно, футбол и волейбол – это виды спорта, где требуется мужская выносливость, скорость, сила, где высока частота травмирования, – все это требует от девушек физической подготовленности, бо́льших усилий, чем от мужчин, что само по себе уже является препятствием и вызывает необходимость их преодолевать. Традиционно, черлидинг – это область эстетики, гибкости, легкости, грации, больше танцевальной, гимнастической, художественной подготовки, что предъявляет соответствующие требования к юношам, занятым в этом виде спорта.

Интересными являются показатели, связанные с исследованием гендерной идентичности студентов, занимающихся и не занимающихся спортом.

Юноши и девушки, являющиеся студентами вузов, чаще демонстрируют андрогинную гендерную идентичность вне зависимости от того, приобщены они к спорту или нет. Этот факт мы объясняем современными тенденциями общественного развития к смещению гендерных ролей, перераспределению акцентов в стиле поведения и деятельности среди мужчин и женщин. Девушки, занятые в «мужских» видах спорта и «не приобщенные» к спорту, показывают

наивысшую выраженность андрогинной гендерной идентичности. Мы объясняем этот феномен тем фактом, что традиционно «мужские» виды спорта, как было указано ранее, опираются на такие качества, как сила, выносливость, выдержка, а в командных играх это еще и групповая сработанность, чувство «плеча», поддержка, стремление к победе, – все это осуществляет своеобразный отбор девушек, которые идут заниматься в «мужской» вид спорта уже на этапе средней школы, и впоследствии только развивает сформированный андрогинный стиль. С другой стороны, выраженность у «не приобщенных» девушек андрогинного стиля мы объясняем общественными тенденциями к смешению гендерных ролей. Девушки, занятые в «женском» виде спорта или «приобщенные» к спорту, демонстрируют усиление феминнной гендерной идентичности, что воспринимается как естественный, не противоречащий социальной и биологической природе процесс [1].

Юноши, занятые в «мужских» видах спорта и «приобщенные» к физической культуре, демонстрируют ярко выраженную андрогинную гендерную идентичность. Юноши, занятые в «женских» видах спорта и «не приобщенные» к спорту, демонстрируют явный прирост феминнных тенденций в гендерной идентичности, что может порождать у них внутреннее напряжение, недовольство собой, психологический дискомфорт, который часто остается неосознаваемым, но ощущаемым. Наибольший вред в развитии гендерной идентичности, позволяющей формировать адекватное самоотношение у юношей и девушек – студентов вуза – наносит отсутствие занятий спортом у юношей, нежели у девушек. Поскольку у «не приобщенных» к спорту юношей чаще формируется феминнная гендерная идентичность, что может отражаться в общем снижении самоотношения и порождать внутреннее напряжение и неудовлетворенность. Девушки же, «не приобщенные» к спорту, демонстрируют феминнную или андрогинную идентичности, что в современном обществе воспринимается как норма [1].

Таким образом, исследования самоотношения и Я-образа у студентов, приобщенных и не приобщенных к физической культуре и спорту, во многом раскрывают бессознательные установки, которые влияют на формирование особенностей личности – гендерной идентичности, эмоциональной комфортности, типа межличностных отношений, мотиваций деятельности, и результаты наших исследований могут указать на те слабые стороны самоотношения студентов, которые, как правило, не осознаются, но будучи обнаруженными, могут стать началом принятия и личностной позитивной трансформации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. – С. 308–330.
2. *Коломийченко Е. В.* Психологические механизмы формирования смыслового отношения индивидов к своей телесности // Всероссийская психологическая конференция с международным участием «Категория смысла в философии, психологии, психотерапии и в общественной жизни». – Ростов н/Д: КРЕДО, 2014. – С. 131–132.
3. *Ребер А.* Большой толковый психологический словарь: пер. с англ. – М.: Вече; АСТ, 2000.
4. *Руткевич А. М.* Научный статус психоанализа // Вопросы философии. – 2000. – № 10. – С. 9–14.

ОБРАЗ САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН В ВОСПРИЯТИИ СТУДЕНТОВ НЕПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Обухова Ю. В.,
Обухова С. Г.

В данной статье рассматривается образ Сабины Шпильрейн в описаниях студентов непсихологических специальностей. В исследовании приняли участие 100 студентов непсихологических специальностей. Была разработана анкета, которая позволила выявить условия знакомства с именем и фамилией Сабины Шпильрейн, знание некоторых фактов ее биографии, оформить советы студентов по распространению информации о ее личности и научных трудах, проанализировать качества, которые студенты хотели бы позаимствовать у нее, и составить ее портрет глазами студентов – не психологов. Ведущими чертами при описании С. Шпильрейн студентами стали статусные, интеллектуальные, волевые черты, материальное положение, личностные особенности, социальное окружение, внешность и физическое состояние.

Ключевые слова: *С. Шпильрейн, образ, восприятие, ведущие черты, контент-анализ, волевые качества, профессионализм, женское начало, отношение к другим, личностные качества.*

С целью изучения образа Сабины Шпильрейн у современных студентов непсихологических специальностей была создана анкета, включающая 5 открытых вопросов. Ответы респондентов обрабатывались с помощью процедуры контент-анализа. В соответствии с требованиями к контент-анализу, за единицу описания было принято слово или словосочетание, в котором оформляются, фиксируются и выражаются суждения [5].

На первый вопрос *«Где Вам приходилось сталкиваться с фамилией и именем Сабины Шпильрейн?»* ответы респондентов распределились следующим образом:

На рисунке 1 видно, что 80 % студентов непсихологических специальностей впервые слышат о Сабине Шпильрейн, и только 20 % сталкивались с этим именем и фамилией раньше. Это лишний раз подтверждает тот факт, что несмотря на значимый вклад в развитие мировой науки, имя Сабины Шпильрейн было надолго забыто отечественной историей.

Рисунок 1. Знакомство с фамилией и именем Сабины Шпильрейн

На второй вопрос *«Знали ли Вы, что она была родом из Ростова-на-Дону?»* ответы респондентов распределились следующим образом:

На рисунке 2 видно, что 95 % респондентов не знали об этом факте (хотя большинство из них коренные ростовчане), и только 5 % студен-

тов знали. Выявляя обстоятельства, при которых они познакомились с этим фактом, чаще всего назывались: школьные факультативные уроки «История Ростова-на-Дону: важные события и люди», увидели мемориальную табличку на одном из домов Ростова-на-Дону (Пушкинская, 83), рассказывали друзья–историки.

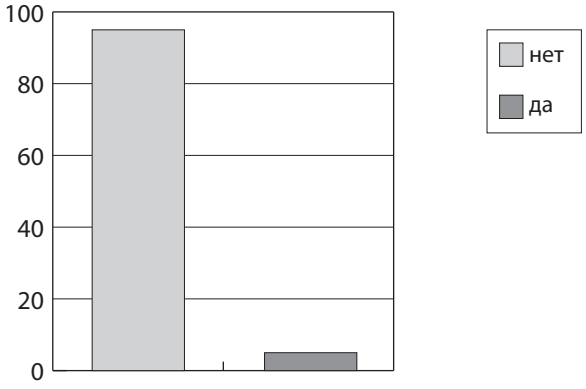

Рисунок 2. Знание факта из жизни Сабины Шпильрейн

Ответы респондентов **на третий вопрос** *«Чему лично Вы могли бы научиться у Сабины Шпильрейн?»* были отнесены к следующим контент-аналитическим категориям: **«Волевые качества»** (терпение; мужество; решительность; выдержка; самообладание; целеустремленность и др.); **«Профессионализм»** (любить свое дело / профессию; знать основы психоанализа; знание тонкой грани между эмпатией и абстрагированием; анализировать свои действия и делать выводы и др.); «**Женское начало»** (любить всем сердцем; лелеять образ первой любви; гармония души; женская мудрость; быть женщиной с большой буквы и др.); **«Отношение к другим людям»** (обращать внимание на проблемы других людей, не быть эгоистами; не делать поспешных выводов о незнакомых людях; уважать людей с ограниченными возможностями, с различными болезнями и др.); **«Личностные качества»** (харизма; уверенность; внимательность; доброта; беззаботность; чуткость; патриотичность и др.).

Результаты распределились следующим образом: **40 %** респондентов хотели бы позаимствовать у Сабины Шпильрейн *«Волевые качества»*; **29 %** – *«Профессионализм»*; **20 %** – *«Женское начало»*; **6 %** – *«Отношение к другим людям»*; **5 %** – *«Личностные качества».* Студенты желают развить у себя целеустремленность, настойчивость, мужество, решительность, выдержку и самообладание. С их точки зрения, целеустремленность необходима им для постановки ясности цели, достижения конечного результата. Настойчивость предполагает неуклонное движение к цели, невзирая на отдельные неудачи и поражения, на трудность, скучность и тяжесть работы. Они хотели бы научиться при неудачах не падать духом, а, наоборот, добиться намеченного и находить для этого новые пути и средства. Мужество и смелость, с их точки зрения, необходимы им для достижения цели, несмотря на опасности для жизни или личного благополучия, преодолевая невзгоды, страдания, лишения. Они восторгаются Сабиной Шпильрейн, которая проявила не только смелость, но и настойчивость, выдержку, хладнокровие даже перед лицом смертельной опасности, уверенность в себе, в правоте своего дела, готовности во имя цели пойти на любые жертвы. Решительность будет способствовать быстрому и продуманному выбору цели и эффективному подбору способов ее достижения. Студенты считают наиболее востребованным развитие этого качества в сложных ситуациях, там, где действие связано с некоторым риском. Выдержка и самообладание необходимы для сдерживания психических и физических проявлений, мешающих достижению цели. Выдержанный человек выносливый и терпеливый. Он способен в случае нужды переносить невзгоды и лишения, причиняющие ему физические страдания, сдерживать, когда это надо, свои потребности. С их точки зрения, выдержка будет способствовать успешности в их дальнейшей профессиональной деятельности [3].

На четвертый вопрос *«Что нужно сделать, чтобы большее количество людей знало о Сабине Шпильрейн?»* ответы респондентов распределились следующим образом: **40 %** – *создать группу в социальных сетях, посвященную ей*; **30 %** – *включить информацию о ней в школьную / университетскую программу*; **10 %** – *освещать в СМИ*; **6 %** – *сделать образ Сабины Шпильрейн одной из визитных карточек Ростова-на-Дону*; **6 %** – *побуждать студентов выбирать в качестве проектов темы, связанные с жизнью и творчеством Сабины Шпильрейн / создание видеороликов и любительских фильмов студентами*; **4 %** – *отмечать ее день рождения какими-то*

социальными акциями; **4 %** – *проводить каждый год конференции / телемосты*. Из ответов респондентов мы видим, что наиболее эффективным и востребованным источником получения информации для них являются Интернет-ресурсы и социальные сети. Социальные сети в Интернете являются техническим средством конструирования социальных взаимосвязей в контексте опосредованной коммуникации, способствующим интенсификации взаимодействия между субъектами, увеличению скорости и эффективности распространения информации, упрощению поддержания социальных связей и осуществления взаимного обмена, мобилизации наличных контактов как социального капитала, поэтому они так популярны у молодежи [6].

Ответы респондентов **на пятый вопрос** *«Опишите, пожалуйста, образ Сабины Шпильрейн человеку, который ничего о ней не знает. Постарайтесь создать наиболее полный образ»* были отнесены к следующим контент-аналитическим категориям: **«Статусные черты»** (ростовчанка; патриотка своей страны; еврейка; отличница Екатерининской гимназии; любовница К. Юнга; психоаналитик; первая женщина Европы, получившая степень доктора медицины за научную работу в психологии; успешный педолог; психоаналитик; участница съездов, конференций, конгрессов по педагогике и психологии; у нее большая семья, три брата и сестренка; любила свою сестренку; жена психоаналитика; хорошая мать; хотела любви близких и др.); **«Социальное окружение» (общалась с З. Фрейдом, К. Юнгом;** вела изысканный, светский образ жизни; создала Белый Приют для детей; рассорила З. Фрейда и К. Юнга, и др.); **«Материальное положение» (**из состоятельной семьи; финансово независимая; богатая; дочь удачного предпринимателя–коммерсанта и др.); **«Интеллектуальные черты» (**умная; интеллектуально развитая; одаренная; стремящаяся к саморазвитию; отличница; творческая личность; знала несколько языков; оригинальный склад ума и др.); **«Волевые черты»** (волевая; целеустремленная; самостоятельная; отстаивающая свою точку зрения; смелая; отважная и др.); **«Внешность / физическое состояние»** (молодая; интересная на внешность; очаровывающая не внешними данными, а внутренним миром; страдала психическим заболеванием; подверженная стрессу и депрессии; пережила душевную травму и др.); **«Личность» (**романтичная; мечтательная; влюбчивая; добрая; заботливая; отзывчивая; искренняя; стремящаяся помочь и выслушать; близко все воспринимала к сердцу; чуткая и др.).

Таблица 1.

Суммы рангов значимости частоты употребления категорий в описаниях Сабины Шпильрейн (кр. Фридмана при $p < 0.05$)

Переменные	*Место*	*Sum of Ranks*
Статусные черты	1	80,0
Интеллектуальные черты	2	72,5
Волевые черты	3	70,0
Материальное положение	4	63,0
Личность	5	58,0
Социальное окружение	6	30,0
Внешность/физическое состояние	7	25,0

Из таблицы 1 видно, что чаще всего студенты – не психологи описывают **статусные черты** Сабины Шпильрейн. При описании другого человека респонденты предпочитают использовать те черты, которые в большей степени присущи им. Описание статусных черт позволяет человеку показать процесс вхождения в социум, связанный с включением его в большое количество социальных групп, выделяемых по разным критериям – профессиональной, национальной, социальной, семейной принадлежности, различным интересам и увлечениям. С одной стороны, преобладание статусных черт может говорить о формальности описания другого человека, а с другой стороны может быть связано с тем, что в период ранней взрослости наиболее важным является формирование социальной взрослости, характеризующейся степенью успешности в освоении и исполнении тех или иных социальных ролей, которую девушки и юноши стремятся переносить на других людей [4].

Второй по распространенности чертой в описаниях, посвященных Сабине Шпильрейн, являются **интеллектуальные черты**. Как известно, развитие высших психических процессов, или интеллектуальных характеристик, продолжается на протяжении всего периода ранней взрослости. Интеллектуальное развитие человека, достигшего ранней взрослости, проходит в тесном взаимодействии с формированием или трансформацией его личности. В период ранней взрослости люди вовлечены в учебную и профессиональную

сферы, успех в которых определяется хорошо развитыми интеллектуальными особенностями. Интеллектуальное развитие в период ранней взрослости происходит в тесной связи с формированием личности. При этом не только особенности личности влияют на характер ее интеллектуального развития, но и закономерности развития интеллектуальной сферы влияют на процесс формирования личности, поскольку они обеспечивают выработку собственной мировоззренческой позиции. Способность самостоятельно принимать решения основывается на осознании своих обязанностей и понимании той ответственности, которая возлагается на индивида принятым им решением. Поэтому молодые люди чаще всего прибегают к анализу другого человека через призму восприятия «умный–глупый» [4]. Третьей по распространенности чертой в описаниях Сабины Шпильрейн являются **волевые черты**. Как отмечает Е. П. Ильин, воля осуществляет сознательное регулирование поведения в условиях постоянного баланса между жизненными целями и ограничениями личности, связанными с интеллектуальными прогнозами последствий данной деятельности, а также моральными и социальными нормами [2]. Чаще всего респонденты декларируют в описаниях, что Сабина Шпильрейн использует свои волевые качества как инструмент мотивации к интеллектуальному планированию и реализации своих жизненных целей. Она сознательно ставит перед собой все более трудные задачи и преследует все более отдаленные цели, требующие приложения значительных волевых усилий в течение достаточно длительного времени.

Описывая внешность Сабины Шпильрейн, большинство респондентов подчеркивают ее красоту не внешнюю, а внутреннюю. Они предположили, что проблемы со здоровьем препятствовали ее самораскрытию и поэтому у нее мало последователей. Как отмечает Е. В. Зинченко, личностное самораскрытие, как многоплановый процесс проявления личности в общении, является необходимым условием существования человека в обществе, в системе социальных связей и отношений, поддерживания гармоничных взаимоотношений с окружающими [1].

Наибольшую дискуссию у студентов – не психологов приобретают вопросы: «Какую роль в ее жизни сыграло ее материальное положение?», «Была бы она так известна, если бы не влюбилась в К. Юнга?», «В чем истинная причина ее исцеления от недугов?».

Выводы: 1) несмотря на значимый вклад в развитие мировой науки, имя Сабины Шпильрейн незнакомо большинству студентов – не психологов; 2) чаще всего знакомство с именем Сабины Шпильрейн связано со стремлением студентов к саморазвитию или посещением различных школьных / университетских факультативов; 3) студенты – не психологи в наибольшей степени восторгаются развитием ее волевых качеств; 4) наиболее эффективным способом распространения информации о Сабине Шпильрейн большинство студентов считают размещение информации в социальных сетях; 5) ее образ у студентов – не психологов складывается из описания статусных, интеллектуальных, волевых черт, материального положения, личностных особенностей, социального окружения и внешних данных.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зинченко Е. В.* Самораскрытие и психическое здоровье личности // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2005. – № 7 (51). – С. 98–99.
2. *Ильин Е. П.* Психология взрослости. – СПб.: Питер, 2012. – 990 с.
3. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2010. – 784 с.
4. *Обухова Ю. В.* Взаимосвязь между особенностями интеллекта и содержанием Я-концепции у студентов физического и математического факультетов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2014. – № 1 (179). – С. 105–110.
5. *Обухова Ю. В.* Интеллектуальные особенности представителей социономических и несоциономических профессий в период ранней взрослости // Северо-Кавказский психологический вестник – 2013. – Т. 11. – № 2. – С. 59–62.
6. *Почепцов Г. Г.* Коммуникативные технологии XX вв.. – М.: Логос, 2001. – 348 с.

ДЕСТРУКТИВНЫЕ ФОРМЫ ОБРАТНОЙ СВЯЗИ В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ СТУДЕНТОВ

Попова Ю. А.,
Бреус Е. Д.

Данное исследование направлено на изучение различных форм обратной связи в межличностном общении студентов, а также на изучение взаимосвязи деструктивных и конструктивных форм обратной связи с социально-психологическими особенностями личности. Результаты исследования выявили наличие взаимосвязи деструктивных и конструктивных форм обратной связи с различным уровнем центрации, локуса контроля и видом направленности личности в общении.

Ключевые слова: *обратная связь, деструкция, центрация / децентрация, локус контроля, направленность личности.*

Изучение деструктивных форм межличностной обратной связи в общении играет важную роль в социальной психологии. Деструкция – разрушение, нарушение нормальной структуры чего-либо; уничтожение. Первой специализированной психоаналитической работой, посвященной именно проблеме деструкции, стала статья С. Шпильрейн «Деструкция как причина становления» [8], в которой она утверждала, что деструктивные компоненты являются неотъемлемой составной частью сексуального инстинкта. Деструктивные формы обратной связи в межличностном общении приводят к затруднению и разрушению процесса общения и взаимодействия между людьми. Многие исследователи, такие как А. Бламберг, Ю. В. Вакуленко (1989), Л. А. Петровская (1982), Т. Рассел, Г. Селье, О. В. Соловьева (1992) и др. выявили влияние форм подачи обратной связи на эффективность–неэффективность общения [2, 4, 5, 6, 7, 9]. Так, канадский ученый Г. Селье называет обратную связь регулятором межличностных отношений. Он пишет о том, что порицание – это сигнал прекратить действие, которое общество не одобряет; такая обратная связь обеспечивает конструктивное поведение в добром согласии с окружающими [6]. По А. Бламбергу, конструктивная обратная связь – связь, создающая для реципиента мотивацию к изменению, а деструктивная – обратная связь, вызывающая у реципиента лишь защитные реакции [9]. Т. Рассел в работе «Навыки эффективной обратной связи» затрагивает проблему подачи обратной связи и принятия ее партнерами по общению [4]. Также известна взаимосвязь эффективности общения с различными социально-психологическими характеристиками личности, однако взаимосвязь деструктивных форм подачи обратной связи с такими социально-психологическими характеристиками личности, как центрация на себе или других и направленность личности в общении, изучена еще не достаточно.

Поэтому целью нашей работы является изучение деструктивных форм обратной связи в межличностном общении в зависимости от социально-психологических особенностей студентов. Мы предполагаем, что лица с различными уровнями центрации, локуса контроля и видами направленности в общении будут использовать различные формы межличностной обратной связи. В задачи нашей работы входило выявление деструктивных и конструктивных форм используемой обратной связи, определение уровней центрации, локуса контроля и видов направленности личности в общении, а также проведение

статистической обработки и сравнение полученных результатов.

Для проведения исследования нами была создана анкета, направленная на выявление деструктивных и конструктивных форм подачи обратной связи. В разработанной нами анкете представлены 10 ситуаций предконфликтного взаимодействия, основное содержание которых составлено в обвинительной форме, в форме Ты-высказываний. Первичная обработка результатов нашей анкеты проводилась при помощи контент-анализа. Нами были выделены деструктивные и конструктивные формы обратной связи. ***Деструктивные формы обратной связи:*** Ты-высказывания; отрицательная обратная связь; перекладывание ответственности на других; стратегии поведения в конфликтных ситуациях – избегание, приспособление, соперничество. ***Конструктивные формы обратной связи:*** Я-высказывания, выражение чувств; положительная обратная связь; принятие ответственности на себя; стратегии поведения в конфликтных ситуациях – компромисс, сотрудничество. Также были использованы: тест эгоцентрических ассоциаций Т. Шустровой [3], методика определения уровня субъективного контроля (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, Л. М. Эткинд) [3], методика «Направленность личности в общении» (С. Л. Братченко) [1].

В исследовании приняли участие 60 студентов Академии психологии и педагогики ЮФУ в возрасте от 20 до 22 лет.

У студентов с различными уровнями центрации и локуса контроля были выявлены как деструктивные, так и конструктивные формы межличностной обратной связи. Студенты со средним (гармоничным) уровнем центрации склонны к использованию конструктивной формы обратной связи «принятие ответственности на себя» и к подаче положительной обратной связи. Студенты с низкой и высокой степенью центрации ориентированы в большей мере на использование деструктивной формы обратной связи «перекладывание ответственности на других». Возможно, это объясняется тем, что лица с низким уровнем центрации пассивны в отношении собственных целей и ориентированы на других, а лица с высоким – концентрируют внимание на себе и неспособны занять позицию другого человека, и лишь гармоничный уровень центрации, предполагающий сбалансированность центрации–децентрации, предполагает восприятие партнера по общению как равного себе [3]. Для студентов с низким уровнем центрации характерно использование деструктивной формы обратной связи «Ты-высказывания», что также объясняется ориентацией на интересы собеседника [3]. Для студентов с низким уровнем локуса контроля (экстернальность) характерно использование конструктивной формы обратной связи «Я-высказывания», а для респондентов с высоким уровнем локуса контроля (интернальность) – применение конструктивной стратегии «сотрудничество». Возможно, это объясняется тем, что лица с высоким уровнем локуса контроля ощущают себя активными субъектами своей жизни и чувствуют собственную ответственность за происходящие в их жизни события, поэтому идут на сотрудничество с партнерами по общению для предотвращения конфликтной ситуации [3]. Эти данные были подтверждены статистической обработкой по критерию Манна–Уитни.

Таким образом, студенты со средним уровнем центрации более склонны к подаче конструктивных форм обратной связи, а респонденты с высоким и низким уровнями центрации ориентированы в большей степени на использование деструктивных форм межличностной обратной связи. Студенты с высоким уровнем локуса контроля (интернальность) более склонны к подаче конструктивных форм обратной связи, а с низким уровнем локуса контроля (экстернальность) – к деструктивным формам межличностной обратной связи.

Исследование деструктивных и конструктивных форм обратной связи в зависимости от вида направленности личности в общении позволяет сделать следующие выводы. Для студентов с диалогической направленностью более характерно использование конструктивной формы обратной связи «выражение чувств» и применение конструктивной стратегии «компромисс», а для студентов с авторитарным видом направленности в общении – использование конструктивной формы обратной связи «Я-высказывание», подача отрицательной обратной связи и применение деструктивной стратегии «соперничество». С. Л. Братченко опи-

сывает лиц с диалогической направленностью личности в общении как людей, ориентированных на равноправное общение, на взаимопонимание и коммуникативное сотрудничество, возможно поэтому они склонны к выражению своих чувств и применению стратегии «компромисса», что ведет к конструктивному взаимодействию в предконфликтной ситуации. Лиц авторитарной направленности он описывает как людей, ориентированных на доминирование в общении, стремление подавить личность собеседника и нежелание понимать собеседника, возможно поэтому они склонны думать и говорить лишь о себе и использовать деструктивные формы обратной связи [1]. Для людей с альтероцентрической направленностью личности в общении более характерно использование положительной обратной связи, а для лиц конформной направленности – применение деструктивной стратегии «приспособление». Данные результаты также можно объяснить исследованиями С. Л. Братченко, объясняющего данные виды направленности личности в общении [1]. Студенты альтероцентрической направленности, ориентированные на цели и потребности собеседника, в предконфликтной ситуации склонны давать положительную обратную связь. Студенты с конформным видом направленности личности в общении, ориентированные на подчинение силе авторитета, склонны к применению стратегии «приспособление». Полученные данные подтверждены статистической обработкой по критерию Манна–Уитни и корреляционным анализом по критерию Спирмена.

Таким образом, студенты с авторитарным и конформным видами направленности личности в общении более склонны к подаче деструктивных форм межличностной обратной связи, а студенты с диалогическим и альтероцентрическим видами направленности в общении в большей степени ориентированы на конструктивные формы обратной связи.

Итак, проведенное нами исследование подтвердило наше предположение о том, что студенты с различным уровнем центрации, локуса контроля и видом направленности личности в общении используют различные деструктивные и конструктивные формы межличностной обратной связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Братченко С. Л.* Диагностика личностно-развивающегося потенциала. Методическое пособие для школьных психологов. – Псков, 1997. – 68 с.
2. *Вакуленко Ю. В.* Принятие обратной связи как переживание. Дипломная работа. – М.: Изд-во МГУ, 1989.
3. *Лабунская В. А., Менджерицкая Ю. А., Бреус Е. Д.* Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2001. – С. 288.
4. *Петровская Л. А.* Общение – компетентность – тренинг: избранные труды. – М.: Смысл, 2007.
5. *Рассел Т.* Навыки эффективной обратной связи. – СПб.: Питер, 2002.
6. *Селье Г.* Стресс без дистресса. – М.: Книга по требованию, 2012.
7. *Соловьева О. В.* Обратная связь в межличностном общении. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.
8. *Шпильрейн С.* Деструкция как причина становления // Логос. – 1994. – № 5.
9. *Blumberg A., Golembiewski R. T.* Learning and change in groups. – Earmondsworth: Penguin Books, 1976.

ХАРИЗМАТИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ ЭЛИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Черемисова И. В.

В статье представлена авторская позиция, состоящая в том, что целью элитарного образования является формирование элитарного сознания обучающихся. С позиций авторского эстетико-семиотического подхода процесс социальной элитизации личности должен идти через духовное совершенствование человека. Музыкальная культура является мощным средством коммуникации, общения и воспитания. В качестве основных факторов психологического воздействия музыкального искусства на духовное развитие личности и активизацию творческих возможностей автор выделяет духовно-нравственное содержание и эмоционально-образную насыщенность музыки. Автор считает, что важнейшее значение для развития духовности личности будущего профессионала в пространстве элитарного образования имеют образец харизматической личности преподавателя вуза, встречи с земляками, обладающими харизмой.

Ключевые слова: *прикладной психоанализ, харизматическая личность, элитарное образование, музыкальное искусство, музыкальный шедевр.*

Психоанализ как сложная многогранная научная система разнообразных теоретических концепций и практических подходов существует более ста лет. В то же время, исследователи констатируют, что актуальность психологических исследований в рамках данного направления не снижается. Это обусловлено, прежде всего, тесной связью теории и практики в психоанализе. В качестве предмета исследования современного психоанализа выступают неосознаваемые (полностью или частично) стороны психической жизни личности. Современные психоаналитические исследования направлены на поиск ответов на вызовы социальной реальности, решение разнообразных социальных проблем. В настоящее время можно выделить три направления психоанализа: психоаналитическая теория, клинический психоанализ и прикладной психоанализ. В контексте нашей работы важно обратиться к третьему направлению исследований – прикладному психоанализу. Особый интерес для нас представляют глубинные аспекты социальных феноменов, таких как харизматическая личность, харизматическое лидерство, массовая культура, групповое взаимодействие [5].

Реалии современной России, интеграция российской науки в международное научное и образовательное сообщество актуализировали проблемы качества высшего образования. В связи с этим все чаще в научной литературе упоминаются понятия «элитарное образование», «элитное воспитание», «элитарные учебные заведения» и т. д. [1]. В контексте нашего исследования под элитарным образованием понимаем такую систему образования, которая нацелена на формирование элитарного сознания обучающихся. Процесс социальной элитизации личности должен идти через духовное совершенствование человека.

Определяя содержание элитарного образования, В. И. Гуваков и В. М. Фигурновская подчеркивают, что элитарное образование должно выводить субъекта образования из состояния

умиротворения и переводить его в состояние возбуждения, беспокойства. Поэтому, отмечают В. И. Гуваков и В. М. Фигурновская, стремление к элитарному образованию является личностно-духовной привилегией [7].

Подготовка профессионала в пространстве высшего образования непременно должна включать духовное развитие, обогащение внутреннего мира. Развитию духовной сферы обучающихся в вузе способствуют занятия художественно-эстетической деятельностью (начиная с восприятия шедевров искусства, с посещения музеев, выставок, театров, концертных залов и создавая музыкально-творческие, театральные студенческие коллективы), самостоятельная научно-творческая деятельность студентов, экскурсии и путешествия, встречи с интересными, яркими личностями (например: серия встреч «Зажигайте сердца», проведенных для обучающихся кафедры психологии ВГАФК, кафедры психологии ВолГУ).

Музыкальная культура является мощнейшим средством воздействия на сознание, подсознание и весь организм человека в целом. В качестве основных факторов психологического воздействия музыкального искусства на развитие личности и активизацию творческих возможностей выделим духовно-нравственное содержание и эмоционально-образную насыщенность музыки как вида искусства. Музыка понимается с позиций разработанного нами эстетико-семиотического подхода как сложный психосемантический текст, наполненный общечеловеческими и личностными смыслами [8, с. 153]. Многозначность и смысловая многогранность текста музыкального произведения обусловливают присвоение разноуровневых смыслов и способствуют духовному, творческому развитию личности. В наибольшей степени это касается музыкальных шедевров, способных повлиять на эмоционально-взволнованное восприятие явлений окружающей действительности.

С позиций эстетико-семиотического подхода при отборе содержания особое значение придается воздействию «живой» классической музыки [8, с. 171].

Важнейшее значение для развития духовности личности будущего профессионала в пространстве элитарного образования имеет образец духовной, творческой, яркой, харизматической личности преподавателя вуза. Преподавателя, который обладает огромной духовной силой, обаянием, богатством внутреннего мира. Такой преподаватель способен увлечь наукой, оставить глубокий след, яркие впечатления от лекции или практического занятия, экзамена. Такой преподаватель способен подготовить высококачественный конечный продукт элитарного образования – наиболее одаренных и ярких учеников, последователей; представителей интеллектуальной элиты, лидеров в различных сферах деятельности, харизматических личностей [3].

В своем исследовании Н. Б. Энкельман отмечает, что харизматическая личность оказывает мощнейшее влияние на мысли, чувства и действия других людей [9].

По мнению М. Вебера, харизматические качества связаны с авторитетом личности, харизма носит иррациональный характер и представляет собой главное лидерское качество [2]. В целом, исследователи харизмы личности сходятся на том, что харизма – это притягательная сила, излучаемая личностью, основанная на задатках и способностях человека, представляющая собой форму психоэмоционального воздействия личности на других людей. В современных исследованиях показано, что харизму может обеспечивать определенный набор личностных качеств, которые являются достаточно устойчивыми. Представим некоторые из них, которые наиболее характерны для харизматической личности профессора университета. На наш взгляд, это: уверенность в себе и в успехе своей деятельности; способность быстро и естественно устанавливать контакт с любым человеком; способность переживать сильные глубокие чувства, эмоциональность; воодушевление, положительный настрой на деятельность; ясность цели; щедрость в похвале, выражении признательности и благодарности; оптимизм; решительность; позитивное мышление; внушительная, запоминающаяся внешность. Примером таких преподавателей могут служить профессора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Лекции, на которых имела счастье присутствовать автор этих строк, запомнились на всю жизнь и спустя более двадцати лет свежи в памяти, а эти люди

навсегда остались примером в профессиональной деятельности и в личной жизни.

Исследователи также выделяют другие качества харизматической личности, которые в той или иной мере могут быть присущи разным людям. В то же самое время в литературе отмечается, что харизматическая личность может обладать качествами порой противоположными, которые кажутся несовместимыми друг с другом. Вот далеко не полный список этих качеств: активность, бесстрашие, вера, влиятельность, воля, богатое воображение, дружелюбие, духовность, заботливость, красота, мудрость, мужество, невозмутимость, независимость, обаяние, общительность, открытость, оптимизм, оригинальность, ответственность, позитивный взгляд на жизнь, решительность, сексуальность, сила, смелость, справедливость, страстность, строгость, таинственность, талантливость, требовательность, убежденность, уверенность, ум, целеустремленность, эмоциональность, энергичность, юмор [4].

Харизматические качества являются следствием различных факторов, трудно поддаются анализу и сознательному контролю. Харизматическая личность оказывает психологическое воздействие на людей на бессознательном уровне.

О признании разнообразных возможностей преобразования личности, поступательного развития, а также, одномоментного, скачком, писал еще К. Д. Ушинский: «...в неисчерпаемо богатой природе человека бывают и такие явления, когда сильное душевное потрясение, необычайный порыв духа, высокое одушевление – одним ударом истребляют самые вредные наклонности и уничтожают закоренелые привычки, как бы стирая, сжигая своим пламенем всю "прежнюю" историю человека, чтобы начать новую, под новым знаменем» [6, с. 155].

Глубокие чувства, сильные эмоции и яркие впечатления могут быть вызваны встречей с интересным человеком, обладающим харизмой.

Такие встречи были организованы в рамках нашего исследования.

Примером такой личности является Олимпийская чемпионка, одна из лучших спортсменок России, известный политик Татьяна Романовна Лебедева. Т. Р. Лебедева нашла возможность среди своего плотного графика прийти на встречу со студентами кафедры психологии. Она была очень искренна в ответах на вопросы, старалась поделиться своими мыслями, опытом победителя в спорте высших достижений, опытом политической деятельности, житейским опытом. Обаяние великой чемпионки покорило слушателей, и в то же время в этой хрупкой милой женщине чувствовалась железная воля, твердый характер. Встреча оставила яркие и глубокие впечатления у всех присутствующих и многих заставила задуматься о своих ближних и дальних целях, о роли личности в достижении высоких целей.

Еще одним примером харизматической личности стал подполковник внутренней службы в отставке, первый психолог в Главном управлении внутренних дел г. Волгограда и Волгоградской области. Сергей Семенович дважды участвовал в боевых действиях в Чечне, оказывал психологическую помощь в трудных жизненных ситуациях во время боевых действий. Он живо и интересно рассказывал о своей работе, жизненных ситуациях. Рассказ вызвал неподдельный интерес у студентов и преподавателей кафедры психологии. Несмотря на суровую службу, этот человек ежедневно находил возможность выучить новое стихотворение, посвящал свободное время разнообразным хобби. После встречи на протяжении долгого времени можно было слышать среди участников встречи обсуждения фрагментов встречи с этим замечательным человеком.

Большой интерес вызвала встреча обучающихся по направлению «Психология» ВолГУ и Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского с В. И. Корецким. Владимир Иванович Корецкий – удивительно разносторонний человек, без сомнения яркая, харизматическая личность. Этот человек является большим поклонником В. Высоцкого, автором песен на его стихи, исполнителем его песен. Владимир Иванович – крупный бизнесмен. Кроме этого он активно ведет работу с молодежью, воспитывая патриотизм, развивая способности к творческому самовыражению. Корецкий возглавляет Волгоградскую областную детскую общественную организацию яхт-клуб «ПАРУС» им. В. С. Высоцкого. Владимир Иванович Корецкий – отважный мореплаватель. На семи-

метровой парусной яхте В. И. Корецкий осуществил трансатлантический переход по маршруту: Волгоград – Новороссийск – Стамбул – Святой Афон – Пиреи – Мальта – Корсика – Картахены – Гибралтар – Мадейра – Бермудские острова – Нью-Йорк – Кливленд – Торонто. В экипаже яхты «Поларис» было всего 4 человека, включая четырнадцатилетнего сына Владимира Ивановича. В походе они были 107 суток, из которых на протяжении 64 суток отважные мореплаватели боролись со штормами силой от 2 до 9 баллов. В зоне волн-убийц, когда жизни команды угрожала гибель, Владимир Корецкий дал слово создать четыре храма по числу членов экипажа. Он выполнил свое обещание. Владимир Иванович с воодушевлением общался с молодежью, умело выстраивал общение, зажигал своим оптимизмом, духовной силой.

В процессе высшего образования можно много передать знаний и сформировать умений у обучающихся. Однако, на наш взгляд, такие встречи с замечательным человеком, харизматической личностью под девизом «Зажигайте сердца» способны одномоментно, как писал К. Д. Ушинский, преобразовать личность обучающегося, оставить глубокий след на всю жизнь, вызвать сильные чувства и подарить яркие впечатления.

Таким образом, в современных условиях российская элитарная школа может существовать, опираясь на талантливых и смелых педагогов и руководителей. Идея элитарности активизирует тайные духовные силы личности, на подсознательном уровне способствует преобразованию личности субъекта образовательного процесса и образовательного пространства в целом. Важнейшим методологическим основанием развития элитарной личности, харизматического лидера в пространстве элитарного образования являются современные исследования глубинных аспектов социального феномена харизмы в рамках прикладного психоанализа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ашин Г. К., Бережнова Л. Н., Карабущенко П. Л., Резаков Р. Г.* Теоретические основы элитологии образования. – М.: Академия, 1998.
2. *Вебер М.* Харизматическое господство // Психология и психоанализ власти: Хрестоматия / Д. Я. Райгородский. – Самара: Бахрах-М, 1999.
3. *Добрынина В. И., Кухтевич Т. Н.* Формирование интеллектуальной элиты в высшей школе. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
4. *Змановская Е. В.* Руководство по управлению личным имиджем. – СПб.: Речь, 2005.
5. *Змановская Е. В.* Современный психоанализ. Теория и практика. – СПб.: Питер, 2011.
6. *Ушинский К. Д.* Материалы к третьему тому «Педагогической антропологии». – М.: Просвещение, 1970.
7. *Фигуровская В. М.* Элитарное образование: научное содержание и теоретическое обоснование проблемы / Проблемы образования. Сб. научн. тр. – Новосибирск: НГАЭиУ, 1997.
8. *Черемисова И. В.* Психологические основы музыкально-творческого развития личности в образовательном процессе: дисс. … д-ра психол. наук. – Нижний Новгород: НГАСУ, 2011.
9. *Энкельман Н. Б.* Харизма. Личностные качества как средство достижения успеха в профессиональной и личной жизни / Пер. с нем. – М.: Интерэксперт, 2000.

МАТЬ, ОТЕЦ, РЕБЕНОК В СЛОЖНОЙ СИСТЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ

Шкурко Т. А.

В статье базовые социально-психологические потребности родителей (во включении, в контроле, в любви) рассматриваются в качестве фактора взаимоотношений в семье. В статье представлены результаты исследования супружеских пар и их детей–дошкольников, которое показало, что социально-психологические потребности матери и отца обусловливают параметры взаимодействия в парах «мать–ребенок» / «отец–ребенок», отношения матери / отца к семье, мужу / жене, отношения ребенка к матери / отцу.

Ключевые слова: *факторы отношений, взаимоотношения в семье, социально-психологические потребности, потребность в контроле, контролирующая личность.*

Одной из важнейших идей психоанализа, оказавших влияние на современную социальную психологию, психологию личности, психотерапию, медицинскую психологию, является идея о влиянии системы отношений с ближайшим окружением в раннем детстве на становление личности человека. Психоаналитически ориентированные психологи подчеркивают сложный характер взаимосвязей между психологическими особенностями ребенка и отношениями родителей к нему и друг к другу, особую роль социальных потребностей членов семьи в формировании системы отношений в семье. В знаменитой работе «Деструкция как причина становления» 1912 года Сабина Шпильрейн пишет: «Ребенок… играет пассивную роль по отношению к родителям; он должен бороться за любовь родителей и думать о том, чтобы возбудить их удовольствие: он должен себе представить, как его любят и сообразно этому представить себя в роли своих родителей. В более поздние годы девочка видит в матери свою соперницу, но также и «желаемую личность», которую она в этом качестве любит, также и мальчик в отце» [4, с. 17]. Концепция межличностных отношений В. Шутца [8] четко показывает связь удовлетворения / неудовлетворения базовых социально-психологических потребностей и формируемых на этой основе взаимоотношений человека с другими людьми: взаимоотношений в сфере социальных контактов (включения), власти и ответственности (контроля), близких эмоциональных отношений (любви).

Целью нашего исследования выступило изучение взаимосвязи между выраженностью социально-психологических потребностей родителей и особенностями взаимоотношений в семье. В качестве социально-психологических потребностей в нашей работе рассматриваются потребности, которые проявляются, формируются, удовлетворяются в процессе общения с другим человеком [5]. Мы обратились в своей работе к классификации потребностей В. Шутца [8], который выделяет потребности во включении, в контроле и в любви. В качестве взаимоотношений в семье в нашем исследовании рассматривались: 1) отношение матери / отца к ребенку, мужу / жене, семье; 2) отношение ребенка к маме, папе, семье; 3) особенности межличностного взаимодействия в парах «мать–ребенок» и «отец–ребенок». Была сформулирована следующая гипотеза: выраженность социально-психологических

потребностей родителей может обуславливать особенности взаимоотношений в семье. Эмпирическими задачами исследования выступили: 1) анализ взаимосвязей выраженности социально-психологических потребностей матери / отца и взаимоотношений в семье: отношений матери / отца к ребенку, мужу / жене, семье; отношение ребенка к маме, папе, семье; 2) анализ взаимосвязей выраженности социально-психологических потребностей матери / отца и параметров взаимодействия в парах «мать–ребенок» / «отец–ребенок».

Выборку исследования составили 22 полные семьи, имеющие от одного до трех детей: мужчины и женщины, состоящие в официальном браке, и один из их детей (первый или второй по рождению), которому на момент исследования было от 3 до 7 лет. Всего в исследовании приняло участие 66 человек: 22 женщины, 22 мужчины, 22 ребенка.

В исследовании были использованы следующие методы: 1. Опросник межличностных отношений В. Шутца (FIRO), адаптированный А. А. Рукавишниковым [3]. FIRO использован с целью диагностики выраженности базовых социально-психологических потребностей личности, представленных на уровне выраженного (e) и требуемого от других (w) поведения: потребности принадлежать к различным социальным группам, включаться в их деятельность (Ie); потребности контролировать других (Ce); потребности в близких отношениях (Ae); потребности в том, чтобы другие включали субъекта в свою деятельность (Iw); потребности в контроле (Cw) и любви (Aw) со стороны других людей. 2. Цветовой тест отношений А. М. Эткинда (краткий вариант) [1]. ЦТО использовался с целью изучения интенсивности эмоциональных, частично неосознаваемых отношений матерей / отцов к семье, мужу / жене, ребенку, а также изучения отношения ребенка к семье, маме и папе. 3. Анкета исследования особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия Е. И. Захаровой [2]. Использовалась для изучения особенностей материнской / отцовской чувствительности, отношений к ребенку и характера детско-родительского взаимодействия. Опросник содержит три блока: 1. Блок «Чувствительность»: 1) способность воспринимать состояние ребенка; 2) понимание причин состояния; 3) способность к сопереживанию. 2. Блок «Эмоциональное принятие»: 1) чувства, возникающие у матери во взаимодействии с ребенком; 2) безусловное принятие; 3) отношение к себе как к родителю; 4) преобладающий эмоциональный фон взаимодействия. 3. Блок «Поведенческие проявления эмоционального взаимодействия»: 1) стремление к телесному контакту; 2) оказание эмоциональной поддержки; 3) ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия; 4) умение воздействовать на состояние ребенка.

Для решения эмпирических задач исследования был применен корреляционный анализ Спирмена. Во-первых, обнаружено, что отсутствует взаимосвязь между выраженностью социальных потребностей матери и ее отношением к ребенку (этот показатель выражен в максимальной степени у всех исследованных матерей, средний балл 7,64), а также отношениями ребенка к ней и к своей семье.

Во-вторых, установлен ряд интересных взаимосвязей между выраженностью социально-психологических потребностей матери и отношениями матери (к мужу, семье) и ребенка (к отцу). Наибольшее количество взаимосвязей выявлено между выраженностью социально-психологических потребностей матери и эмоциональным, частично неосознаваемым отношением матери к семье: отношение к семье связано прямой пропорциональной связью с выраженностью у матери потребности во включении ($r = 0,569$); потребности в контроле со стороны других людей ($r = 0,624$); потребности в установлении близких эмоциональных отношений, в любви ($r = 0,430$).

Также обнаружено, что выраженность потребности матери в установлении близких эмоциональных отношений на уровне требуемого от других поведения (потребность в любви со стороны других людей) связана прямой пропорциональной корреляционной связью с интенсивностью отношения матери к своему мужу (партнеру). То есть матери, которые испытывают потребность в любви со стороны других людей (быть любимой), с большей степенью интенсивности относятся позитивно к своему мужу.

Обнаружена также парадоксальная, на первый взгляд, взаимосвязь: выраженности потребности в контроле других людей у матери (Ce) и отношением ее ребенка к отцу (r = –0,469). Дети «контролирующих» (берущих на себя ответственность, стремящихся принимать решения, контролирующих своего партнера) матерей менее позитивно относятся к своему отцу, эмоционально «отвергают» его.

В-третьих, из шести изученных социально-психологических потребностей матерей с параметрами эмоционального взаимодействия со своим ребенком связаны всего две: потребность во включении в различные социальные группы (Ie) и потребность в любви со стороны других людей (Aw – потребность быть любимой). Потребность во включении связана обратной пропорциональной связью с параметром «отношение к себе как к родителю». Чем более выражена эта потребность у матери (она стремится за пределы семейной ситуации и диадного взаимодействия со своим ребенком), тем с меньшей степенью позитивности она относится к себе как к родителю, менее принимает себя как мать.

Вторая из вышеназванных потребностей матери – потребность в любви со стороны других людей – имеет прямые пропорциональные корреляционные взаимосвязи с шестью параметрами эмоционального взаимодействия со своим ребенком, сгруппированными в блоки «чувствительность» («способность воспринимать состояние ребенка», r = 0,521; «понимание причин состояния», r = 0,531; «способность к сопереживанию», r = 0,518) и «поведенческие проявления эмоционального взаимодействия» («стремление к телесному контакту», r = 0,416; «ориентация на состояние ребенка при построении взаимодействия», r = 0,490; «умение воздействовать на состояние ребенка», r = 0,533). Таким образом, именно выраженность потребности в любви со стороны других людей матери задает социально-психологические особенности ее взаимодействия со своим ребенком. «Ищущая любви» мать более сензитивна к своему ребенку: она способна считывать эмоциональное состояние ребенка, понимать причины, которые привели к возникновению разнообразных эмоциональных состояний ребенка, она более способна к эмпатии. Также такая мать демонстрирует определенные поведенческие особенности: она стремится к телесному контакту со своим ребенком (чаще гладит по голове, берет ребенка на руки, обнимает и целует его), при построении взаимодействия с ним в большей степени ориентируется на эмоциональное состояние ребенка и умеет на него воздействовать (отслеживает эмоциональные состояния ребенка, может его успокоить, настроить на определенную деятельность и т. п.).

Обобщая полученные на выборке матерей данные, можно сделать следующие выводы: 1. Степень выраженности социально-психологических потребностей матери обусловливает эмоциональные, частично неосознаваемые личностью отношения матери к семье и партнеру, отношения ребенка к отцу, а также ряд параметров взаимодействия матери и ребенка. 2. Матери, имеющие высокий уровень выраженности потребности в установлении близких эмоциональных отношений со стороны других людей, с большей степенью интенсивности относятся позитивно к своему мужу (партнеру), демонстрируют высокий уровень чувствительности к своему ребенку, стремление к телесному контакту, ориентируются и умеют воздействовать на эмоциональное состояние ребенка при построении взаимодействия. 3. Матери, имеющие высокий уровень выраженности потребности во включении в различные социальные группы (стремление принадлежать к социальным группам, участвовать в их деятельности), в меньшей степени принимают свою родительскую позицию, менее позитивно оценивают себя как родителя. 4. Эмоциональное, частично неосознаваемое отношение женщин к своей семье обусловлено целым комплексом социальных потребностей: выраженностью потребностей во включении, в любви и в контроле со стороны других людей (в зависимости).

К данным, полученным на выборке отцов, аналогично описанной выше статистической процедуре, также был применен корреляционный анализ Спирмена. В целом, обнаружено гораздо меньшее количество взаимосвязей (всего четыре) между выраженностью социально-психологических потребностей мужчины и изученными параметрами отношений и взаимоотношений: 1) отношение мужчины к семье оказалось связанным прямой пропорциональ-

ной связью с выраженностью у него потребности во включении (r = 0,440); 2) потребность мужчины в контроле со стороны других людей (потребность в зависимости) связана обратной пропорциональной связью с интенсивностью отношения его ребенка к матери (r = –0,509); 3) потребность во включении в социальные группы со стороны других людей имеет прямую пропорциональную связь с таким параметром взаимодействия с ребенком, как «способность к сопереживанию» (r = 0,569); 4) потребность в контроле со стороны других людей имеет обратную пропорциональную взаимосвязь с параметром «стремление к телесному контакту» (r = –0,439).

Таким образом, высокую интенсивность положительного отношения к своей семье и у мужчин, и у женщин задает выраженность базовой социальной потребности во включении. Можно предположить, что, с одной стороны, актуализация этой потребности связана с установлением партнерами формального союза (заключением официального брака), с другой стороны, его сохранением.

Также обнаружена интересная закономерность: дети мужчин с выраженной потребностью в контроле со стороны других людей (склонных к зависимости от других) не принимают, эмоционально отвергают свою мать. И, наоборот, дети «независимых» отцов (у которых потребность в зависимости от других выражена в минимальной степени) с максимальной степенью интенсивности позитивно относятся к своей матери.

В целом, социально-психологические потребности отцов в меньшей степени, чем матерей, обусловливают параметры их взаимодействия со своим ребенком: телесный контакт со своими детьми поддерживают более «независимые» мужчины (с низкой степенью выраженности потребности в контроле со стороны других людей), большую чувствительность (способность к эмпатии) во взаимодействии со своим ребенком проявляют отцы с выраженной потребностью во включении (на уровне требуемого от других поведения).

Полученные данные говорят об особой роли потребностей в контроле / зависимости родителей в формировании отношений ребенка к матери и отцу, что расширяет представления о контролирующей личности, анализу которой посвящен ряд наших работ [6, 7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бодалев А. А., Столин В. В.* Общая психодиагностика. – М.: Изд-во МГУ, 1987.
2. *Захарова Е. И.* Исследование особенностей эмоциональной стороны детско-родительского взаимодействия // Психолог в детском саду. – 1998. – № 1. – С. 9–17.
3. *Рукавишников А. А.* Опросник межличностных отношений. – Ярославль: Психодиагностика, 1992.
4. Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: Сб. статей / Составитель Ф. Р. Филатов. – Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2004.
5. *Шкурко Т. А.* Концепция отношений личности // Социальная психология личности в вопросах и ответах: учебное пособие под ред. В. А. Лабунской. – М.: Гардарики, 1999. – С. 129–142.
6. *Шкурко Т. А.* Отношения к «своим / чужим», «близким / далеким» жителей городов разного типа // Социальная психология и общество. – 2013. – № 4. – С. 81–94.
7. *Шкурко Т. А.* Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 177–184.
8. *Schutz W.* FIRO: A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. – N.Y.: Rinehart, 1958.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ КОНТРОЛЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О КОНТРОЛЕ В БЛИЗКИХ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Шкурко Т. А.,
Ломова М. А.

В статье приведены результаты исследования, в котором была выявлена гендерная специфика представлений о контроле партнера в близких эмоциональных отношениях мужчины и женщины. В работе обсуждается вопрос, являются ли обнаруженные различия следствием гендерных норм, содержащихся в гендерных схемах поведения и выражающихся в гендерном разделении социальных ролей, либо вытекают из специфики проявления базовых социальных потребностей у мужчин и женщин, являющихся одним из важнейших факторов социального поведения. В работе показано, что не глубинные социальные потребности предписывают мужчинам контролировать своего партнера, как следует из классической психоаналитической модели межличностных отношений, а гендерные схемы «мужского» и «женского» поведения, являющиеся социально и культурно обусловленными.

Ключевые слова: *психоанализ, контроль, потребность в контроле, контролирующее поведение, контролирующая личность, отношения, близкие эмоциональные отношения, факторы отношений, гендерные схемы, гендерные ожидания.*

Центральное место в психоаналитической концепции межличностных отношений [14] занимает идея о существовании трех базовых межличностных потребностей: потребности во включении, в контроле и в любви, способ удовлетворения которых складывается в раннем детстве и определяет в дальнейшем социальное поведение человека. Потребность в контроле представляет собой стремление контролировать свое окружение, принимать решения, брать на себя ответственность. На ее основе во взрослой жизни человека возникают уважение и ответственность. В результате удовлетворения / неудовлетворения / неадекватного удовлетворения потребности в контроле в раннем детстве ближайшим окружением человека у него формируются следующие типы поведения: абдикратическое (тенденция к подчинению, отказ от власти); автократическое (тенденция к доминированию, поиск власти); демократическое (гибкое поведение в сфере контроля).

Данная модель часто используется при анализе формирования и динамики близких эмоциональных отношений. Так, Л. Бурбо [1] рассматривает потребность в контроле как следствие травмы предательства в раннем детстве. В зрелом возрасте актуализация потребности в контроле является следствием нарушения доверительных отношений со значимыми другими, неоправданности надежд в сексуальной и любовной сферах, в результате воздействия партнера–манипулятора. Дж. Рейнуотер [7] рассматривает потребность в контроле над своим партнером как характеристику женщин, которые в детстве постоянно испытывали чувство ненадежности. В известной работе К. Хорни [9] показано, что чрезмерный контроль, так же как и его отсутствие, приводят к обеднению эмоциональной жизни человека, деформации его отношений с другими людьми, психоэмоциональной дезадаптации. Проблематика контроля, контролирующего поведения ста-

новится центральной при анализе социально-психологических причин различных видов зависимостей – алкоголизации, наркомании, трудоголизма и т. п. Например, обнаруживается, что за многими зависимыми мужчинами стоит контролирующая женщина (мать, жена, дочь) [6]. Также интерес исследователей вызывает личность руководителей – мужчин и женщин, которым по роду своей деятельности приходится контролировать других людей. Переносят ли они свой опыт контроля других людей в сферу любовных / семейных отношений? В исследовании О. В. Котомановой [4] показано, что главным фактором успешной деятельности женщины–руководителя является самостоятельность мужа и детей. Таким образом, женщина–руководитель «снимает» с себя контролирующую роль в быту. Если же члены семьи не справляются без ее вмешательства, женщине приходится делать выбор между успешной карьерой и сохранением семьи.

Современные исследования факторов выбора партнерами друг друга, особенностей динамики их взаимоотношений [2, 3, 4, 5, 10, 11] показывают, что они обусловлены многочисленными биологическими, психологическими, территориально-пространственными, социо- и этнокультурными, социально-психологическими факторами, в том числе гендерными предписаниями, ожиданиями, схемами и стереотипами. Д. В. Воронцов подчеркивает, что «отличительными психологическими признаками “мужского” и “женского” поведения почти всегда оказываются не природные, а социальные качества личности: групповой статус и связанные с ним отношения власти (доминирование / подчинение), исполняемые социальные роли (материнство / отцовство), уровень и вид социальной активности (активность / пассивность; профессиональная деятельность / домашняя работа)» [2, с. 32].

Целью нашего исследования являлось выявление гендерной специфики представлений о контроле другого в партнерских отношениях. Нас интересовали гендерные особенности типов поведения в ситуации контроля; особенности оценивания контроля как фактора партнерских отношений; частота контроля партнера со стороны женщины и мужчины; гендерная специфика ситуаций, в которых контроль другого приемлем в партнерских отношениях. Для решения поставленных эмпирических задач нами была разработана анкета «Представления о контроле другого в партнерских отношениях». Выборка исследования составила 76 человек, все – жители г. Ростова-на-Дону: 24 мужчины и 52 женщины, в возрасте от 18 до 68 лет. Обработка данных осуществлялась с помощью методов описательной статистики и контент-анализа.

В результате проведенного исследования были получены следующие результаты. Большинство мужчин (42 %) оценивают контроль в партнерских отношениях как положительное явление, в то время как большинство женщин (46 %) демонстрирует гибкую позицию, считая, что оценить контроль другого можно только в зависимости от ситуации. И мужчины, и женщины характеризовали контролирующую личность как властную, доминирующую, авторитарную, неуверенную в себе и лишенную доверия к другим людям. При анализе определений контроля, данных респондентами при ответе на вопрос «Контроль в отношениях мужчины и женщины – это…», были выделены 14 основных вариантов ответов: 1) норма в отношениях; 2) отсутствие доверия; 3) оберегание партнера, забота; 4) требование открытости от партнера; 5) диктаторство одного из партнеров, ограничение свободы другого; 6) плохая, отрицательная, лишняя черта отношений; 7) влияние партнеров друг на друга, составление договоров и их исполнение; 8) неизбежный фактор отношений; 9) результат болезненного опыта; 10) ревность; 11) путь к разрушению отношений; 12) отсутствие любви; 13) манипулирование другими; 14) самоконтроль. Наиболее частый вариант ответа у мужчин (29 %) – «контроль это норма», у женщин (33 %) – «отсутствие доверия к партнеру».

Большинство опрошенных участников исследования считает, что и мужчины, и женщины в равной степени склонны к контролю над своим партнером (так считают 67 % мужчин и 62 % женщин). При этом частота собственного контроля партнера, оцененная по шкале: «постоянно–часто–иногда–редко–никогда», различается у мужчин и женщин. Ответы большинства мужской выборки сосредоточены на степени интенсивности «часто–иногда»

(33 % / 33 % соответственно), большинство женской выборки отмечают интенсивность «иногда–редко» (35 % / 35 %). Крайние варианты, а именно «постоянно» и «никогда», одинаково редки и для женской, и для мужской выборок.

Перечень жизненных ситуаций, в которых респонденты контролируют своего партнера, представлен в следующих вариантах: 1) во всех; 2) в бытовых; 3) в общих покупках; 4) в совместной деятельности; 5) когда сомневаюсь в результате его поступков; 6) когда мы не вместе; 7) когда он уходит гулять с друзьями; 8) когда знаю, что больше осведомлен(-а) в каком-то вопросе; 9) когда он находится в обществе людей другого пола; 10) когда волнуюсь за него; 11) в личных контактах; 12) в денежных расходах; 13) когда есть основания для недоверия; 14) когда меня не устраивает его отношение ко мне. Большинство мужчин (21 %) склонны контролировать партнера в бытовых ситуациях; большинство женщин отмечают две основные ситуации контроля: ситуация волнения за партнера (21 %) и ситуация, когда существуют веские причины для недоверия (21 %).

Таким образом, в результате исследования была выявлена гендерная специфика представлений о контроле другого человека в близких эмоциональных отношениях между мужчиной и женщиной: 1) мужчины оценивают контроль в отношениях позитивно, женщины считают, что оценка этого явления в отношениях зависит от ситуации взаимодействия; 2) обнаружены различия в ситуациях контроля: мужчины контролируют женщину в разнообразных жизненно-бытовых ситуациях, женщины – в ситуации волнения за партнера и тогда, когда существуют веские причины для недоверия; 3) мужчины определяют контроль в партнерских отношениях как норму, женщины – как отсутствие доверия партнеру; 4) мужчины чаще контролируют своего партнера, чем женщины.

Возникает вопрос – являются ли обнаруженные различия следствием гендерных норм, содержащихся в гендерных схемах поведения и выражающихся в гендерном разделении социальных ролей [2], либо вытекают из специфики проявления базовых социальных потребностей, являющихся одним из важнейших факторов социального поведения человека [14]? Логичным было бы предположить, что в основе выявленных в нашем исследовании различий оценок, сфер и интенсивности контроля в партнерских отношениях у мужчин и женщин лежит выраженность базовых социальных потребностей в контроле других и контроле со стороны других людей (в зависимости).

В исследованиях Т. А. Шкурко, посвященных разработке теоретической модели контролирующей личности и ее эмпирической проверке [12, 13], была предпринята попытка выявить значимые различия в выраженности потребности в контроле на уровне демонстрируемого (потребность контролировать других самому) и требуемого от других поведения (потребность в контроле со стороны других людей) у мужчин и женщин, и описать социально-психологический портрет контролирующей (-его) / зависимой (-ого) женщины (мужчины). В исследовании обнаружен парадоксальный, на первый взгляд, факт, а именно: между показателями выраженности потребности в контроле себя и других людей у мужчин и женщин нет значимых различий, при этом потребность в контроле со стороны других людей у мужчин выражена значимо сильнее, чем аналогичная потребность у женщин (ур. зн. = 0,006). Проведенное исследование позволило автору сделать следующие выводы: 1) между мужчинами и женщинами нет значимых различий в выраженности потребности в контроле других людей, которая проявляется в межличностном общении через принятие на себя ответственности: и у мужчин, и у женщин эта потребность выражена достаточно высоко; 2) для мужчин характерна обратная взаимосвязь показателей выраженности потребности в контроле на уровне выраженного и требуемого от других поведения: мужчины с экстремальной потребностью в контроле избегают контроля со стороны других, с выраженной потребностью в зависимости – избегают принятия решения и взятия на себя ответственности; 3) для женщин по сравнению с мужской выборкой более характерной является потребность в избегании контроля со стороны других людей; 4) когда мы говорим о личности с экстремально выраженной потребностью в зависимости, то мы говорим скорее о мужчине, а не о женщине.

Таким образом, можно заключить, что не глубинные социальные потребности предписывают мужчинам контролировать своего партнера, как следует из классической психоаналитической модели межличностных отношений В. Шутца, а гендерные схемы «мужского» и «женского» поведения, являющиеся социально и культурно обусловленными. Подобную интерпретацию, при этом являющуюся исключительно психоаналитической, мы находим в знаменитой работе Сабины Шпильрейн 1912 года «Деструкция как причина становления»: анализируя психоаналитические представления о любви по мужскому и женскому типам, она пишет, что мужчина имеет «активную задачу завоевания женщины» [7, с. 16], женщина же – «должна завлечь мужчину» [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бурбо Л.* Пять травм, которые мешают быть самим собой. – Москва: София, 2013.
2. *Воронцов Д. В.* Гендерная психология общения. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008.
3. *Зинченко Е. В.* Самораскрытие и психическое здоровье личности // Известия ЮФУ. Технические науки. – 2005. – № 7 (51). – С. 98–99.
4. *Котоманова О. В.* О равных правах и возможностях руководителей (мужчин и женщин) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып. 5: Психология, социальная работа. – С. 130–134.
5. *Макарова Н. Г.* Половые и гендерные различия мужчин и женщин, особенности их изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: психология и педагогика. – 2007. – С. 40–43.
6. *Норвуд Р.* Надо ли быть рабой любви? – М.: Мирт, 1994.
7. *Рейнуотер Дж.* Это в ваших силах. Как стать собственным психотерапевтом. – М.: Прогресс, 1992.
8. Сабина Шпильрейн: над временем и судьбой: Сб. статей / Составитель Ф. Р. Филатов. – Ростов н/Д: Мини-Тайп, 2004.
9. *Хорни К.* Невротическая личность нашего времени. Самоанализ. – М.: Издательская группа «Прогресс»–«Универс», 1993.
10. *Хоч Н. С., Штепа Н. А.* Молодое поколение России: особенности гендерных трансформаций личности мужчин и женщин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – Выпуск 1. – С. 131–134.
11. *Царикевич Н. В.* Концепты «идеальный мужчина» и «идеальная женщина» в текстах русских и немецких брачных рекламных объявлений // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Спец. выпуск по филологии. – Ростов н/Д. – 2006. – С. 87–92.
12. *Шкурко Т. А.* Контролирующая личность как объект социально-психологического исследования // Северо-Кавказский психологический вестник. – 2003. – № 1. – С. 90–99.
13. *Шкурко Т. А.* Социально-психологические особенности личности с выраженной потребностью в контроле себя и других людей // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 349. – С. 177–184.
14. *Schutz W.* FIRO: A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. – New York, 1958.

ВЛИЯНИЕ ИДЕИ САБИНЫ ШПИЛЬРЕЙН НА РАЗВИТИЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Глушко Н. И.

Наша соотечественница С. Н. Шпильрейн внесла огромный вклад в развитие психоаналитической теории. Ее идея об одновременном существовании сексуального влечения и влечения к разрушению или уничтожению жизни во многом изменила представления о психоаналитической теории. Предположение С. Н. Шпильрейн послужило основой для создания З. Фрейдом теории влечения к смерти.

Ключевые слова: *деструкция, теория влечения, влечение к смерти, агрессия, психоанализ, сексуальное влечение.*

Знаменитый психоаналитик З. Фрейд, основоположник теории влечения к смерти, начав свою лечебную практику, впоследствии предположил, что под покровом нашего сознания в глубинах подсознания скрывается внушительный неизведанный, неосознаваемый личностью пласт наших стремлений, желаний и влечений, подавляемых нашим сознанием. В процессе своей практической деятельности З. Фрейд пришел к выводу, что подавление неосознаваемых переживаний, желаний, влечений может серьезно отразиться на качестве жизни человека, стать причиной неврозов, а также нервно-психических заболеваний. Изначально З. Фрейд считал, что сексуальное влечение является основным, и как бы человек ни пытался подавить свое сексуальное влечение, оно все равно найдет выход наружу в виде неврозов, повышенного уровня агрессии или каких-либо соматических проявлений. З. Фрейд противопоставлял сексуальному влечению влечение самосохранения. Позднее З. Фрейд обратил свое внимание на другие базовые влечения: влечение к жизни и влечение к смерти. Он так же сопоставил их между собой, однако не отказавшись от идеи о том, что сексуальное влечение также является основным. З. Фрейд всегда придерживался дуалистической модели свой теории, постоянно трансформируя ее [3, с. 384].

Значительный вклад в развитие психоаналитической теории, как в Европе, так и в России, внесла наша, к сожалению, малоизвестная какое-то время в России соотечественница, пациентка К. Г. Юнга, которая впоследствии стала его ученицей – С. Н. Шпильрейн. Ее имя надолго было забыто даже в городе Ростове-на-Дону, где она родилась. «Внимание к работам С. Шпильрейн обусловлено… действительной значимостью ее исследований как для русского, так и для европейского психоанализа в целом» [1, с. 3–8]. Она была одной из первых, кто осмелился выдвинуть идею о существовании влечения к смерти, которое может действовать во благо жизни и развития человека. В своей статье «Деструкция как причина становления» она пишет: «Смерть сама по себе ужасна, смерть на службе сексуального инстинкта, т. е. как его разрушающая составляющая, ведущая к становлению, приносит благо» [4, с. 1–26]. Предположение С. Н. Шпильрейн о существовании деструктивного влечения коренным образом повлияло на последующее развитие психоанализа, оно привело к изменению основы существующей в то время психоаналитической теории. Поэтому в своей статье Ю. Р. Вагин пишет, «что первый крупный камень в фундамент теории влечения к смерти был взят из научной каменоломни российского биолога

и заложен в теорию психоанализа еврейской женщиной» [2, с. 43–48].

Суть идеи Сабины Николаевны Шпильрейн заключалась в том, что одновременно с сексуальным влечением существует разрушительная сила, деструкция – влечение к разрушению, к уничтожению жизни. В 1909 г. в своем дневнике она делает важную для истории развития психоаналитической теории запись: «Демоническая сила, сущностью которой является разрушение (зло) – в то же время и есть творческая сила, потому что из разрушения двух индивидов появляется новый индивид. Это и есть сексуальное влечение, которое по своей природе есть влечение к разрушению, влечение индивида к уничтожению себя».

Свои мысли о существовании деструктивного влечения впервые С. Н. Шпильрейн представила на заседании Венского аналитического общества в 1912 г., но в тот момент они была восприняты негативно, особенно со стороны З. Фрейда, основоположника психоаналитической теории. На следующем заседании, проводившемся в ноябре 1912 г., она подняла вопрос о существовании инстинкта смерти, сославшись на работу И. И. Мечникова, который в своем трактате «Этюды о природе человека» предположил, что инстинкт смерти «гнездится в глубине человеческой природы в скрытом состоянии». З. Фрейд упрекал С. Шпильрейн за то, что она пытается обосновать теорию инстинктов, опираясь на биологические представления, хотя его собственная теория влечений также строилась на границе двух наук: биологии и психологии [2, с. 43–48].

С. Шпильрейн пишет: «При оплодотворении происходит объединение женских и мужских клеток. Каждая клетка при этом уничтожается как обособленная единица, а из продуктов уничтожения возникает новая жизнь. Некоторые живые существа, например мухи–поденки, вместе с порождением нового поколения теряют свою жизнь и умирают. Рождение новых особей одновременно предвещает им гибель, которая сама по себе является самым ужасным для всего живого. Если эта смерть приносится в жертву новому творению, тогда она желательна индивидууму. У более организованных индивидуумов, состоящих уже не из одной-единственной клетки, само собой разумеется, что в сексуальном акте будет уничтожаться не весь индивидуум, а только половая клетка, которая в качестве особой единицы является отнюдь не безразличным для организма элементом – она находится в глубочайшей связи со всей жизнью индивидуума. Эта клетка в концентрированной форме содержит в себе всего производителя, влияние которого она постоянно испытывает на себе и на которого она со своей стороны сама оказывает постоянное влияние» [4, с. 1–26]. На этом примере хорошо видно, что без деструкции невозможно становление, без разрушения невозможно развитие.

Сабина Николаевна Шпильрейн не противопоставляет сексуальное влечение деструктивному, а наоборот, она находит деструктивный компонент в сексуальном влечении. Она описывает связь представлений о смерти и сексуальных желаний: «Инстинкт сохранения вида по своей сути амбивалентен; поэтому возбуждение положительной составляющей вызывает одновременно возбуждение отрицательной и наоборот» [4, с. 1–26].

Она соглашается с К. Г. Юнгом, который немного ранее в своей работе «Либидо, его метаморфозы и символы» излагает следующую мысль: «Давать жизнь другим – значит разрушать самого себя, т. к. с возникновением следующего поколения поколение предшествующее перешло высший путь своего развития; так наши потомки становятся опаснейшими врагами для нас; мы не можем с ними справиться, т. к. они нас переживут и потом наверняка вырвут власть из наших обессиленных рук» [5, с. 282]. Подобная мысль была написана и самой С. Н. Шпильрейн в ее работе «Деструкция как причина становления»: «Акт порождения сам заключается в самоуничтожении» [4, с. 1–26].

В своей работе «Эрос невозможного. История психоанализа в России» А. Эткинд предполагает, что открытие, которое сделала С. Шпильрейн, было получено как результат ее сложных отношений с К. Г. Юнгом. Подтверждением этого предположения может явиться текст ее письма, адресованного К. Юнгу вместе со своей работой «Деструкция как причина становления»; она пишет: «Дорогой мой! Получи дитя нашей любви… Это исследование значит для меня больше, чем жизнь» [2, с. 43–48].

Только через несколько лет на основе идеи С. Н. Шпильрейн и собственноручно собранных клинических материалов З. Фрейд развил самостоятельную теорию о деструктивном влечении. З. Фрейд долго не решался на это, и, как написал И. Ялом, проанализировав работы З. Фрейда, он долгое время просто пытался не замечать его, таким образом избегая тематики смерти.

Впервые в 1908 г., когда А. Адлер выдвинул идею о существовании агрессивного влечения, З. Фрейд отказался согласиться с его мыслями, несмотря на то, что очень внимательно с ней ознакомился: «Я не могу решиться признать особое агрессивное влечение наряду и на одинаковых правах с известными нами влечениями самосохранения и сексуальными». З. Фрейд считал, что агрессия является неотъемлемым компонентом любого влечения, т. к. она является активной направляющей компонентой в достижении цели. Он длительное время не решался согласиться со смелым предположением С. Н. Шпильрейн, «что наряду с сексуальным влечением существует влечение к разрушению и уничтожению жизни».

Только в 1923 г. основатель психоанализа смог окончательно сформулировать свои важнейшие выводы относительно действия «в каждой живой субстанции» «двух видов первичных позывов». З. Фрейд не хотел верить в идею о влечении к смерти и отрицал возможность ее существования, а потом длительное время колебался, сомневаясь в том, что оно действительно есть. Он даже написал: «Меня могли бы спросить, убежден ли я сам, и в какой мере, в развитых здесь предположениях. Ответ гласил бы, что я не только не убежден в них, но и никого не стараюсь склонить к вере в них. Правильнее сказать, я не знаю, насколько я в них верю» [2, с. 43–48].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бушмакина О. Н.* Самоопределение индивидуального бытия в психоанализе С. Шпильрейн: влечение и деструкция // Вестник Удмуртского университета. Философия. Социология. Психология. Педагогика. – 2012. – Вып. 4. – С. 3–8.
2. *Вагин Ю. Р.* Теория деструктивного влечения Сабины Шпильрейн // Суицидология. – 2012. – Вып. 1. – С. 43–48.
3. *Вагин Ю. Р.* Трифоанализ. Том 1. – Пермь: ПОНИЦАА, 2003. – 384 с.
4. *Шпильрейн С. Н.* Деструкция как причина становления // Логос. Философско-литературный журнал. – 1994. – С. 26.
5. *Юнг К. Г.* Либидо, его метаморфозы и символы. – СПб., 1994. –282 с.

САБИНА ШПИЛЬРЕЙН НА ПЕРЕПУТЬЕ ПСИХОАНАЛИЗА: ФРЕЙД И/ИЛИ ЮНГ?

Филатов Ф. Р.

В статье приводится характеристика центральной работы в научном наследии С. Н. Шпильрейн – «Деструкция как причина становления» (1912). Эта классическая работа одного из пионеров психоанализа рассматривается как оригинальная попытка интегрировать идеи К. Г. Юнга и З. Фрейда на новой теоретической основе. Автор анализирует концепцию деструкции С. Н. Шпильрейн как научную альтернативу концепции З. Фрейда о влечении к смерти и, одновременно, как предвосхищение концепции коллективного бессознательного К. Г. Юнга.

Ключевые слова: *Шпильрейн, Юнг, Блейлер, Фрейд, психоанализ, деструкция.*

Научное наследие и биография Сабины Шпильрейн последние три десятилетия находятся в фокусе кропотливого изучения, привлекая внимание психологов и историков разных стран. После того как в 1977 г. в подвале Женевского Института Жан-Жака Руссо были обнаружены ее архивы, а в 1980 г. вышла в свет монография итальянского исследователя Альдо Каротенуто «Дневник тайной симметрии. Сабина Шпильрейн между Юнгом и Фрейдом» [1], эта выдающаяся женщина постепенно заняла свое достойное место в ряду ключевых фигур психоаналитического движения.

Сабине Николаевне Шпильрейн (25 октября / 7 ноября 1885–11 или 12 августа 1942) суждено было стать одной из первых женщин–психоаналитиков, ученицей и коллегой Карла Густава Юнга (с которым ее связывали психотерапевтические и эмоционально-значимые отношения), Ойгена Блейлера и Зигмунда Фрейда [1, 2]. Активная участница международного и российского психоаналитического движения, она – редкий случай! – смогла соединить в своем научном мировоззрении и наследии идеи двух антагонистов–патриархов глубинной психологии, К. Юнга и З. Фрейда, поддерживая отношения с обоими в период их разрыва и конфронтации, когда психоанализ оказался расколот на противоборствующие лагеря.

С. Шпильрейн традиционно провозглашается предшественницей фрейдовской концепции влечения к смерти: согласно распространенной точке зрения, то, что ей удалось интуитивно и недостаточно ясно выразить в уже ставшей классической статье «Деструкция как причина становления», позднее переосмыслил и четко сформулировал отец–основатель психоанализа. При таком взгляде работа С. Шпильрейн – лишь заготовка, предварительный и «сырой» вариант основных психоаналитических постулатов, касающихся проблематики первичных влечений. Однако, по нашему мнению, упомянутая статья стала оригинальной и уникальной в своем роде попыткой синтеза основополагающих идей З. Фрейда и К. Юнга, определивших последующее развитие глубинной психологии и психодинамической терапии. Оказавшись на «перепутье психоанализа», С. Шпильрейн смогла соединить теоретические подходы своих великих учителей (которые вскоре были признаны несовместимыми), во многом предвосхитив их будущие открытия.

В работе о деструкции С. Шпильрейн исследует проблематику разрушительных импульсов

в принципиально иной перспективе, нежели З. Фрейд, восемь лет спустя предложивший (под ее влиянием) понятие «влечение к смерти». При этом показательно, что С. Шпильрейн остается в поле фрейдовской терминологии и методологии, по-своему развивая теорию влечений. Концепция влечения к смерти получает завершенность в программной статье З. Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия» [3], где наиболее развернуто и аргументированно изложены идеи об исконном консерватизме первичных влечений, об их регрессивной направленности, иными словами, о неосознаваемом инстинктивном стремлении к восстановлению исходных, прежде бывших состояний. Именно здесь З. Фрейд, вопреки сложившемуся убеждению, что все живое стремится к изменению и развитию, констатирует «консервативную природу живущего»; он определяет *влечение* как «*наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния*», как «*выражение косности в органической жизни*» **[3].** Наконец, в этой работе мы находим парадоксальный вывод: в конечном итоге, «целью всякой жизни является смерть», поскольку «неживое было раньше, чем живое» [3].

С. Н. Шпильрейн, предвосхищая З. Фрейда, но при этом мысля в принципиально ином ключе, предлагает различать два основных инстинкта: инстинкт самосохранения и инстинкт сохранения вида [4]. Первый из них прост по структуре и консервативен, т. к. направлен на сохранение индивида в уже имеющемся наличном состоянии. Второй преследует цель сохранения рода путем постоянных изменений и новообразований, независимо от эгоистических желаний индивида и его стремления к устойчивости. Инстинкт сохранения рода имеет сложную двухкомпонентную структуру; в нем эротическое влечение неотделимо от деструкции. Таким образом, этот инстинкт амбивалентен по своей природе, т. е. включает в себя как отрицательные, так и положительные (с точки зрения Эго) компоненты. Биологический смысл и предназначение деструктивных импульсов, согласно С. Шпильрейн, – уничтожение старого состояния ради возникновения нового, разрушение, обеспечивающее трансформацию, «воскрешение» индивида в новой форме [4]. Любое развитие осуществляется путем дестабилизации и деструкции. А поскольку род человеческий может сохраниться, только постоянно развиваясь и эволюционируя, разрушение есть необходимый элемент жизни, «причина становления». Деструкция, таким образом, выступает в качестве креативного эволюционного принципа, как центральный фактор «творческой эволюции» всего живого.

Далее, рассматривая случаи dementia praecox (шизофрении) с их характерной символикой, С. Шпильрейн приходит к заключению, что душевная жизнь психотических пациентов определяется борьбой между двумя антагонистическими стремлениями – «*Я-души*» и «*родовой души*» [4]. Психопатология в заостренной и гипертрофированной форме показывает нам общую закономерность: здесь оказываются конфликтующими две основные тенденции психического функционирования как такового. Я-душа стремится к сохранению индивида в его актуальном дифференцированном состоянии, в котором превалируют Я-отношения и Я-представления. Именно с устойчивостью Я, сохранением дифференцированных психических содержаний и с возможностью самоутверждения связывается у С. Шпильрейн переживание удовольствия (а не со снижением уровня возбуждения, как у З. Фрейда). В то же время «душа рода» характеризуется тенденцией к ассимиляции, растворению индивидуальных представлений в безлично типичных, родовых, к замене дифференцированного Я-сознания «унаследованными и всеобщими формами мышления» [4]. Эго противится такой аннигиляции индивидуально-специфичного, что и выражается в чувстве неудовольствия. Иными словами, душевная жизнь есть борьба или, точнее, диалектика единичного и всеобщего, и пациент–психотик переживает эту борьбу наиболее болезненно и обостренно [4].

Этот тезис служит очевидным предвосхищением более поздних идей К. Г. Юнга: 1) о коллективном бессознательном как особом измерении психики; 2) об архетипах как «унаследованных и всеобщих формах» психического; 3) о захваченности Эго архетипом (что К. Юнг иллюстрировал, обращаясь к историческим фактам коллективной психопатологии – массовым психозам) и т. д. Фактически, эпохальная статья С. Шпильрейн о деструкции служит

мостом от фрейдовской концепции влечений к юнговской концепции архетипов коллективного бессознательного. Она содержит в свернутом виде альтернативную историю развития психоаналитических идей и концептов, показывая, в каком направлении могла бы развиваться интегрированная теория бессознательного психического в том случае, если бы ее творцы не сделались однажды непримиримыми противниками и оппонентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Carotenuto A.* A Secret Symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud. – New York: Pantheon Books, 1982.
2. *Etkind A. Eros of the Impossible: The History of Psychoanalysis in Russia. – Boulder, CO: Westview Press, 1997. – P. 172.*
3. *Freud S.* Beyond the Pleasure Principle. *Editorial Preface by* Ernest Jones. *Translated by C. J. M. Hubback // URL:* Bartleby.com. Retrieved May 23, 2013.
4. *Spielrein S. Destruction as the Cause of Coming into Being // Journal of Analytical Psychology. – 1994. – 39. – pp. 155–186.*

Akimenko D. A.

Sabina Spielrein. Milestones in the Life of the Famous Resident of Rostov-on-Don

This work is devoted to the biography of Sabina Nikolaevna Spielrein. The basic moments of life of Sabina Nikolaevna and her scientific works are reflected in the article. A role in a psychoanalysis that was played by S. N. Spielrein is described. Different parties of her personality got in focus of attention. Sabina Nikolaevna is described and as a psychoanalyst, and as a woman with not simple, tragic fate. Her relations with Carl Jung and Sigmund Freud are described in the article, then, as their looks changed on an occasion of S. N. Spielrein: firstly her perception in a role of patient, and then as a student and even colleague. This work invokes to remind, that the contribution of this woman to psychological science is great enough, and we have no authority to forget about her figure in history of psychoanalysis.

Keywords: *Sabina Spielrein, psychotic hysteria, Burgheltsli, Jung, associative experiment, Freud, destruction, psychoanalysis, Russian Psychoanalytical Society, P. N. Sheftel.*

REFERENCES

1. Richebacher S. *Sabina Spielrein: Pochti gestokaya lubov' k nauke* [Sabina Spielrein: Almost fierce love to science]. Rostov-on-Don, Feniks, 2007.
2. Filatov F. R. *Sabina Spielrein: nad vremenem i sud'boy* [Sabina Spielrein: over the time and destiny]. Rostov-on-Don, Mini Taip, 2004.
3. Filatov F. R. Dve al'ternativnie teoriy vlecheniy v teorii istorii psihoanaliza [Two alternative drive theories in the history of psychoanalysis]. *Psihoanaliticheskij vestnik – Psychoanalytic Bulletin*, 2003, no. 11.
4. Spielrein S. Psyhoanaliticheskie trudy [Psychoanalytic writings]. *Per. s angl., nem. i franc. pod nauch. red. S. F. Sirotkina, E. S. Morozovoj – Ed. from English, German and French under the Scientific Ed. of S. F. Sirotkin, E. S. Morozova*. Izhevsk, PH ERGO, 2008.

Barsukova O. V.

Scientific Way of Sabina Spielrein as a Subject of Biographic Research

This paper presents the results of a preliminary analysis of the scientific way of S. N. Spielrein. S. Spielrein is widely regarded as an innovator of several directions of psychoanalysis – destructive desire, child psychoanalysis, the study of thought and speech, the psychology of women, the combination of psychoanalysis with other methods of psychology.

Keywords: *biographical analysis, scientific way, life position, personal characteristics, motivation of scientific activity, the success of scientific activities.*

REFERENCES

1. Barsukova O. V. Sravnitel'nyj analiz biografij kul'tovyh zhenshhin nauki, iskusstva, biznesa: protivostojanie gendernym stereotipam [Comparative analysis of biographies of iconic women of science, art and business: opposition to gender stereotypes]. *Gendernye praktiki: opisanie, refleksija, interpretacija. Materialy V Mezhdunarodnoj mezhvuzovskoj konferencii molodyh issledovatelej "Gendernye praktiki: tradicii i innovacii" (10–12 nojabrja 2005 g.) / Otv. red.: T. A. Meleshko, I. I. Jukina – Gender practices: description, reflection, interpretation. Proceedings of the V International Conference for Young Researchers "Gender Practice: Tradition and Innovation" (10–12 November, 2005) / Ed. of T. A. Meleshko, I. I. Jukina*. SPb., Alina, 2007, pp. 45–52, 161 p.
2. Korzhova E. Ju., Barsukova O. V., Bujanova M. V. Teoretiko-metodologicheskoe obosnovanie analiza motivacii nauchnoj dejatel'nosti uchenyh-gumanitariev [Theoretical and methodological basis of the analysis of the motivation of humanities-scholars' scientific activity]. *Mezhkul'turnoe vzaimodejstvie. Formirovanie edinogo nauchno-obrazovatel'nogo prostranstva – Interculturality. Formation of a Unified Scientific and Educational Space*. SPb.: Intersocizd, 2005, pp. 125–133.
3. Lotan Cvi (Genri) V zashhitu Sabiny Shpil'rejn. Per. s angl. S. S. Pankova [In defense of Spielrein. Trans. from English of S. S. Pankov]. *Vestnik Psihoanaliza – Bulletin of Psychoanalysis*, 2000, no. 2, pp. 22–44.
4. Rihebeher S. Sabina Spielrein: "pochti zhestokaja ljubov' k nauke" (biografija) [Sabina Spielrein: "almost fierce love to science" (biography)]. Rostov-on-Don, Feniks, 2007, 413 p.
5. Stepanov S. *Psihologija v licah. Sabina Spielrein* [Psychology in Faces. Sabina Spielrein]. URL: http://bookap.info/clasik/stepanov_psihologiya_v_litsah/gl28.shtm

6. Shtefan I. *Sabina Spielrein (1885–1942): "predmet obmena" mezhdu Jungom i Frejdom. Per. s nem. S. S. Pankova* [Sabina Spielrein (1885–1942): "subject of exchange" between Jung and Freud. Trans. from Germ. of S. S. Pankov]. URL: http: // psychoanalyse.narod.ru / spielrein / stephan.htm
7. Jetkind A. M. *Jeros nevozmozhnogo: Razvitie psihoanaliza v Rossii* [Eros of Impossibility: Development of Psychoanalysis in Russia]. Moscow, Gnozis; Progress-Kompleks, 1994, 376 p.

Shpagin S. A.

Phenomenon of Sabina Spielrein: Context of an Epoch and the Demand of Heritage

The article describes the phenomenon of the pioneer of psychoanalysis, Jewish woman from the provincial Rostov-on-Don. The concept of "phenomenon" is attached the following meaning. Sabina Spielrein personifies with her destiny and creativity the interrupted breakthrough in several areas of public life and science at the same time on the world, Russian and regional levels. These objective processes of the early XX century – the emergence of a new science and new attitudes, the formation of gender and feminism, the contours of the coming sexual revolution in Europe and social-political revolution in Russia. An important aspect is the role of Russian Jews in the context of European and Soviet history, from contribution to science, culture, education – to Stalinist repressions and tragedy of the Holocaust. Despite the seriousness of the launch, the phenomenon of fate and creativity of Sabina Spielrein is a typical sample of the interrupted process, the tragedy of lack of personality, of the social and intellectual development of Europe and Russia in the XX century.

Keywords: *Sabina Spielrein, psychoanalysis, pathomorphosis, Rostov-on-Don, The Holocaust, destruction, jews, sexual revolution, gender, tragedy of lack.*

REFERENCES

1. Vaning van A. Raboty odnogo iz pionerov psihoanaliza – Sabiny Spielrein [Works of one of the pioneers of psychoanalysis – Sabina Spielrein]. *Voprosy psihologii – Approaches to Psychology*, 1995, no. 6, pp. 66–78.
2. Movshovich E. V. Neobychnaja zhizn' i tragicheskaja sud'ba Sabiny Shpil'rejn – pionera psihoanaliza [Unusual life and tragic fate of Sabina Spilrein – pioneer of psychoanalysis]. *Ocherki istorii evreev na Donu – Essays on the history of Jews on the Don*. Rostov-on-Don, Kniga, 2011, pp. 279–308.
3. Movshovich E. V. *Ocherki istorii evreev na Donu* [Essays on the history of Jews on the Don]. Rostov-on-Don, Don Publishing House, 2006, 303 p.
4. Movshovich E. V. Rostovchanka Sabina Shpil'rejn – odin iz pionerov psihoanaliza [Rostovite Sabina Spielrein is one of the pioneers of psychoanalysis]. *Valeologija – Valeology*, 2003, no. 1, pp. 69–73.
5. Movshovich E. V. Tragicheskaja zhizn' Sabiny Shpil'rejn [Tragic life of Sabina Spielrein]. *Pseudology*. URL: http: // www.pseudology.org. Psyhology / Shpilrein.htm Date: 29.10.2015.
6. Ovcharenko V. I. Sabina Shpil'rejn: Pod znakom destrukcii [Sabina Spielrein: Under the sign of destruction]. *Antologija rossijskogo psihoanaliza. T. 2 – Anthology of Russian Psychoanalysis. V. 2*. Moscow, Flinta, 1999, pp. 366–382.
7. Ovcharenko V. I. Sud'ba Sabiny Shpil'rejn [Destiny of Sabina Spielrein]. *Rossijskij psihoanaliticheskij vestnik – Russian Psychoanalytic Journal*, 1992, no. 2, pp. 64–69.
8. *Sabina Shpil'rejn (1885–1942). Materialy k biobibliografii. Sost. i red. S. F. Sirotkin* [Sabina Spielrein (1885–1942). Materials for biobibliography. Compl. and Ed. of S. F. Sirotkin]. Moscow, Russian Psychoanalytical Society; Izhevsk, ERGO, 2006, 84 p.
9. Etkind A. M. Jeros nevozmozhnogo. Glava 5. Chistaja igra s russkoj devushkoj: Sabina Spielrein [Eros of impossible. Chapter 5. Pure game with Russian girl: Sabina Spielrein]. *Pseudology. Psyhology.org*. URL: http://www.pseudology.org/Sex/ErosNevozmozhnogo/05.htm
10. Etkind A. M. *Jeros nevozmozhnogo. Istorija psihoanaliza v Rossii* [Eros of impossible. History of psychoanalysis in Russia]. Moscow, Gnosis-Progress, 1993, 463 p.
11. Shpagin S. A. Rossijskaja istoriografija Sabiny Spielrein [Russian historiography of Sabina Spielrein]. *Istorija Holokosta na Severnom Kavkaze i sud'by evrejskoj intelligencii v gody Vtoroj mirovoj vojny. Materialy 7-j Mezhdunarodnoj konferencii*

"Uroki Holokosta i sovremennaja Rossija". Rostov-na-Donu, 12–14 avgusta 2012 g. Sost. I. A. Al'tman, L. A. Terushkin. Pod red. K. M. Fefermana – History of the Holocaust in the North Caucasus and the fate of Jewish intellectuals during the Second World War. Materials of the 7-th International Conference "Lessons of the Holocaust and modern Russia". Rostov-on-Don, 12–14 August, 2012. Compl. of I. A. Altman and L. A. Terushkin; Ed. of K. M. Feferman. Moscow, Center and Fund "The Holocaust", 2013, pp. 145–151.

12. Shpagin S. A. Spielrein (Sheftel') Sabina (Shejva) Nikolaevna (Naftulovna) [Spielrein (Sheftel) Sabina (Shejva) (Naftulovna)]. *Holokost na territorii SSSR: jenciklopedija. Gl. redaktor I. A. Al'tman – The Holocaust on the Territory of the USSR: Encyclopedia. Editor I. Altman*. Moscow, Center and Fund " The Holocaust", 2011, pp. 1095–1096.
13. Spielrein S. *Psihoanaliticheskie trudy. Per. s angl., nem. i franc. pod nauch. red. S. F. Sirotkina, E. S. Morozovoj* [Psychoanalytic writings. Translated from Engl., Germ. and Fr. under the Scient. Ed. of S. F. Sirotkin, E. S. Morozova]. Izhevsk, ERGO, 2008, 466 p.

Abakumova I. V., Kagermazova L.Ts., Masaeva Z. V.

Development of Emotional Competence of the Teacher as Initiation of Forming of Students' Sense-Formation

The problem of the development of emotional competence of a future teacher in the learning process at the University is considered. Developed a model of emotional competence of the teacher. It shows the relationship of emotional competence of teacher in the formation of conceptual attitudes and value attitude of students to comprehend the content of the educational process.

Keywords: *teacher, emotional competence, students' sense-formation, teacher's stress resistance.*

REFERENCES

1. Abakumova I. V., Kagermazova L. Ts., Masaeva Z. V. Smysloobrazovanie kak faktor iniciacii cennostno-smyslovyh ustanovok v processe obuchenija [Meaning as a factor in the initiation of axiological attitudes in the learning process]. *Teorija i praktika razvivajushhego obrazovanija shkol'nikov: kollektivnaja nauchnaja monografija. Otv. red. A. Ju. Nagornova – Theory and Practice of Developmental Education Students: Collective Scientific Monograph. Edited by A. J. Nagornova*. Ulyanovsk Publ., 2015, pp. 21–31.
2. Goleman D. *Jemocional'nyj intellekt* [Emotional intelligence]. Moscow, AST, 2010.
3. Kagermazova L. Ts., Abakumova I. V. Kompetentnostnyj podhod v professional'noj podgotovke budushhego uchitelja v vuze [The Competence approach in professional training of future teacher in higher education]. *European Social Science Journal*, 2014, no. 5–1 (44), pp. 152–159.
4. Masaeva Z. V., Kagermazova L. Ts., Abakumova I. V. Psihologicheskie osobennosti formirovanija uchebnoj motivacii v studencheskom vozraste [Psychological peculiarities of educational motivation in student age]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. Serija: Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika – Bulletin of the Kostroma State University. named after N. A. Nekrasov. Series: Pedagogy. Psychology. Social work. Juvenology. Sotsiokinetika*, 2015, V. 21, no. 2, pp. 80–82.
5. Figdor G. *Psihoanaliticheskaja pedagogika* [Psychoanalytic pedagogy]. Moscow Publ., 2000.
6. Young K. Pathological Internet Use: The Emergence of a New Clinical Disorder, University of Pittsburgh at Bradford. Session 2127. Toronto, Metro Toronto Convention Center, 1996.

Bagova R. H.

Students' Representation of the Own Psychoprotective Strategies in Situations of Educational Interaction

The situations, activating the manifestations of psychological protection at pupils, are analyzed. The results of empirical research of psychological defense mechanisms' expression of schoolchildren are presented. Dialectical thinking is seen as a tool for overcoming the barriers and representation of the conflictual

content in the consciousness. The representation by the examinees of their psychoprotective strategies in the process of reflexive training is described.

Keywords: *psychological defense, space of possible, problem situation, dialectical thinking, representation of protection.*

REFERENCES

1. Bagova R. H. Gendernye osobennosti povedenija v situacii lichnostnogo vybora [Gender features of behavior in situations of personal choice]. *Akmeologija – Acmeology*, 2014, no. 3–4, pp. 36–37.
2. Bagova R. H. Psihologicheskaja gotovnost' starsheklassnikov k lichnostnomu samoopredeleniju [Psychological readiness of senior pupils to personal self-determination]. *Aktual'nye problemy sovremennogo obrazovanija: opyt i innovacii. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem – Actual problems of modern education: experience and innovation. Materials of Scientific-Practical Conference with International Participation*. Ulyanovsk, 2015, pp. 94–99.
3. Bagova R. H., Bauaev K. K. Soderzhatel'nye osobennosti samoreprezentacii studentov vuza [Substantial features of self-representation of university students]. *Akmeologija – Acmeology*, 2014, no. 1–2, pp. 32–34.
4. Veraksa N. E. Dialekticheskoe myshlenie rebenka i vozmozhnosti ego aktivacii [Dialectical thinking of the child and the possibility of its activation]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Pedagogika i psihologija – Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology*, 2010, no. 2, pp. 46–53.
5. Veraksa N. E. *Metodologicheskie osnovy psihologii* [Methodological bases of psychology]. Moscow, Academy, 2008, 240 p.
6. Litvinov A. V. Obzor osnovnyh psihoanaliticheskih rabot S. Shpil'rejn [Overview of the main psychoanalytic papers of S. Spielrein]. *Rossijskij psihoanaliticheskij vestnik – Russian Psychoanalytic Bulletin*, 1993–1994, no. 3–4, pp. 25–31.
7. Freud A. *Psihologija Ja i zashhitnye mehanizmy: Per. s angl.* [I-Psychology and protective mechanisms: Transl. from English]. Moscow, Pedagogika, 1993.
8. Freud S. *Psihologija bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconsciousness]. SPb., Piter, 2008.

Breus E. D.

Representations of Oneself and Partner as Determinants of Destructive Pedagogical Communication

The study aims to examine the determinants of destructive pedagogical communication; to identify the correlation of representations of oneself and student as difficult partners of communication; to identify the interrelation of centration-decentration and degree of awareness of oneself and other as equal opportunities for determination of the difficulties in communication.

Keywords: *destructive communication, "difficult partner", determinants of difficulties in communication, social-psychological characteristics, centration-decentration.*

REFERENCES

1. Bodalev A. A. *Psihologija obshhenija: Izbrannye psihologicheskie trudy* [Psychology of communication: Selected psychological works]. Moscow, Moscow Psychological and Social Institute Publ.; Voronezh, "MODEK", 2002, 256 p.
2. Bratus B. S. *Anomalii lichnosti* [Anomalies of personality]. Moscow, Mysl', 1988, 301 p.
3. Bratchenko S. L. Gumanisticheskie osnovy lichnostno-orientirovannogo podhoda k vospitaniju [Humanistic bases of person-centered approach to education]. *Obrazovanie i kul'tura Severo-Zapada Rossii – Education and Culture of Northwest Russia*. SPb., 1996, pp. 91–99.
4. Breus E. D. *Dinamika predstavlenij o sebe i drugom kak trudnom partnere obshhenija v rezul'tate social'no-psihologicheskogo treninga. Diss. … kand. psihol. nauk* [Dynamics of representations about self and other as difficult communication partner as a result of social-psychological training. Diss. … Cand. of Psychol. Sciences]. Rostov-on-Don, 1999, P. 173.
5. Breus E. D. Dinamika trudnostej obshhenija pedagogov v processe social'no-psihologicheskogo treninga [Dynamics of difficulties in communication of teachers in the process of socio-psychological training]. *Psihologicheskij*

vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta – Psychological Bulletin of Rostov State University, 1996, no. 1, pp. 230–238.
6. Kagan M. R., Etkind A. M. Obshhenie kak cennost' i kak bratstvo [Communication as a value and as a brotherhood]. *Voprosy psihologii – Issues of Psychology*, 1988, no. 4, pp. 25–34.
7. Kunitsyna V. N. Narushenija, bar'ery, trudnosti mezhlichnostnogo neformal'nogo obshhenija [Violations, barriers, difficulties of interpersonal informal communication]. *Aktual'nye problemy psihologicheskoj teorii i praktiki. Pod red. A. A. Krylova – Contemporary Issues of Psychological Theory and Practice. Edited by A. A. Krylova*. SPb., St. Petersburg State University Publ., 1995, pp. 82–92.
8. Labunskaya V. A. Ot problemy zatrudnennogo obshhenija k postanovke problemy "subjekt zatrudnennogo obshhenija" [From issue of difficult communication to definition of issue of "difficult communication subject"]. *Psihologicheskij vestnik – Psychological Bulletin*, 1997, V. 2, pp. 24–40.
9. Labunskaya V. A., Mendzheritskaya Ju. A., Breus E. D. *Psihologija zatrudnennogo obshhenija: Teorija. Metody. Diagnostika. Korrekcija: Ucheb. Posobie dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij* [Psychology of difficult communication: Theory. Methods. Diagnostics. Correction: University Textbook]. Moscow, Academiya, 2001.
10. Panferov V. N. Problema vzaimosvjazi objektnyh i subjektnyh svojstv cheloveka [Issue of interrelation of subject and object qualities of the person]. *Voprosy psihologii mezhlichnostnogo poznanija i obshhenija – Issues of Psychology of Interpersonal Cognition and Communication*, 1983, pp. 78–86.
11. Petrovsky V. A. *Lichnost' v psihologii: paradigma subjektnosti* [Personality in psychology: paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don, 1996.
12. Ryumshina L. I. Ponimanie pedagogami vnutrennih tendencij i perezhivanij podrostkov [Understanding by educators of inner tendencies and experiences of adolescents]. *Psihologija obuchenija – Psychology of Education*, 2015, no. 1, pp. 81–89.
13. Ryumshina L. I. Cennosti lichnosti v obshhenii [Values of person in communication]. *Psihologija obshhenija. Jenciklopedicheskij slovar'. Pod red. A. A. Bodaleva – Psychology of Communication. Collegiate Dictionary. Edited by A. A. Bodalev*. Moscow, Cogito-Centr, 2015, pp. 161–162.
14. Spielrein S. Destruction as formation reason // 1994, Logos, № 5.

Dudnikova A. A., Belikova M. A.

Consideration of Alternative Positioning from the Perspective of Existence to its Extreme Forms

The article discusses the issues contested from the point of view of clinical psychology. Alternative positioning is regarded as dogmatic thinking and stands out as a personal human pathology. Alternative nature is demonstrated in its distinct outline or accentuation. Alternatives also considered as a transformation of personal values in schizophrenia.

Keywords: *alternative positioning, personality pathology, personal values, accentuation, schizophrenia, personality disorders, categorical thinking*.

REFERENCES

1. Zablockii G. O. Kommynikativnie osnovi garmonizacii lichnosti podrostka s akcentuaciei haraktera [The communicative basis of harmonizing of the teenager' personality with accentuation of character]. *Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo – Problems of Contemporary Science and Practice. University named after V. I. Vernadsky,* 2010, no. 7–9, pp. 116–123.
2. Lebedinskii V. V. *Narushenie psihicheskogo rasvitia u detei* [Violation of mental development at children]. Moscow, Moscow University Publ., 1985.
3. Lichko A. E. *Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov* [Psychopathy and accentuation of character at adolescents]. Leningrad, Medicine, 1983.
4. Senjko E. V. Osobennosti klinicheskoi kartini pozdno diagnostiruemoi vialotekushei shizofrenii v zavisimosti ot vozrasta nachala zabolevania [Clinical features of later diagnosed low schizophrenia depending on the age of the disease' beginning]. *Sibirskij medicinskij zhurnal – Siberian Medical Journal,* 2009, no. 7, pp. 125–128.

5. *Spravochnik po psihiatrii* [The Handbook of Psychiatry]. Moscow, Medicine, 1985.
6. Sheider R. *Psihiatria* [Psychiatry]. Moscow, Practice, 1998.

Zvezdina G. P., Knyazeva E. V.
The Role of Psychological Protection of the Teacher in the Conditions of Implementation of the Modern Requirements of the FSES

The problem of psychological barriers of the teacher's personality under the implementing modern requirements of the Russian federal state educational standards (FSES) had been discussed. The relevance of the article caused by the necessity of forming an active subject position of the teacher in the conditions of the implementation of the FSES, on the one hand, and a high degree of severity of his intrapersonal psychological defenses, leading to his stereotyped patterns of behavior, the desire to limit himself for the existing experiences, on the other hand.

In this paper, as the reasons hindering involvement of the teacher in the implementation of the FSES, the basic psychological defenses of his personality are analyzed. The article shows that the formation of an active subject position of the teacher can enter into conflict with the more archaic mental processes – psychological protection of the person, which provides the integrity of the consciousness and the prevailing beliefs and attitudes of the individual.

Keywords: *mechanisms of psychological protection, person, educator, psychoanalysis, subjectivity, teacher, FSES.*

REFERENCES

1. Granovskaya R. M., Nikolskaya I. M. *Zaschita lichnosti: psikhologicheskie mekhanizmy* [Personal Protection: Psychological Mechanisms]. SPb., Znaniya, 1999, 14 p.
2. Zimnyaya I. A. *Osnovy pedagogicheskoi psihologii* [Bases of Pedagogical Psychology]. Rostov-on-Don, Phoenix, 1997, 480 p.
3. Levites D. G. Celi i smysly otechestvennogo shkol'nogo obrazovanija (o paradigmal'nom krizise v otechestvennoj pedagogicheskoj nauke) [The purposes and senses of national school education (on the paradigmatic crisis in the domestic pedagogical science)]. *Puti, sredstva, vozmozhnosti modernizacii obrazovatel'noj sistemy. T. 1. – Path, tools, possibilities of upgrading the educational system. V. 1*. Moscow, 2009, pp. 270–278.
4. Lengler O. A. Sub"ektnost' cheloveka: psikhologo-pedagogicheskie osnovy [Human Subjectivity: psycho-pedagogical bases]. *Molodoi uchenyi – Young Scientist*, 2012, no. 11, pp. 440–442.
5. Malikova T. V., Mikhailov L. A., Solomin V. P., Shatrova O. V. *Psihologicheskaja zashhita: napravlenija i metody: Uchebnoe posobie* [Psychological protection: direction and methods: a manual]. SPb., Rech, 2008, 231 p.
6. Rubinstein S. L. *Osnovy obschey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. SPb., Piter, 2002, 720 p.
7. Freud A. *Psihologija Ja i zashhitnye mehanizmy* [The Ego and the Mechanisms of Defense]. Moscow, Pedagogika Press, 1993, 68 p.
8. McWilliams N. Psychoanalytic diagnosis: Understanding personality structure in the clinical process. New York, The Guilford Press, 1994.
9. Plutchik R., Kellerman H., Conte H. A structural theory of ego defenses and emotion // Emotions in personality and psychopathology, 1979, pp. 123–156.

Raeva D. A.
Theoretical and Psychological Model of Eco-Consciousness of Modern Teenagers

The article presents a study of the ecological consciousness of modern teenagers. The definition of "ecological consciousness" of modern teenagers is introduced. The theoretical model of the study of eco-consciousness of modern teenagers is examined.

Keywords: *identity, ecological self-awareness, self-concept, world image, cyberspace, Internet resources, cybertechnology, adolescents.*

References

1. Deryabo S. D., Jasvin V. A. *Jekologicheskaja pedagogika i psihologija* [Ecological pedagogy and psychology]. Rostov-on-Don, Phoenix, 1996.
2. Panov V. I. *Vvedenie v jekologicheskuju psihologiju* [Introduction in environmental psychology].

Moscow, Publishing house of IIEPU, 2001.
3. Pleshakov V. A. Kiberontologicheskaja koncepcija razvitija lichnosti i zhiznedejatel'nost' cheloveka v XXI v. [Cyberintelligence concept of personality development and the livelihoods of the person of XXI century]. *Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psihologija – Bulletin of PSTGU IV: Pedagogy. Psychology*, 2014, V. 4 (35), pp. 9–22.
4. Feldstein D. I. Funkcional'naja nagruzka akademii obrazovanija v opredelenii principov i uslovij razvitija rastushhego cheloveka na istoricheski novom urovne dvizhenija obshhestva (Doklad na obshhem sobranii RAO 29 oktjabrja 2013 g.) [The functional load of the Academy of Education in the determining of the principles and conditions of growing individual development on a historically new level of the society motion (report on the general meeting of RAE, October 29, 2013)]. *Problemy sovremennogo obrazovanija – Problems of Modern Education*, 2013, no. 5, pp. 6–20.

Filippova A. V.

Influence of the Birth Order on the Formation of Sociometric Status

The research is devoted to the analysis of a sociometric status and the peculiarities of characteristics' expression that are related to a person's birth order in a small group. The birth order has an impact on a person's lifestyle, his behavior. In this study the birth order is considered as a factor of sociometric status of the individual.

Keywords: *the birth order, sociometric status, empathy, firstborn, second child, only child.*

REFERENCES

1. Adler A. *Nauka zhit'. Kompleks nepolnocennosti i kompleks prevosxodstva* [Science to live. The complex of inferiority and superiority complex]. Kiev, Port-Royal, 1997, 387 p.
2. Melnikova N. M. *Socialnaya psixologiya: konspekt lekcij* [Social psychology: lecture synopsis]. Moscow, Eksmo, 2008, 160 p.
3. Nalgieva I. A. Empiricheskoe issledovanie psixologicheskix osobennostej razvitiya samootnosheniya podrostka v zavisimosti ot poryadka rozhdeniya v sem'e [An empirical study of psychological features of the development of teenager's self-relation, depending on the birth order in the family]. *Vysshee obrazovanie segodnya – Higher Education Today*, 2013, no. 1, pp. 55–59.
4. Hjelle L. *Teorii lichnosti* [Theories of Personality]. Spb, Piter, 2000, 608 p.

Chernova A. A., Savinova Yu. M.

The Specifics of the Views of S. Freud and his Followers on the Essence of Growing up and the Self-Determination of the Growing Person

This article describes the issues related to growing up and growing of human self-determination from the position of psychoanalytic theory. The works of the followers of psychoanalysis (S. Freud, E. Erikson, A. Adler), taken in this context, are analyzed. The article presents the psychoanalytic ideas of these phenomena in the period of intensive development of the person and examines the specifics of personal formation of the individual, as well as ways of overcoming the crisis and achieving a new level of self-identity. The article explores different approaches to the problem of a growing person and the prospects for its further development and self-determination from the standpoint of classical psychoanalysts.

Keywords: *self-maturing, psychoanalysis, identity, personal formation, growing person.*

REFERENCES

1. Adler A. *Nauka zhit'* [Science to live]. Kiev, Port-Royal, 1997, 315 p.
2. Vygotsky L. S. Sobranie sochinenij: V 6-ti t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psihologii [Collected Works: In 6 v. V. 1. Theory and History of Psychology]. *Pod red. A. R. Lurija, M. G. Jaroshevskogo – Ed. of A. R. Luria, M. G. Yaroshevsky*. Moscow, Pedagogika, 1982, 488 p.
3. Massin P., Conger J., Kagan J., Givitts J. Razvitie lichnosti v srednem vozraste [Personal development in middle age]. *Psihologija lichnosti. Teksty. Pod red. Ju. B. Gippenrejter, A. A. Puzyreja – Personality Psychology. Texts. Ed. of Yu. B. Gippenreiter, A. A. Puzyrey*. Moscow, Publishing house of the Moscow University, 1982, 288 p.

4. Erikson E. *Identichnost': junost' i krizis. Per. s angl.* [Identity: Youth and Crisis. Trans. from English]. Moscow, Flinta, 2006, 342 p.
5. Erikson E. Molodoj Ljuter: psihoanaliticheskoe istoricheskoe issledovanie [Young Luther: psychoanalytic historical research]. Moscow, Medium, 1996, 508 p.

Abakumova I. V., Achina A. V., Kolenova A. S.

Identification of Aggressive Radical by the Rorschach Test

This article describes the features of diagnosing the availability and characteristics of manifestations of aggressive impulse, according to psychoanalytic theory.

The author's task was a desire to demonstrate the mechanism of how the Rorschach test reveals the aggressive radical in personality.

In the first part of the article the authors reveal the psychoanalytic views on the phenomenon of aggression, opened by S. Spielrein. In the second – they describe the diagnosis mechanism and coding of the data obtained by the Rorschach test. Also they describe the features of the psychoanalytic interpretations of the aggressive radical.

Keywords: *aggression, aggression levels, projective technique, psychological diagnosis, Rorschach test, psychoanalysis, S. Spielrein.*

REFERENCES

1. Abakumova I. V., Kolenova A.S. Vlijanie smyslovoj transformacii materi na jemocional'nye osobennosti vzaimodejstvija s onkobol'nym rebenkom // [Influence of semantic transformation of the mother's emotional characteristics of interaction with the child with cancer]. *Akademicheskaja nauka – problemy i dostizhenija. Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii – Academic Science – Problems and Achievements. Proceedings of V International Scientific-Practical Conference*. North Charleston, SC, USA, 2014, P. 62.
2. Assanovich M. A. *Integrativnaja sistema psihodiagnostiki metodom Rorshaha* [Integrative system of psychodiagnostics by Rorschach]. Moscow, Cogito-Centr, 2011, 397 p.
3. Yermakov P. N., Abakumova I. V., Kryuchkova A. S. Agressija kak komponent smyslozhiznennoj strategii formirujushhijsja lichnosti: novyj rakurs problemy [Aggression as a component of the sense-life strategy of emerging identity: a new perspective of the problem]. *Kategorija smysla v filosofii, psihologii, psihoterapii i v obshhestvennoj zhizni: Materialy Vserossijskoj psihologicheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem – Category of Meaning in Philosophy, Psychology, Psychotherapy and Social Life: Proceedings of Psychological Conference with International Participation*. Moscow, KREDO, 2014, P. 55.
4. *Spielrein Sabina Nikolaevna* // URL: http: // psychoanalyse.narod.ru / spielrein / spielre0.htm
5. Exner J. E. The Rorschach systems. N.Y., 1969.
6. Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen, 1912, V. 4, pp. 465–503.

Akopova L. I.

Destruction as the Reason of Formation or the Phenomenon, Advancing the Event

In article the analysis of biological data' use in studying of the phenomena of destruction and revival is carried out. The origin of unconscious fear at sexual desire is considered. The phenomenon of destruction and revival on the example of feeling of passion is described. The sequence in a chain of the phenomena of destruction and formation is investigated.

Keywords: *destruction, formation, biological facts, inclination, sense of fear, transformation, time trouble, spontaneity, time parameter, positive design.*

REFERENCES

1. Ovcharenko V. I. Sabina Spielrein: Pod znakom destrukcii [Sabina Spielrein: Under the sign of destruction]. *Logos*, 1994, no. 5, pp. 239–256.
2. Rikhebekher S. *Sabina Spielrein: Pochti jestokaya lyubov k nauke* [Sabina Spielrein: Almost cruel love to science]. Rostov-on-Don, Feniks, 2007, 413 p.
3. *Sabina Spielrein (1885–1942). Materialy k biobibliografii. Pod red. S. F. Sirotkina* [Sabina Shpilreyn

(1885–1942). Materials to the biobibliography. Under the editorship of S. F. Sirotkin]. Moscow, Ergo, 2006, 84 p.
4. Toynbee A. J. *Rol' lichnosti v istorii* [Role of the personality in the history]. Harvest, Astrel, 2012, 224 p.
5. Freud S. *Po tu storonu principa udovolstviya* [On the other side of the principle of pleasure]. Moscow, 1992, 429 p.
6. Etkind M. Eros nevozmojnogo. Istoriya psihoanaliza v Rossii. [Eros of impossible. History of psychoanalysis in Russia]. SPb., 1993, 464 p.
7. Yung K. G. *Libido, ego metamorfozi i simvoli. T. 2* [Libido, its metamorphoses and symbols. V. 2]. SPb., 1994, 415 p.

Afanasenko I. V.

The Development of Ideas of S. Spielrein about Destruction as the Cause of Formation in the Context of Transpersonal and Integral Theories of Psychology

The article presents the results of the analysis of S. Spielrein' psychoanalytic ideas about positive and negative feelings accompanying the process of preservation of the balance between aspiration to differentiation and aspiration to assimilation, about interaction between I-Soul and ancestral Soul in the aspect of extension and transformation of these ideas in transpersonal and integrative theories of psychology.

Keywords: *transformation, assimilation, differentiation, destruction, I-Soul, patrimonial Soul.*

REFERENCES

1. Assagioli R. *Psihosintez. Printsipyi i tehniki. Per. s angl. E. Perovoy* [Psychosynthesis. A Manual of Principles and Techniques. Transl. from Engl. of E. Perova]. Moscow, EKSMO-Press, 2002.
2. Grof S. *Istselenie nashih samyih glubokih ran. Holotropnyiy sdvig paradigm. Per. S. Ofertas, A. Kiseleva* [Healing of Our Deepest Wounds. The Holotropic Paradigm Shift. Edit. of S. Ofertas, A. Kiselev]. Moscow, Ganga, 2013.
3. Grof S. *Puteshestvie v poiskah sebya. Per. s angl. N. I. Papush; pod red. V. Majkova* [The journey in search for the self. Transl. of N. I. Papush; Edit. of V. Maykov]. Moscow, Transpersonal University Publ., 1994.
4. Wilber K. *Oko duha. Serija: Teksty transpersonal'noj psihologii* [Eye of the spirit. Series: Texts of Transpersonal Psychology]. Moscow, AST Publ., 2002.
5. Wilber K. *Proekt Atman: Transpersonalnyiy vzglyad na chelovecheskoe razvitie. Per. s angl. pod red. A. Kiseleva* [Atman Project: transpersonal view of human development. Transl. from Engl. and Ed. of A. Kiselev]. Moscow, AST Publ., 2004.
6. Spielrein S. Destruktsiya kak prichina stanovleniya [Destruction as Cause of Becoming]. *Psihoanaliticheskie trudy. Per. s angl., nem. i fr. pod nauch. red. S. F. Sirotkina, E. S. Morozovoj – Psychoanalytic writings. Ed. from Engl., Germ. and Fr. under the Scientific. Ed. of S. F. Sirotkin, E. S. Morozova*. Izhevsk, ERGO, 2008, pp. 109–154.
7. Spielrein S. O transformatsii [About transformation] // Psihoanaliticheskie trudy [*Psychoanalytic writings*]. *Psihoanaliticheskie trudy. Per. s angl., nem. i fr. pod nauch. red. S. F. Sirotkina, E. S. Morozovoj – Psychoanalytic writings. Ed. from Engl., Germ. and Fr. under the Scientific. Ed. of S. F. Sirotkin, E. S. Morozova*. Izhevsk, ERGO, 2008, pp. 91–93.

Bunyaeva M. V., Kovsh E. M.

Aggression and Destruction in the Focus of Psychoanalysis

A brief review of psychoanalytic theories, considering aggression as one of the most important components of the human psyche, is represented. The basic approaches, which treat the nature of aggression, conflict and harmonious relationships between Eros and Thanatos, are expounded. The representation of aggression in the child's psyche and peculiarities of its manifestation during various stages of the psychosexual development are described. The role of repressed aggression in the event of psychosomatic diseases is shown.

Keywords: *aggression, destructivity, psychoanalysis, destructiveness, Thanatos, libido, Eros, psychosomatic disorders, psychosexual development, anger.*

REFERENCES

1. Adler A. *Praktika i teorija individual'noj psihologii; per. s angl. A. Bokovikova* [The prac-

tice and theory of individual psychology; transl. from Engl. of A. Bokovikov]. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2007, 240 p.
2. Alexander F. *Psihosomaticheskaja medicina* [Psychosomatic Medicine]. Moscow, Gerrus, 2000, 210 p.
3. Vinnnikot D. Nenavist' v kontreperenose [Hate in the countertransference]. *Jera kontrperenosa / Igor' Romanov, Donal'd Vinnikott, Paula Hajman i dr.; sost., nauch. red. i predislovie I. Ju. Romanova; per. S. Durasa, A. Dyshlevogo, Z. Bablojana i dr. – Era of the Countertransference / Igor Romanov, Donald Winnicott, Paula Hyman, etc.; comp., sci. ed. and preface of I. Yu. Romanov; transl. of S. Duras, A. Dyshlevoy, Z. Babloyan and others*. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2005, pp. 351–365.
4. Gaddini E. Po tu storonu instinkta smerti: problemy psihoanaliticheskogo issledovanija agressii [On the other side of the death instinct: the problem of the psychoanalytic study of aggression]. *Psihoanaliz v razvitii: Sb. perevodov – Psychoanalysis in the development: Coll. of translations*. Yekaterinburg, Delovaya kniga, 1998, pp. 108–127.
5. Kernberg O. Agressija pri rasstrojstvah lichnosti [Aggression and personality disorders]. *Otto Kernberg; per. s angl i red. A. F. Uskova – Otto Kernberg; transl. from Engl. and ed. of A. F. Uskov*. Moscow, IF "Class", 2001, 368 p.
6. Klein M. Nekotorye teoreticheskie vyvody, kasajushhiesja jemocional'noj zhizni rebenka [Some theoretical conclusions regarding the emotional life of the child]. *Psihoanaliz v razvitii. Sbornik perevodov – Psychoanalysis in Development. Collection of Translations*. Ekaterinburg, 1998, pp. 59–107.
7. Rosenfeld G. Klinicheskij podhod k psihoanaliticheskoj teorii instinktov zhizni i smerti: issledovanie agressivnyh aspektov narcissizma [Clinical approach to the psychoanalytic theory of the instincts of life and death: a study of the aggressive aspects of narcissism]. *Zhurnal prakticheskoj psihologii i psihoanaliza – Journal of Applied Psychology and Psychoanalysis*, 2003, no. 2.
8. Freud A. *Detskij psihoanaliz* [Child psychoanalysis]. SPb., Piter, 2013.
9. Fromm E. *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [The anatomy of human destructiveness]. Moscow, AST, 2004.
10. Horney K. Nashi vnutrennie konflikty [Our internal conflicts]. *Sobranie sochinenij v 3-h t. T. 3 – Collected works in 3 v. V. 3*. Moscow, Smysl, 1997.
11. Spielrein S. Destrukcija kak prichina stanovlenija [Destruction as the cause of formation]. *Logos*, 1994, V. 5.

Zinchenko E. V., Rudia I. A.

The Subjective Feeling of Loneliness among Women

The authors address the problem of loneliness. The term "isolation" is associated with the term "destruction", which was developed in psychological science by Sabina Spielrein. The article describes an empirical study of subjective loneliness among women. The text compares the parameters of subjective experience of loneliness among single women and women which not alone. The authors found differences between them in the presence of difficulties in communication, the degree of confidence to others, the need for communication with the self, experiencing feelings of emptiness and fear. The empirically substantiated the conclusion about the absence of a direct connection between the objective and subjective loneliness.

Keywords: *loneliness, mental state, subjective loneliness, loneliness, destruction, destructive behavior, confidential communication, self-disclosure, mental health, Sabina Spielrein.*

REFERENCES

1. Afanasenko I. V. Osobennosti perezhivanij i dinamika samoocenok subektov – uchastnikov seminarov po holotropnomu dyhaniju [Features experiences and dynamics of self-evaluation of subjects – participants in seminars of Holotropic breathing]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North Caucasian Psychological Bulletin*, 2013, no. 11 / 1, pp. 34–38.
2. Vodop'janova N. E. *Psihologija stressa* [Psychology of stress]. SPb., Piter, 2009, pp. 171–186, 336 p.
3. Zinchenko E. V. Odinochestvo [Loneliness]. *Psihologija obshhenija. Jenciklopedicheskij slovar'. Pod obshh. red. A. A. Bodaleva – Psychology of Communication. Collegiate Dictionary. Gen. Ed. of A. A. Bodalev*. Moscow, Cogito-Centr, 2015, pp. 152–153.

4. Zinchenko E. V. Samoraskrytie i psikhicheskoe zdorov'e lichnosti [Self-disclosure and mental health of the person]. *Izvestija JuFU. Tehnicheskie nauki – News of SFedU. Technical Science*, 2005, no. 7 (51), pp. 98–99.
5. Puzanova Z. V. *Odinochestvo i obshhenie (filosofsko-sociologicheskij aspekt). Avtoreferat diss. … kand. filos. nauk* [Loneliness and communication (philosophical and sociological aspect). Abstr. of Diss. … Cand. of Philos. Sciences]. Moscow, Russian Nation' Friendship University Publ., 1995.
6. Shkurko T. A. Social'no-psihologicheskie potrebnosti odinokoj lichnosti [Social-psychological needs of single person]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North Caucasian Psychological Bulletin*, 2014, no. 12 / 1, pp. 39–43.
7. Fromm E. *Begstvo ot svobody. Per. s angl.* [Escape from Freedom. Transl. from Engl.]. Obshh. red. i poslesl. P. S. Gurevicha – Gen. Ed. and Afterword. of P. S. Gurevich. Moscow, Progress, 1989.
8. Spielrein S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch fur Psychoanalyse, 1912, no. 4.

Lukyanenko M. A.

The Problem of Aggressiveness and Destructiveness in Communication

The problem of aggressiveness and destructiveness in communication has not only great theoretical, but also social and practical values. The problem of human destructiveness arises from a deep crisis and the decline of the culture of humanity, which a society experiences. The loss of moral values, for centuries formed the basis of our civilization, leads to the fact that man, created for the building, becomes a destroyer. Moreover, the society really needs for the effective mechanisms of protection against aggression and destructiveness in all of its forms. This, in turn, implies a deep and thorough knowledge of the nature of human aggression, of power and motivation of human aggression and destructiveness.

Keywords: *aggression, aggressiveness, communication, destructiveness, conflict, verbal aggression, destructive communication, communication.*

REFERENCES

1. Aleynikova T. V. *Vlechenie k destrukcii: norma ili patologija?* [Attracted to the destruction: the norm or pathology?]. URL: http: // psychoanalyse.narod.ru / aleyniko.htm
2. Asmolov A. G. *Po tu storonu soznanija: metodologicheskie problemy neklassicheskoj psihologii* [On the other side of consciousness: methodological problems of non-classical psychology]. Moscow, Smysl, 2002, 480 p.
3. Groisman A. L. *Klinicheskaja psihologija, psihosomatika i psihoprofilaktika* [Clinical psychology, psychosomatic medicine and psychoprophylaxis]. Moscow, Magistr-Press, 2002, 452 p.
4. Dankovsky H. Slovesnaja agressija [Verbal aggression]. *Nauka i zhizn' – Science and Life*, 1995, no. 6, pp. 34–57.
5. Kernberg O. *Agressija pri rasstrojstvah lichnosti i perversijah* [Aggression in personality disorders and perversions]. Moscow, Class, 1998, 368 p.
6. Kunitsyn V. N., Kazarinova N. V., Pogolsha V. M. *Mezhlichnostnoe obshhenie. Uchebnik dlja vuzov* [Interpersonal communication. Textbook for high schools]. SPb., Piter, 2001, 544 p.
7. Matthias O. I., Pogolsha V. M., Kazarinova N. V., Beebe S., Zaritskaya J. V. *Mezhlichnostnaja kommunikacija: teorija i zhizn'. Pod nauch. red. O. I. Mat'jash* [Interpersonal communication: theory and life. Under Scientific. Ed. of O. I. Matthias]. SPb., Rech', 2011, 560 p.
8. Freud S. Ja i Ono [I and It]. *Psihologija bessoznatel'nogo – Psychology of the Unconscious*. Moscow, Education, 1989, pp. 425–439.
9. Fromm E. *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow, Respublika, 1994, 447 p.
10. Waelder R. Basic theory of psychoanalysis. New York, International University Press, 1960, 213 p.

Mihajljuk E. B., Manukjan G. I.

Transgenerational Origins of Idea of the Destruction and Psychoanalytic Identity' Formation of Sabina Spielrein

In the article some reflections are presented about the ways of forming of psychoanalytic identity of S. N. Spielrein, about intergenerational reasons of origin of her original ideas.

Keywords: *transgenerational (intergenerational) communication, psychoanalytic identity, destruction, aggression, desire for life, the death drive.*

REFERENCES

1. Bowlby J. *Sozdanie i razrushenie jemocional'nyh svjazej* [The creation and destruction of emotional ties]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2004, 232 p.
2. Freud S. *Totem i tabu: Kniga 1 / S. Frejd "Ja" i "Ono": Trudy raznyh let. Per. s nem.* [Totem and taboo: Book 1 / Freud S. "I" and "It": Works of different years]. Tbilisi, Merani, 1991, pp. 193–350.
3. Carotenuto A. A secret symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud. N. Y., Pantheon Books, 1982, 250 p.
4. Fairbairn W. R. D. Steps in the Development of an Object-Relations Theory of the Personality // Psychoanalytic Studies of the Personality, 1949, pp. 137–161.

Sidorenkov A. V.

Destruction in Small Groups

Destruction in the contexts of violation of group structure and decrease in efficiency of group is considered. The concept "normal structure" of group is defined. The types of group structures and the reasons and an essence of destruction of group structure are shown. Some social-psychological phenomena of the individual and group, which negatively influence activity and efficiency of group, are shown. Some phenomena are absolutely destructive, and others can create both positive, and negative effect.

Keywords: *destruction, group structure, efficiency of group.*

REFERENCES

1. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. Gl. red. S. A. Kuznecov* [Big explanatory dictionary of Russian. Ed. S. A. Kuznetsov]. St. Petersburg, NORINT, 2001, P. 254.
2. *Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar'. Gl. red. A. M. Prohorov* [Big encyclopedic dictionary. Ed. A. M. Prokhorov]. Moscow, Soviet encyclopedia, 1993, P. 378.
3. Bukhanovsky A. O., Kutyavin Yu. A. & Litvak M. E. *Obshhaja psihopatologija* [General psychopathology]. Rostov-on-Don, Feniks, 2003.
4. Gibsh G. & Forverg M. *Vvedenie v marksistskuju social'nuju psihologiju* [Introduction to Marxist social psychology]. Moscow, Progress, 1972.
5. Markova A. K. *Psihologija professionalizma* [Professionalism psychology]. Moscow, International humanitarian fund "Znaniye", 1996.
6. Moreno J. L. *Sociometrija: jeksperimental'nyj metod i nauka ob obshhestve* [Sociometry: experimental method and the science of society]. Moscow, Akademichesky proekt, 2001, 384 p.
7. Sadovsky V. N. Sistema [Sistem]. *Novaja filosofskaja jenciklopedija: V 4-h t. T. 3 – New Philosophical Encyclopedia: In 4 v. V. 3*. Moscow, Mysl', 2001, pp. 552–553.
8. Sidorenkov A. V. *Malaja gruppa i neformal'nye podgruppy: mikrogruppovaja teorija: monografija* [Small group and informal subgroups: The microgroup theory: Monograph]. Rostov-on-Don, Southern Federal University Publ., 2010.
9. Sidorenkov A. V. Sootnoshenie integracii i dezintegracii v projavlenii destrukcii [Ratio of integration and disintegration in destruction manifestation]. *Simpozium – Symposium*, 2004, no. 1, pp. 7–11.
10. Sidorenkov A. V., Sidorenkova I. I. & Ulyanova N. Yu. *Social'no-psihologicheskie harakteristiki i jeffektivnost' malyh grupp v organizacii* [Social-psychological characteristics and effectiveness of small groups in the organization]. Rostov-on-Don, Mini-Taip, 2014.
11. *Sovremennyj slovar' inostrannyh slov. Ved. red. L. N. Komarova* [Modern dictionary of foreign words. Ed. L. N. Komarova]. Moscow, Russkiy yazyk, 2000, P. 191.
12. Fromm E. *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow, AST, 2006.
13. Spielrein S. Destrukcija kak prichina stanovlenija [Destruction as formation reason]. *Logos*, 1994, no. 5, pp. 207–238.
14. Aubert B. A. & Kelsey B. L. Further understanding of trust and performance in virtual teams // Small Group Research, 2003, V. 34 (5), pp. 575–618.
15. Brunner E. & Tschacher W. Distanzregulierung und Gruppenstruktur beim Prozeß der Gruppenentwicklung. Theoretische

Grundlagen und methodische Überlegungen // Zeitschrift für Socialpsychologie, 1991, V. 22 (2), pp. 87–101.
16. Carron A. V., Brawley L. R. & Widmeyer W. N. The measurement of cohesiveness in sport groups // Advances in sport and exercise psychology measurement / Ed. J. Duda. Morgantown: FIT Technologies, 1998, pp. 213–226.
17. Costa A. C., Roe R. A. & Taillieu T. Trust within teams: The relation with performance effectiveness // European Journal of Work and Organizational Psychology, 2001, V. 10 (3), pp. 225–244.
18. Jehn K. A. A multimethod examination of the benefits and detriments of intragroup conflict // Administrative Science Quarterly, 1995, V. 40, pp. 256–282.
19. Jehn K. A. A qualitative analysis of conflict types and dimensions in organizational groups // Administrative Science Quarterly, 1997, V. 42, pp. 530–557.
20. Jehn K. A. & Mannix E. A. The dynamic nature of conflict: A longitudinal study of intragroup conflict and group performance // Academy of Management Journal, 2001, V. 44, pp. 238–251.
21. Wall V. & Nolan L. Perceptions of inequity, satisfaction, and conflict in task oriented groups // Human Relations, 1986, V. 39, pp. 1033–1052.

Deynekina A. S., Obukhova Yu. V.

Interlacement of Destinies: S. Spielrein, K. Horney, A. Freud

In article the facts from life of three great women-psychologists – Sabina Spielrein, Anna Freud and Karen Horney, who were reflected in their life and professional activity, are analyzed. Similarities and distinctions in their destinies are marked out. The following criteria are the basis for the analysis: childhood events; social and material status of a family; birth order; relation with parents; abilities and interests; relation to the appearance; education; private life; painful life experience; attitude towards other people. It is emphasized that the destiny of these women was very difficult, many losses, tragic events fell to their lot, and the way to professional recognition was very thorny.

Keywords: *S. Spielrein, K. Horney; A. Freud, child parental relations; self-relation, attitudes towards others, life experience, interests, education, scientific heritage.*

REFERENCES

1. Almazova S. L. Teoreticheskii analiz problem izychenia obraza tela kak komponenta "Ya-koncepcia" lichnosty [Theoretical analysis of the problems of studying the image of the body as a component of "I-concept" of personality]. *Psihologya telesnosty: teoretycheskie i praktycheskie issledovanya – Psychology of Corporeality: Theoretical and Practical Studies*. URL: http: // psyjournals.ru / psytel2009 / issue / 40807.shtml
2. Makarov V. V., Makarova G. A. *Tranzaktnyi analiz – vostochnaya versia* [Transactional analysis – Eastern version]. Moscow, Academicheskii Project; OPPL, 2002, 496 p.
3. Nikolaeva L. A. Detsko-rodytelskie otnoshenia kak factor razvitia rebenka [Parent-child relationships as a factor of child development]. *Izvestia Saratovskogo yniversiteta. Novaya seria. Seria Akmeologya obrazovania. Psihologya razvitia – Proceedings of the Saratov University. New Episode. Series of Acmeology of Education. Developmental Psychology*, 2013, no. 2, V. 2, pp. 187–192.
4. Obukhova Yu. V. Soderjganie emocionalno-ocenochnogo komponenta Ya-koncepcii devushek – "gumanitariev" i "tekhnicov" v svyazi s osobennostyami ih intellecta [The content of the emotional-evaluative component of self-concept of girls – "humanitarians" and "technicians" in connection with the feature of their intellectual]. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik – North Caucasian Psychological Bulletin*, 2014, no. 12 / 1, pp. 14–17.
5. Stepanov S. S. *Psihologia v licah. Anna Freud* [Psychology at the faces. Anna Freud]. Moscow, Eksmo-Press, 2001, pp. 89–102.
6. Stepanov S. S. *Psihologia v licah. Karen Horny* [Psychology at the faces. Karen Horney]. Moscow, Eksmo-Press, 2001, pp. 287–294.
7. Shkurko T. A. *Tancevalno-ekspressivnyi trening* [Dance-expressive training]. Moscow Publ., 2003, 192 p.

8. Schulz D. P., Schulz S. E. *Istoriya sovremennoy psihologii. Pod red. A. D. Nasledova* [The history of modern psychology. Ed. of A. D. Nasledov]. SPb., Evraziya, 2002, 532 p.
9. Yakushev I. B. Istorya asteroida (Sabina Spielrein) [The history of the asteroid (Sabina Spielrein)]. *Klinicheskaya i medicinskaya psihologia: issledovania, obuchenie, praktika: elektronnyi nauchnyi zhurnal. – Clinical and Health Psychology: Research, Teaching, Practice: the Electron. Scientific. J.*, 2015, no. 2 (8).
10. Orth U., Trzesniewski K. H. & Robins R. W. Self-esteem development from young adulthood to old age: A cohort-sequential longitudinal study // Journal of Personality and Social Psychology, 2010, V. 98, pp. 645–658.

Kasyanova D. V.

A Woman in the History of Psychology: the Shadow or the Victim which Not Accepted by the Society

This article reveals peculiarities of the formation of woman in psychology, referring to historical aspects, which help to clarify the situation in respect of women–psychologists. In modern society women take an active part in scientific activity, but the society does not allow them to put their achievements on a par with men's. In addition, there is an active increase in the level of emancipation, but, despite this, women still feel discrimination. Article reflects a realistic view of the situation of women in science and evaluates their contribution to the development of psychological knowledge.

Keywords: *woman–psychologist, gender identity, feminism, women's discrimination, emancipation.*

REFERENCES

1. Paludi M. *Psihologija zhenshhiny. Per. s angl.* [Psychology of women. Transl. from Engl.]. SPb.; Moscow, OLMA-Press invest; Praim-evroznak, 2003, 384 p.
2. Schultz D. P., Schultz E. S. *Istorija sovremennoj psihologii. Per. s angl.* [History of modern psychology. Transl. from Engl.]. SPb., Eurasia+, 1998, 528 p.

Romanovich T. L.

Women's Contribution to the Development of Psychoanalysis

The author seeks to trace the development of psychoanalysis through the destinies of four women who managed not only to resolve their problems, but also to become scientists and researchers in the field of psychoanalysis, thus developing it by own works. The article highlights the key moments of turning the fate of the patient to becoming a teacher, and also major works, with help of which women have become scientists.

Keywords: *analysis, the analysand, psychoanalysis, the psychoanalyst, free association, erotic.*

REFERENCES

1. Ovcharenko V. I. Sabina Spielrein: Pod znakom destrukcii [Sabina Spielrein: Under the sign of destruction]. *Antologija rossijskogo psihoanaliza. T. 2. – Anthology of Russian Psychoanalysis. V. 2*. Moscow, Flinta, 1999, pp. 366–382.
2. Ovcharenko V. I. Sud'ba Sabiny Spielrein [Fate of Sabina Spielrein]. *Rossijskij psihoanaliticheskij vestnik – Russian Psychoanalytic Bulletin*, 1992, no. 2, pp. 64–69.
3. Etkind A. M. Chistaja igra, ili neobyknovennaja istorija Sabiny Shpil'rejn, rasskazannaja dokumentami. Iz zhizni Zigmunda Frejda, Karla Junga i Sabiny Spielrein [The pure game or an unusual history of Sabina Spielrein told with the documents. From the life of Sigmund Freud, Carl Jung and Sabina Spielrein]. *Zvezda – Star*, 1992, no. 7, pp. 115–138.
4. Etkind A. M. Jeros nevozmozhnogo [Eros of impossible]. *Istorija psihoanaliza v Rossii – The History of Psychoanalysis in Russia*. Moscow, Gnosis-Progress, 1993, 463 p.
5. *Carotenuto A. A.* Secret Symmetry: Sabina Spielrein between Jung and Freud. New York, Pantheon, 1982.

Babiyants K. A.

Few Words for the Benefit of Positive Psychotherapy

The article discusses the strengths of positive psychotherapy, founded in 1968 by N. Pezeshkian. We consider a cross-cultural, integrative approach

method, the basic content of psychotherapeutic practice with the method of positive psychotherapy. The author gives specific situations of the customer practice, using you can work in positive psychotherapy. The author notes that, despite the common foundations of psychoanalysis and approaches, the main positive psychotherapy does not focus on reviewing past experience and on the design of a positive future. One of the advantages of positive psychotherapy, the author believes, is that it is easily integrated into any process of consultation and well combined with other techniques, such as working with symbols, with pictures, with images, with metaphorical objects. Another undoubted advantage of the method is the clear structuring of conducting clinical conversations that N. Pezeshkian called 5-step system of consultation, a clear description of the basic conflict, the actual primary and secondary needs and the availability of specific techniques work at each stage, for each specific case.

Keywords: *positive psychotherapy, integrative approach, basic conflict, irrational installing, self-help steps.*

REFERENCES

1. Ginger S. Ginger A. *Prakticheskoe posobie dlja psihoterapevtov. Per. s fr. L. Ginar* [Practical guide for therapists. Trans. from Fr. of L. Ginar]. Moscow, Akademicheskij proekt; Fund "Mir", 2010, 217 p.
2. Karikash V. I., Bosovskaya N. A., Kravchenko Yu. E., Kirichenko S. A. *Osnovy positivnoy psichoterapii. Pervichnoe interviu* [Basics of Positive Psychotherapy. Initial interview]. Cherkasy, Ukrainian Institute of Positive Cross-Cultural Psychotherapy and Management Publ., 2011, 60 p.
3. Pezeshkian N. *Osnovy pozitivnoi psychoterapii. Pod red. P. I. Sidorova* [Fundamentals of Positive Psychotherapy. Ed. of P. I. Sidorov]. Wiesbaden-Arkhangelsk, Publishing house of the Arkhangelsk Medical Institute, 1993, P. 105.

Belova E. V.

Balint Group through the Lens of the Model of Three-Position Descriptions

The article presents an analysis of the effectiveness of Balint groups from the perspective of the model of Three-position descriptions, developed in neurolinguistic programming; describes the position of perception that contribute to the objectives of the various stages of group work; the conclusion is made about the importance of the development of the positions of perception for the growth of professional competence of the therapist.

Keywords: *Balint groups, positions of perception, neurolinguistic programming, relationship between therapist and client, assistant, association with partner's experience.*

REFERENCES

1. Vinokurov V. A. Balint, istorija sozdanija balintovskih grupp i mezhdunarodnoe balintovskoe dvizhenie [Michael Balint, the history of creation of Balint groups and the international Balint movement]. *Medicinskaja psihologija v Rossii: jelektron. nauch. zhurn. – Medical Psychology in Russia: Electron. Scient. J.*, 2013, no. 3 (20).
2. Grinder J., Deloze J. *Cherepahi do samogo niza. Predposylki lichnostnoj genial'nosti* [Turtles for all the way down. Prerequisites of personal genius]. SPb., Praym-EVROZNAK, 2005, 352 p.
3. Margoshina I. Yu. Transfernye reakcii v kontekste balintovskoj gruppy [Transfer reactions in the context of Balint group]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija – Vestnik of St. Petersburg University. Ser. 6. Politics. International Relationships*, 2007, no. 2, pp. 115–120.
4. Maciejewski L. L. Vozmozhnosti balintovskogo dvizhenija v formirovanii medicinskogo professionalizma [Balint movement' opportunities in the formation of medical professionalism]. *Innovacionnyj potencial subjektov obrazovatel'nogo prostranstva v uslovijah modernizacii obrazovanija. Materialy I Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Otv. red. A. K. Belousova – Innovation potential of the subjects of educational space in the modernization of education. Proceedings of the I International Scientific and Practical Conference. Ed. of A. K. Belousova*, Rostov-on-Don, 2010, pp. 439–443.
5. Prokopeva E. V. *Vvedenie v metodologiju nejrolingvisticheskogo programmirovanija: metod. ukazanija k speckursu "Teorija i prak-*

tika nejrolingvisticheskogo programmirovanija" [Introduction to the methodology of neurolinguistic programming: Method. guidance for the course "Theory and Practice of Neurolinguistic Programming"]. Rostov-on-Don, 2006, 31 p.

Boguslavskaya V. F.

Unconscious Perception of the Manipulative Influence on Individual Representations during Formation of Antiterrorist Personal Consciousness

Modern technologies of formation of individual attitudes and value orientations in the human consciousness in its arsenal use methods of directional influence as a system that will allow to convince them in personal values of social norms and ways of behavior, positioned by the society as positive. Since the formation of antiterrorist consciousness is considered as a method of outreach measures for the prevention of terrorism, and the concept of antiterrorist consciousness logically can be interpreted as a kind of political consciousness. This consciousness is formed at persons associated with the policy, which are directed against the activities of terrorists, and at the society in general.

Keywords: *information impact, the influence of mass media, formation of attitudes, formation of values, unconscious perception, manipulative impact.*

REFERENCES

1. Abakumova I.V., Ermakov P. N., Boguslavskaya V. F. et al. *Psihologiya formirovaniya antiterroristicheskih tsennostey studentov sovremennogo universiteta: Uchebnik* [The psychology of forming antiterrorist values of students of a modern University: Textbook]. Moscow, KREDO, 2013.
2. Boguslavskaya V. F., Abakumova I. V. Manipulyatsionnoe vozdeystvie na individualnyie predstavleniya i tsennostnyie orientatsii pri formirovanii antiterroristicheskogo soznaniya lichnosti [Manipulation impact on individual representations and valuable orientations when forming antiterrorist consciousness of the personality]. *Sbornik materialov yubileynoy konferentsii: V 5 tomah. T. 5 – Collection of Materials of Anniversary Conference: In 5 volumes. V. 5*. Moscow, Kogito-Tsentr, 2015, 461 p.
3. Kara Murza S. G. *Manipulyatsiya soznaniem* [Manipulation with consciousness]. Moscow, Algoritm, 2000.
4. Boguslavskaya V. F. Transformation of valuable acceptance of an image influenced by Mass Media: *Materialy 12go Evropeyskogo kongressa po psihologii* [Materials of the 12th European Congress of Psychology]. Stambul, Turkey, ECP, 2011.

Zinchenko E. V.

The Phenomenon of Sublimation in the Light of Modern Ideas about the Causes of Stress

The article discusses the development of psychoanalytic ideas about sublimation in modern psychological science. Sublimation phenomenon associated with the emergence and development of stress in humans. Stress can occur in the following cases: 1) destroying areas of activity in which the person is completely directed with energy; 2) with strong energy consumption in various fields, leading to a complete depletion of personal resources. Such approach to understanding the mechanisms of stress gives new possibilities for the development of preventive measures in this field.

Keywords: *sublimation, energy, libido, defense mechanism, creativity, stress, individual, psychoanalysis, personal resources.*

REFERENCES

1. Pershin Yu. Yu. *Fenomen sublimacii: opyt filosofsko-antropologicheskogo issledovanija: diss. ... kand. filos. nauk* [The Phenomenon of sublimation: the experience of philosophical-anthropological research: Diss. ... Cand. of Philos. Sciences]. Volgograd Publ., 2004, 167 p.
2. Hjelle L. A., Ziegler D. J. *Teorii lichnosti (Osnovnye polozhenija, issledovanija, primenenie)* [Personality theories (Basic assumptions, research, application)]. SPb., Piter, 1997, pp. 105–160.
3. Freud S. Civilized Sexual Morality and Modern Nervousness (1908) in Collected Papers, V. 2. London, Hogarth Press, 1930.

Kajdanovskaya I. A.

Awareness as a Tool of Psychotherapy, Training and Education

The subject of the research of Z. Freud, K. Jung and A. Adler is unconscious mental processes that cause neurotic state. Tool for the treatment of neuroses is the awareness by the client the reasons of his condition and expanding the scope of the conscious. Similar processes are in the focus of developmental and educational psychology. The purpose and objectives of these interrelated areas of psychology – are the creating a conscious knowledge, development of higher mental functions and personality.

Keywords: *Freud, Jung, Adler, Piaget, Vygotsky, decay, restoration, formation, development, a measure of awareness.*

REFERENCES

1. Vygotsky L. S. O prirode jegocentricheskoj rechi [On the nature of egocentric speech]. *Zhan Piazhe: teorii, jeksperimenty, diskussii: Sb. statej / Sost. i obshh. red. L. F. Obuhovoj i G. V. Burmenskoj – Jean Piaget: theory, experiments, discussions: Coll. of articles / Comp. and ed. by L. F. Obukhova, and V. G. Burmenskoi*. Moscow, Gardariki, 2001.
2. Vygotsky L. S. *Sobranie sochinenij v 6-ti t. T. 2. Problemy obshhej psihologii / Pod red. V. V. Davydova* [Collected works: in 6 V. V. 2. Problems of General Psychology. Ed. by V. V. Davydov]. Moscow, Pedagogika, 1982.
3. *Zhan Piazhe: teorii, jeksperimenty, diskussii: Sb. statej / Sost. i obshh. red. L. F. Obuhovoj i G. V. Burmenskoj* [Jean Piaget: theory, experiments, discussions: Coll. of articles / Comp. and ed. by L. F. Obukhova, and V. G. Burmenskoi]. Moscow, Gardariki, 2001.
4. Piaget J. *Izbrannye psihologicheskie trudy. Psihologija intellekta* [Selected psychological works. The psychology of intelligence]. Moscow, Education, 1969.
5. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Psihologija razvitija cheloveka: Razvitie sub#ektivnoj real'nosti v ontogeneze* [Psychology of human development: Development of subjective reality in ontogenesis]. Moscow, Shkol'naya pressa, 2000.
6. Fadiman D., Prager R. *Lichnost' i lichnostnyj rost. Vypusk 1.* [Personality and personal growth. Edition 1]. Moscow, Russian Open University Publ., 1991.
7. Fadiman D., Prager R. *Lichnost' i lichnostnyj rost. Vypusk 2.* [Personality and personal growth. Edition 2]. Moscow, Russian Open University Publ., 1992.

Manuylova O. V.

Reflexive Game as Prevention of Youth Extremism in the Light of Positive Psychotherapy

The article discusses the need for prevention of extremism in the youth student community and reveals one of the ways to prevent extremism by the reflexive game in conjunction with the method of positive psychotherapy. Reveals the possibility of using the three basic principles of positive psychotherapy in personal reflection, reveals the essence of a psychotherapeutic approach. We present some practical results of applying a balanced model of N. Pezeshkian, methods of prevention of frustration in the situation of extremism and terrorism of K. A. Babiyants, O. V. Manuilova's results from reflexive games. Particular attention is paid to the four types of responses to conflict and type of education in the family, which forms such a reaction to the technology to identify irrational plants operating at an unconscious level and controls our behavior at the moment of emotional frustration.

Keywords: *positive psychotherapy, reflection, youth, frustration, terrorism, extremism, prevention.*

REFERENCES

1. Abakumova I. V., Kagermazova L. Ts. Smysloobrazovanie kak factor initsiatsii tsennostno-smislovich ustanovok v protsesse formirovaniya antiextremistskoy ideologii [The formation of meaning as a factor in the initiation of value-semantic units in the formation of anti-extremist ideology]. *Nauchno-metodicheskij zhurnal "Psihologija v vuze" – Scientific-Methodical Journal "Psychology in High School"*, 2011, no. 5.
2. Babiyants K. A. Nauchno-issledovatelskie i psychokorrekzionnie vozmognosti metodiki po ustraneniyu prichin i faktorov rosta extremisma v molodezhnoy srede [Research and psychocorrection methods to address the causes and factors of the growth of extrem-

ism in the youth environment]. *Nauchno-metodicheskij zhurnal "Psihologija v vuze" – Scientific-Methodical Journal "Psychology in High School"*, 2011, no. 5.
3. Karikash V. I., Bosovskaya N. A., Kravchenko Yu. E., Kirichenko S. A. *Osnovi positivnoy psichoterapii. Pervichnoe interviu* [Basics of Positive Psychotherapy. Initial Interview]. Cherkasy, Ukrainian Institute of Positive Cross-Cultural Psychotherapy and Management Publ., 2011
4. Lefebvre V. A. *Reflexia* [Reflection]. Moscow, Kogito-Centr, 2003.
5. *Psychologia formirovaniya antiterroristicheskich tsennostey studentov sovremennogo universiteta: uchebnik. Pod red. I. V. Abakumovoj, P. N. Ermakova* [Psychology of formation of anti-terror values of modern university students: a textbook. Ed. of I. V. Abakumova, P. N. Ermakov]. Moscow, KREDO, 2013.
6. Pyankova G. S. *Razvitie professionalnoy refleksii* [The development of professional reflection]. Krasnoyarsk Publ., 2009.
7. Extremism i megetnicheskie otnocheniya v molodegnoyi srede Rossii [Extremism and inter-ethnic relations among the youth of Russia]. *Tesisy megdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Kavkaz nasch obchiy dom!" – Proceedings of the International Scientific-Practical Conference "The Caucasus is our common home!".* Rostov-on-Don Publ., 2009.
8. Rodrigues T. F. Meaning in couples relationships // Psychology in Russia: State of the Art, 2014, no. 7 (3).
9. Shadrikov V. D. The role of reflection and reflexivity in the development of students' abilities // Psychology in Russia: State of the Art, 2013, no. 6 (2).
10. Zinchenko Yu. P. Extremism from the perspective of a system approach // Psychology in Russia: State of the Art, 2014, no. 7 (1).

Martynenko T. S., Deynekina A. S.

Influence of Psychoanalysis on Modern Psychotherapy

This article examines the impact of the main provisions of psychoanalysis to individual psychotherapeutic methods and psychotherapy in general. Fundamental theories developed in the context of psychoanalysis, had a significant influence on the development of psychology and became the basis of many psychotherapeutic practice of the psychodynamic approach, and other areas of psychotherapy, which has been successfully used to resolve a wide range of mental disorders.

Keywords: *S. Freud, A. Freud, A. Adler, K. G. Jung, psychiatry, psychology, psychoanalysis, psychotherapy, unconscious, dreams, protection mechanisms.*

REFERENCES

1. Adler A. *Ocherky po individualinoy psihologii* [Essays on individual psychology]. Moscow, Cogito-Centr, 2002, 220 p.
2. Vasilchenko G. S, Agarkova T. E, Agarkov S. T. et al. *Seksopatologiya: spravochnik. Pod redakciei G. S Vasilchenko* [Sexual pathology: a handbook. Ed. of G. S. Vasilchenko]. Moscow, Medicine, 1990, 576 p.
3. McWilliams N. Zashitnye mehanizmy [Protective mechanisms]. *Psyhoanaliticheskaya diagnostyka: ponymanye stryktyri lichnosty v klinicheskom processe – Psychoanalytic diagnosis: Understanding of personality structure in the clinical process*. Moscow, Class, 1998, 480 p.
4. Freud S. *Vvedenie v psihoanaliz: lekcii* [Introduction to Psychoanalysis: Lectures]. Moscow, "Firm STD", 2003, 624 p.
5. Freud S. *Ocherky po teoryy seksyalnosty* [Essays on the Theory of Sexuality]. Moscow, AST, 2005, 285 p.
6. Freud S. *Psihologia bessoznatelnogo i analiz chelovecheskogo Ya* [The psychology of the unconscious and the analysis of the human Ego]. Moscow, AST, 2005, 188 p.

Kolomijchenko E. V.

Self-Relation of Students, "Intermingled" and "Not Intermingled" to the Sport as a Subject of Psychoanalysis

The possibility of a conscious combination of diagnosis and identification of the unconscious components of self-relation of the students "intermingled" and "not intermingled" in physical

education and sport are considered in the article. The author examines the components of the self-concept, such as I-physical and I-aesthetic, which often formed unconsciously. The author expresses the idea that in many respects such activity affects on the nature of their formation in which they are included, as physical culture and sports. The need to study the formation of I-physical and I-aesthetic means of physical culture and sports in the youth student's environment dictated by the high relevance of unconscious projection of physical I of the youth on the system of interpersonal relations and the ways of self-presentation in the continuation of the identity formation. The article presents the results of gender research among students, the results of research of the self-relation and self-description of I-images.

Keywords: *unconscious, self-consciousness, self-attitude, I-image, students, physical education, sport.*

REFERENCES

1. Bem S. *Linzy gendera: Transformacia vzglyadov na problemu neravenstva polov. Per.s angl.* [Gender Lens: Transformation of views on the problem of gender inequality. Trans. from English]. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija, 2004, pp. 308–330.
2. Kolomiychenko E. V. Psihologicheskie mehanizmy formirovaniya smyslovogo otnosheniya individov k svoey telesnosti [Psychological mechanisms of formation of semantic relationship of individuals to their physicality]. *Vserossijskaja psihologicheskaja konferencija s mezhdunarodnym uchastiem "Kategorija smysla v filosofii, psihologii, psihoterapii i v obshhestvennoj zhizni" – All-Russian psychological conference with international participation "Category of meaning in philosophy, psychology, psychotherapy and social life"*. Rostov-on-Don, KREDO, 2014, pp. 131–132.
3. Reber A. *Bol'shoj tolkovyj psihologicheskij slovar': per. s angl.* [Big explanatory psychological dictionary: transl. from Engl.]. Moscow, Veche; AST, 2000.
4. Rutkiewicz A. M. Nauchnyj status psihoanaliza [Scientific status of psychoanalysis]. *Voprosy filosofii – Questions of Philosophy*, 2000, no. 10, pp. 9–14.

Obukhova Yu. V., Obukhova S. G.

Image of Sabina Spielrein in Perception of Students of Nonpsychological Specialties

In this article the image of Sabina Spielrein in descriptions of students of nonpsychological specialties is considered. 100 students not of psychologists took part in this research. The questionnaire, which allowed to reveal conditions of acquaintance to a name and a surname of Sabina Spielrein, knowledge of some facts of her biography, was developed, to issue councils of students on distribution of information on her personality and scientific works, to carry out the analysis of qualities, which students would like to borrow at it and to make her portrait eyes of students not of psychologists. Status lines, intellectual lines, strong-willed lines, financial position, personal features, social environment, appearance and physical state became the leading lines at the description of S. Spielrein by students.

Keywords: *S. Spielrein, image, perception, leading lines, content analysis, strong-willed qualities, professionalism, feminine, attitude towards others, personal qualities.*

REFERENCES

1. Zinchenko E. V. Samoraskritie i psihicheskoe zdorov'e lichnosti [Self-disclosure and mental health of the personality]. *Izvestiya YuFU. Tehnicheskie nauki – News of SFU. Technical Science*. – 2005. – no. 7 (51). – pp. 98–99.
2. Ilyin E. P. *Psihologiya vzroslosti* [Psychology of a maturity]. SPb: St. Petersburg, 2012. – 990 p.
3. Ilyin E.P. Emocii i chuvstva [Emotions and feelings]. – SPb., Piter, 2010, 784 p.
4. Obukhova Yu. V. Vzaimosvyaz mejdu osobennostyami intellekta i soderjaniem Ya-koncepcii u studentov fizicheskogo i matematicheskogo fakultetov [The relationship of between features of intelligence and contents of I-concept at students of physical and mathematical faculties]. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obschestvennie nauki – News of Higher Educational Institutions. North Caucasian Region. Social Sciences,* 2014, no. 1 (179), pp. 105–110.
5. Obukhova Yu. V. Intellektualnie osobennosti predstavitelei socionomicheskih i nesocionomicheskih professii v period rannei vzroslosti

[Intellectual features of representatives the socionomical and non-socionomical professions in the period of an early maturity]. *Severo-Kavkazskii psihologicheskii vestnik – North Caucasian Psychological Bulletin*, 2013, V. 11, no. 2, pp. 59–62.
6. Pocheptsov G. G. *Kommunikativnye tehnologii XX veka* [Communicative technologies of the XX century]. Moscow, Logos, 2001, 348 p.

Popova Yu. A., Breus E. D.

Destructive Forms of Feedback in Interpersonal Communication of Students

This research is aimed for exploring the various forms of feedback in interpersonal communication of students and to study the interrelation of destructive and constructive forms of feedback with the socio-psychological features of personality. The findings of the research discovered the availability of interrelation of destructive and constructive forms of feedback from different levels of centration, locus of control and type of orientation of the personality in the communication.

Keywords: *feedback, destruction, centration / decentration, locus of control, orientation of the personality.*

REFERENCES

1. Bratchenko S. L. *Diagnostika lichnostno-razvivayushchegosya potenciala. Metodicheskoe posobie dlya shkol'nyh psihologov* [Diagnostics of the personal developing potential. A methodical manual for school psychologists]. Pskov, 1997, 68 p.
2. Vakulenko Ju. V. *Prinyatie obratnoi svyazi kak perezhivanie. Diplomnaya rabota* [Acceptance of feedback as experience. Thesis]. Moscow, MSU Publ., 1989.
3. Labunskaya V. A., Medzheritskaya Ju. A., Breus E. D. *Psihologiya zatrudnennogo obshcheniya: Teoriya. Metody. Diagnostika. Korrekciya* [Psychology of the complicated communication: Theory. Methods. Diagnostics. Correction]. Moscow, Akademiya, 2001, 288 p.
4. Petrovskaya L. A. *Obshchenie – kompetentnost' – trening: izbrannye trudy* [Communication – Competence – Training: Chosen Works]. Moscow, Smysl, 2007.
5. Rassel T. *Navyki effektivnoi obratnoi svyazi* [Skills of the effective feedback]. SPb., Piter, 2002.
6. Selye G. *Stress bez distressa* [Stress without distress]. Moscow, Kniga po trebovaniju, 2012.
7. Solovyova O. V. *Obratnaya svyaz' v mezhlichnostnom obshchenii* [Feedback in interpersonal communication]. Moscow, Publishing house of Moscow University, 1992.
8. Spielrein S. Destrukciya kak prichina stanovleniya [Destruction as formation reason]. *Logos*, 1994, no. 5.
9. Blumberg A., Golembiewski R. T. Learning and change in groups. Earmondsworth, Penguin Books, 1976.

Cheremisova I. V.

Charismatic Personality in the Sphere of Elite Education

The article represents the author's attitude, according to which the goal of the elite education is in formation of elite consciousness of the students. From the point of the author's aesthetic and semiotic approach the personality's social elitization process should go through the person's spiritual development. Music culture is a powerful method of communication, personal interaction and education. The author outlines the spiritual and moral contents and emotional and imaginative intension of music as the main factors of the music' psychological effect on the personality's spiritual development and creativity activation. The author supposes that the university professor's charismatic personality and meetings with charismatic compatriots play the most important role in the development of spiritual personality of the future expert in the sphere of the elite education.

Keywords: *applied psychoanalysis, charismatic personality, elite education, music art, musical masterpiece.*

REFERENCES

1. Ashin G. K., Berezhnova L. N., Karabushchenko P. L., Rezakov R. G. *Teoreticheskie osnovy jelitologii obrazovanija* [Theoretical bases of elitology education]. Moscow, Academiya, 1998.
2. Weber M. Harizmaticheskoe gospodstvo [Charismatic rule]. *Psihologija i psihoanaliz*

vlasti: Hrestomatija. D. Ja. Rajgorodskij – Psychology and Psychoanalysis of the Authority: Chrestomathy. D. Ya. Raygorodskiy. Samara, Bakhrakh-M Publ., 1999.
3. Dobrynina V. I., Kukhtevich T. N. *Formirovanie intellektual'noj jelity v vysshej shkole* [Intellectual elite formation in higher education institutions]. Moscow, Moscow State University Publ., 1996.
4. Zmanovskaya E. V. *Rukovodstvo po upravleniju lichnym imidzhem* [Manual for the management of personal image]. SPb., Rech' Publ., 2005.
5. Zmanovskaya E. V. *Sovremennyj psihoanaliz. Teorija i praktika* [Modern psychoanalysis. Theory and practice]. SPb., Piter, 2011.
6. Ushinskiy K. D. *Materialy k tret'emu tomu "Pedagogicheskoj antropologii"* [Materials for the third part of "Pedagogical anthropology"]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970.
7. Figurovskaya V. M. Jelitarnoe obrazovanie: nauchnoe soderzhanie i teoreticheskoe obosnovanie problemy [Elite education: scientific content and theoretical underpinning of the issue]. *Problemy obrazovanija. Sb. nauchn. tr. – Education Issues. Collection of Research Papers*. Novosibirsk, Novosibirsk State University of Economics and Management Publ., 1997.
8. Cheremisova I. V. *Psihologicheskie osnovy muzykal'no-tvorcheskogo razvitija lichnosti v obrazovatel'nom processe. Diss. … d-ra psihol. nauk* [Psychological basis of personality's musical and creative development in the educational process. Diss. … Doctor of Psychology]. Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering Publ., 2011.
9. Enkelman N. B. *Lichnostnye kachestva kak sredstvo dostizhenija uspeha v professional'noj i lichnoj zhizni. Per. s nem.* [Charisma. Personal characteristics as the means of achieving success in professional and private life. Translated from German]. Moscow, Interexpert Publ., 2000.

Shkurko T. A.

Mother, Father, Child in the Complex System of Relationships in the Family

In the article, the basic social-psychological needs of parents (inclusion, control, affection) are considered as a factor of relationships in the family. The article presents the results of a study of couples and their preschool children, which showed that the social-psychological needs of the mother and father determine the interaction parameters in pairs "mother-child" / "father-child", attitude of mother / father to the family, husband / wife, the child's attitude to mother / father.

Keywords: *person attitude factors, family relationships, social-psychological needs, need for control, controlling personality.*

REFERENCES

1. Bodalev A. A., Stolin V. V. *Obshchaya psikhodiagnostika* [General psychodiagnostics]. Moscow Publ., 1987.
2. Zakharova E. I. Issledovanie osobennostei emotsional'noi storony detsko-roditel'skogo vzaimodeistviya [Study of characteristics of emotional side of child-parent interaction]. *Psiholog v detskom sadu – Psychologist in Kindergarten*, 1998, no. 1, pp. 9–17.
3. Rukavishnikov A. A. *Oprosnik mezhlichnostnykh otnoshenii* [Interpersonal relationships questionnaire]. Yaroslavl Publ., 1992.
4. Sabina Shpil'rein: nad vremenem i sud'boi [Sabina Spielrein: over time and fate]. *Sb. statej. Sostavitel' F. R. Filatov – Collection of articles. Ed. of F. R. Filatov*. Rostov-on-don Publ., 2004.
5. Shkurko T. A. Koncepciya otnoshenij lichnosti [The concept of the relationships of personality]. *Social'naja psihologija lichnosti v voprosah i otvetah: uchebnoe posobie pod red. V. A. Labunskoj – Social Psychology of the Individual in Questions and Answers: a Training Manual Edited by V. A. Labunskaya*, Moscow Publ., 1999, pp. 129–142.
6. Shkurko T. A. Otnosheniya k "svoim / chuzhim", "blizkim / dalekim" zhitelej gorodov raznogo tipa [Attitudes to "Us / Them" and "Close Person / Stranger" in Residents of Cities of Different Types]. *Social'naja psihologija i obshhestvo – Social Psychology and Society*, 2013, no. 4, pp. 81–94.
7. Shkurko T. A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti s vyrazhennoi potrebnost'yu v kontrole sebya i drugikh lyudei [Social-Psychological Features of a Person with an Intense Need for Others' and Self-Control]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univer-*

siteta – Tomsk State University Bulletin, 2011, no. 349, pp. 177–184.
8. Schutz W. FIRO: A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. N.Y., Rinehart, 1958.

Shkurko T. A., Lomova M. A.

Psychoanalytic Model of Control and Modern Ideas of Control in the Close Emotional Relations

Results of research in which gender specifics of ideas of the partner's control in the close emotional relations of the man and woman were revealed, are given in article. In the work that question is discussed: whether the found distinctions are a consequence of the gender norms which are containing in gender schemes of behavior and expressed in gender division of social roles or follow from specifics of manifestation of the basic social requirements at men and women which are one of the most important factors of social behavior. In work it is shown that not deep social requirements order to men to control the partner, as appears from classical psychoanalytic model of the interpersonal relations, and the gender schemes of "man's" and "female's" behavior, which are socially and culturally caused.

Keywords: *psychoanalysis, control, need for control, controlling behavior, controlling personality, relations, close emotional relations, factors of the relations, gender schemes, gender expectations.*

REFERENCES

1. Burbo L. *Pyat' travm, kotorye meshayut byt' samim soboi* [Five injuries that hampered be yourself]. Moscow Publ., Publishing House "Sofia", 2013.
2. Vorontsov D. V. *Gendernaya psikhologiya obshcheniya* [Gender psychology of communication]. Rostov-on-Don, SFedU, 2008.
3. Zinchenko E. V. Samoraskrytie i psikhicheskoe zdorov'e lichnosti [Self-disclosure and mental health of the individual]. *Izvestija JuFU. Tehnicheskie nauki – News of SFedU. Technical science*, 2005, no. 7 (51), pp. 98–99.
4. Kotomanova O. V. O ravnykh pravakh i vozmozhnostyakh rukovoditelei (muzhchin i zhenshchin) [On equal rights and opportunities for leaders (men and women)]. *Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Buryat State University*, 2014, V. 5: Psychology, Social Work, pp. 130–134.
5. Makarova N. G. Polovye i gendernye razlichiya muzhchin i zhenshchin, osobennosti ikh izucheniya [Sex and gender differences between men and women, specialties of their study]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: psihologija i pedagogika – Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Psychology and Pedagogy*, 2007, pp. 40–43.
6. Norvud R. *Nado li byt' raboi lyubvi?* [Is it necessary to be a slave of love?]. Moscow, Mirt, 1994.
7. Reinuoter Dzh. *Eto v vashikh silakh. Kak stat' sobstvennym psikhoterapevtom* [It is in your power. How to become the own therapist]. Moscow, Progress, 1992.
8. Sabina Shpil'rein: nad vremenem i sud'boi [Sabina Spielrein: over time and fate]. *Sb. statej. Sostavitel' F. R. Filatov – Collection of articles. Ed. of F. R. Filatov*. Rostov-on-don Publ., 2004.
9. Khorni K. *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz* [The neurotic personality of our time. Introspection]. Moscow, Publishing group "Progress"–"Universe", 1993.
10. Khoch N. S., Shtepa N. A. Molodoe pokolenie Rossii: osobennosti gendernykh transformatsii lichnosti muzhchin i zhenshchin [The younger generation of Russia: features of gender identity transformations of men and women]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 2005, Volume 1, pp. 131–134.
11. Tsarikevich N. V. Kontsepty "ideal'nyi muzhchina" i "ideal'naya zhenshchina" v tekstakh russkikh i nemetskikh brachnykh reklamnykh ob"yavlenii [Concepts "the ideal man" and the "the ideal woman' in the texts of Russian and German matrimonial advertisements]. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshhestvennye nauki. Spec. vypusk po filologii – News of Higher Educational Institutions. North Caucasus region. Social Sciences. Special Issue on Philology*. Rostov-on-Don. 2006, pp. 87–92.
12. Shkurko T. A. Kontroliruyushchaya lichnost' kak ob»ekt sotsial'no-psikhologicheskogo issledovaniya [The controlling personality as

an object of social-psychological research]. *Severo-Kavkazskij psihologicheskij vestnik – North Caucasus Psychological Bulletin*, 2003, no. 1, pp. 90–99.
13. Shkurko T. A. Sotsial'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti s vyrazhennoi potrebnost'yu v kontrole sebya i drugikh lyudei [Social-Psychological Features of a Person with an Intense Need for Others' and Self-Control]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Bulletin*, 2011, no. 349, pp. 177–184.
14. Schutz W. FIRO: A Three-Dimensional Theory of Interpersonal Behavior. New York, 1958.

Glushko N. I.

The Influence of the Sabina Spielrein's Idea on the Development of the Psychoanalytic Theory

Our compatriot S. N. Spielrein made the largest contribution to the development of the psychoanalytic theory. Her idea of the sexual attraction and the attraction to the destruction of the life strongly influenced on ideas about the psychoanalytic theory. Spielrein's supposition formed the basis for the creation of S. Freud's theory of the attraction to the death.

Keywords: *destruction, theory of the attraction, attraction to the death, aggression, psychoanalysis, sexual attraction.*

REFERENCES

1. Bushmakina O. N. Samoopredeleniye individual'nogo bytiya v psikhoanalize S. Spielrein: vlechenie i destruktsiya [The determination of the individual existence in the psychoanalysis of S. Spielrein: attraction and destruction]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Psihologija. Pedagogika – Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Sociology. Psychology. Pedagogy*, 2012, no. 4, pp. 3–8.
2. Vagin Yu. R. Teoriya destruktivnogo vlecheniya Sabiny Spielrein [The theory of the destructive impulses of Sabina Spielrein]. *Suicidologija – Suicidology*, Perm, 2012, no. 1, pp. 43–48.
3. Vagin Yu. R. *Trifoanaliz. Tom 1.* [Trifoanaiysis. Volume 1]. Perm, Proceedings of the Perm Educational Research Center of Avital Activity, 2003, no. 1, 384 p.
4. Spielrein S. N. Destruktsiya kak prichina stanovleniya [Destruction as the Cause of Becoming]. *Logos. Filosofsko-literaturnyj zhurnal – Logos, Philosophical and Literary Journal*, 1994, P. 26.
5. Yung K. G. *Libido, ego metamorfozy i simvoly* [The Metamorphoses and Symbols of the Libido]. SPb., 1994, 282 p.

Filatov Ph. R.

Sabina Spielrein at the Crossroads of Psychoanalysis: Freud and / or Jung?

The article contains the characteristic of the main work in S. Spielrein's scientific heritage – "Destruction as the Cause of Coming into Being" (1912). This classic work is considered as an original attempt to integrate the ideas of C. G. Jung and S. Freud on a new theoretical basis. The author analyzes S. N. Spielrein's concept of destruction as a scientific alternative to S. Freud's concept of death impulse and, at the same time, as the anticipation of C. G. Jung's concept of the collective unconsciousness.

Keywords: *Spielrein, Jung, Bleuler, Freud, psychoanalysis, destruction.*

REFERENCES

1. Carotenuto A. A Secret Symmetry. Sabina Spielrein between Jung and Freud. New York, Pantheon Books, 1982.
2. *Etkind A. Eros of the Impossible: The History of Psychoanalysis in Russia. Boulder, CO, Westview Press, 1997, P. 172.*
3. *Freud S.* Beyond the Pleasure Principle. *Editorial Preface by* Ernest Jones. *Translated by C. J. M. Hubback // URL:* Bartleby.com. Retrieved May 23, 2013.
4. *Spielrein S. Destruction as the Cause of Coming into Being // Journal of Analytical Psychology, 1994, 39, pp. 155–186.*

НАШИ АВТОРЫ

Акименко Диана Андреевна
студентка 3 курса кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: diana787Dance@mail.ru

Барсукова Оксана Владимировна
доцент кафедры психологии образования Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: knesinka@mail.ru

Шпагин Сергей Алексеевич
региональный представитель Научно-просветительного центра «Холокост», научный руководитель музея «Евреи Ростова-на-Дону в годы Холокоста», учитель истории гимназии «Ор Авнер»
Служебный адрес: ул. Ульяновская, д. 57, г. Ростов-на-Дону, 344002
E-mail: s.shpagin@mail.ru

Абакумова Ирина Владимировна
член-корреспондент РАО, заведующая кафедрой общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор, доктор психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: abakira@mail.ru

Кагермазова Лаура Цараевна
доцент кафедры педагогики и психологии дополнительного профессионального образования факультета педагогического образования Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, доктор психологических наук
Служебный адрес: ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360004
E-mail: laura07@yandex.ru

OUR AUTHORS

Akimenko Diana Andreevna
3-year Student of the Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Academy of Psychology and Educational Sciences of the Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: diana787Dance@mail.ru

Barsukova Oksana Vladimirovna
Associate Professor, Educational Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: knesinka@mail.ru

Shpagin Sergei Alekseevich
Regional Representative of the Scientific-Educational Center "Holocaust", Scientific Adviser of the Museum "Jews in Rostov-on-Don during the Holocaust", Teacher of History in Grammar School "Or Avner"
Official address: b. 57, Ulyanovskaya St., Rostov-on-Don, 344002
E-mail: s.shpagin@mail.ru

Abakumova Irina Vladimirovna
Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Head of General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Professor, Doctor of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: abakira@mail.ru

Kagermazova Laura Tsaraevna
Associate Professor of the Pedagogy and Psychology Department of Additional Professional Education, Pedagogical Education Faculty, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Doctor of Psychological Sciences
Official address: b. 173, Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004
E-mail: laura07@yandex.ru

Масаева Зарема Вахаевна
доцент кафедры педагогики и психологии Института чеченской и общей филологии Чеченского государственного университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: ул. Шерипова, д. 32, г. Грозный, Чеченская Республика 364907
E-mail: masaeva-2009@mail.ru

Багова Римма Хамидбиевна
доцент кафедры педагогики и психологии дополнительного профессионального образования факультета педагогического образования Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х. М. Бербекова, кандидат психологических наук
Служебный адрес: ул. Чернышевского, д. 173, г. Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, 360004
E-mail: bagovarimma@mail.ru

Бреус Елена Дмитриевна
доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: rsu-elena@yandex.ru

Дудникова Анна Андреевна
аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: zabyrdenko.anna@yandex.ru

Беликова Мария Андреевна
доцент кафедры «Химия» Донского государственного технического университета, кандидат технических наук
Служебный адрес: пл. Гагарина, д. 1, г. Ростов-на-Дону, 344000
E-mail: belikova.maria@yandex.ru

Masaeva Zarema Vakhaevna
Associate Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Institute of the Chechen and General Philology of the Chechen State University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 32, Sheripov St., Grozny, Chechen Republic, 364907
E-mail: masaeva-2009@mail.ru

Bagova Rimma Hamidbievna
Associate Professor of the Pedagogy and Psychology Department of Additional Professional Education, Pedagogical Education Faculty, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 173, Chernyshevsky St., Nalchik, Kabardino-Balkar Republic, 360004
E-mail: bagovarimma@mail.ru

Breus Elena Dmitrievna
Associate Professor, Social Psychology and Psychology of Personality Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: rsu-elena@yandex.ru

Dudnikova Anna Andreevna
Postgraduate student of the General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-don, 344038
E-mail: zabyrdenko.anna@yandex.ru

Belikova Maria Andreevna
Associate Professor of the "Chemistry" Department, Don State Technical University, Candidate of Technical Sciences
Official address: b. 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000
E-mail: belikova.maria@yandex.ru

Звездина Галина Павловна
доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: galzvezdina@yandex.ru

Князева Елена Владимировна
аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: zulejka1234@rambler.ru

Раева Дарья Алексеевна
аспирант Волгоградского государственного университета
Служебный адрес: пр. Университетский, д. 100, г. Волгоград, 400062
E-mail: dar.raewa2010@yandex.ru

Филиппова Анастасия Владимировна
студентка кафедры психологии Волгоградского государственного университета
Служебный адрес: пр. Университетский, д. 100, г. Волгоград, 400062
E-mail: filip.nastya@mail.ru

Чернова Анастасия Александровна
доцент кафедры психологии управления и юридической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: anastasiya.chern@mail.ru

Савинова Юлия Михайловна
бакалавр 3 курса Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: liasummer@mail.ru

Zvezdina Galina Pavlovna
Associate Professor, Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: galzvezdina@yandex.ru

Knyazeva Elena Vladimirovna
Postgraduate student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: zulejka1234@rambler.ru

Raeva Darya Alekseevna
Postgraduate student of Volgograd State University
Official address: b. 100, University Ave., Volgograd, 400062
E-mail: dar.raewa2010@yandex.ru

Filippova Anastasiya Vladimirovna
Student of the Psychological Department, Volgograd State University
Official address: b. 100, University Ave., Volgograd, 400062
E-mail: filip.nastya@mail.ru

Chernova Anastasiya Aleksandrovna
Associate Professor, Psychology of Management and Legal Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: anastasiya.chern@mail.ru

Savinova Julia Mihailovna
3rd year Bachelor Degree Student of the Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: liasummer@mail.ru

НАШИ АВТОРЫ

Ачина Алиса Владимировна
преподаватель Южно-Российского гуманитарного института, кандидат психологических наук
Служебный адрес: ул. Красноармейская, д. 108, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: achina@inbox.ru

Коленова Анастасия Сергеевна
аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344090
E-mail: kolenova.nastya@yandex.ru

Акопова Людмила Ивановна
сотрудник Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, к. 241, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: lgolicina2007@yandex.ru

Афанасенко Инна Владимировна
доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: afinna@mail.ru

Буняева Мария Владимировна
преподаватель кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: rosemary777@list.ru

Ковш Екатерина Михайловна
аспирант кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: emkovsh@sfedu.ru

OUR AUTHORS

Achina Alisa Vladimirovna
Lecturer of South Russian Humanities Institute, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 108, Krasnoarmeyskaya St., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: achina@inbox.ru

Kolenova Anastasija Sergeevna
Postgraduate student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344090
E-mail: kolenova.nastya@yandex.ru

Akopova Lyudmila Ivanovna
Employee of Academy of Psychology and Educational Sciences of the Southern Federal University
Official address: of. 241, b. 13, M. Nagibina Ave, Rostov-on-Don, 344038
E-mail: lgolicina2007@yandex.ru

Afanasenko Inna Vladimirovna
Associate Professor, Social Psychology and Psychology of Personality Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: afinna@mail.ru

Bunyaeva Maria Vladimirovna
Lecturer, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: rosemary777@list.ru

Kovsh Ekaterina Mikhailovna
Postgraduate student, Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: emkovsh@sfedu.ru

Зинченко Елена Валерьевна
доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: el-val-zin@mail.ru

Рудя Ирина Александровна
магистрант кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: irina-rudja@rambler.ru

Лукьяненко Марина Алексеевна
заведующая кафедрой психологии филиала Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, доцент, кандидат психологических наук
Служебный адрес: ул. Кубанская, д. 200, г. Славянск-на-Кубани, 353560
E-mail: lukyanenko_m@inbox.ru

Михайлюк Елена Борисовна
доцент кафедры психологии управления и юридической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: inst.psi@mail.ru

Манукян Галина Ивановна
преподаватель Института психологии, управления и бизнеса Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, специалист, тренинговый аналитик и супервизор Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии (Россия)
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: inst.psi@mail.ru

Zinchenko Elena Valerievna
Associate Professor of The Department of Social Psychology and Psychology of Personality, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: el-val-zin@mail.ru

Rudia Irina Alexsandrovna
Master Degree Student, Social Psychology and Psychology of Personality Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: irina-rudja@rambler.ru

Lukyanenko Marina Alekseevna
Head of Psychology Department, Branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban, Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 200, Kubanskaya St., Slavyansk-on-Kuban, 353560
E-mail: lukyanenko_m@inbox.ru

Mihajljuk Elena Borisovna
Associate Professor, Department of Psychology of Management and Legal Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: inst.psi@mail.ru

Manukjan Galina Ivanovna
Lecturer at the Institute of Psychology, Management and Business Academy of Psychology and Educational Sciences of the Southern Federal University, Specialist, Training and Supervising Analyst at the European Confederation of Psychoanalytic Psychotherapy (Russia)
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: inst.psi@mail.ru

Сидоренков Андрей Владимирович
заведующий кафедрой психологии управления и юридической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, профессор, доктор психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: sav@micro-cosm.ru

Дейнекина Анастасия Сергеевна
студентка 5 курса кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: vaderova@gmail.com

Обухова Юлия Владимировна
преподаватель кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: uvobukhova@yandex.ru

Касьянова Дарья Владимировна
студентка Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, бакалавр социологии
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: kasyanova.darya94@mail.ru

Романович Татьяна Леонидовна
магистрант Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: romanovich2008@mail.ru

Бабиянц Каринэ Артемовна
доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, руководитель психологической поликлиники АПП ЮФУ, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: rgupsyf@inbox.ru

Sidorenkov Andrey Vladimirovich
Head of the Department of Psychology of Management and Legal Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Professor, Doctor of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: sav@micro-cosm.ru

Deynekina Anastasia Sergeevna
5-year Student of the Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Academy of Psychology and Educational Sciences of the Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: vaderova@gmail.com

Obukhova Yulia Vladimirovna
Lecturer, Department of Social Psychology and Psychology of Personality, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: uvobukhova@yandex.ru

Kasyanova Darja Vladimirovna
Student of the Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Bachelor of Sociology
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: kasyanova.darya94@mail.ru

Romanovich Tatyana Leonidovna
Master Degree Student, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: romanovich2008@mail.ru

Babiyants Karine Artemovna
Associate Professor, Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Head of the Psychological Polyclinic of APES SFU, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: rgupsyf@inbox.ru

НАШИ АВТОРЫ

Белова Екатерина Владимировна
доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: prokopeon@mail.ru

Богуславская Виктория Федоровна
доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: vikbog04@yandex.ru

Кайдановская Ирина Анатольевна
доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: kai.ir@mail.ru

Мануйлова Ольга Валерьевна
аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: olenkasmil@mail.ru

Мартыненко Тимофей Сергеевич
студент 2 курса кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: timoteush@mail.ru

Коломийченко Елена Валерьевна
аспирант кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: elena5851@gmail.com

OUR AUTHORS

Belova Ekaterina Vladimirovna
Associate Professor, Department of Social Psychology and Psychology of Personality, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: prokopeon@mail.ru

Boguslavskaya Viktoriya Fedorovna
Associate Professor, Department of General and Pedagogical Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: vikbog04@yandex.ru

Kajdanovskaya Irina Anatol'evna
Associate Professor, Psychophysiology and Clinical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: kai.ir@mail.ru

Manuylova Olga Valerjevna
Postgraduate student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: olenkasmil@mail.ru

Martynenko Timofey Sergeevych
2nd-year Student of the Department of Clinical Psychology and Psychophysiology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave, Rostov-on-Don, 344038
E-mail: timoteush@mail.ru

Kolomijchenko Elena Valerjevna
Postgraduate student, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: elena5851@gmail.com

Обухова Светлана Георгиевна
преподаватель кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: psyhfakozo@mail.ru

Попова Юлия Александровна
магистрант 1-го года обучения Академии педагогики и психологии Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: julie_1994_14@mail.ru

Черемисова Ирина Валерьяновна
заведующая кафедрой психологии Волгоградского государственного университета, доцент, доктор психологических наук
Служебный адрес: пр. Университетский, д. 100, г. Волгоград, 400062
E-mail: irinarusa@inbox.ru

Шкурко Татьяна Алексеевна
доцент кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: shkurko@sfedu.ru

Ломова Мария Анатольевна
магистрант кафедры социальной психологии и психологии личности Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: ladysinger@mail.ru

Глушко Надежда Ивановна
магистрант 2-го года обучения Академии педагогики и психологии Южного федерального университета
Служебный адрес: пр. М. Нагибина, д. 13, г. Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: leksa_n@list.ru

Obukhova Svetlana Georgievna
Lecturer, Department of Psychophysiology and Clinical Psychology, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave, Rostov-on-Don, 344038
E-mail: psyhfakozo@mail.ru

Popova Yulia Aleksandrovna
1st year Master Degree Student, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: julie_1994_14@mail.ru

Cheremisova Irina Valerjanovna
Head of the Department of Psychology, Volgograd State University, Associate Professor, Doctor of Psychological Sciences
Official address: b. 100, University Ave., Volgograd, 400062
E-mail: irinarusa@inbox.ru

Shkurko Tatyana Alekseevna
Associate Professor, Department of Social Psychology and Psychology of Personality, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Candidate of Psychological Sciences
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave, Rostov-on-Don, 344038
E-mail: shkurko@sfedu.ru

Lomova Maria Anatolievna
Master Degree Student, Department of Social Psychology and Psychology of Personality, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave, Rostov-on-Don, 344038
E-mail: ladysinger@mail.ru

Glushko Nadezhda Ivanovna
2nd year Master Degree Student, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: leksa_n@list.ru

НАШИ АВТОРЫ

Филатов Филипп Робертович
доцент кафедры общей и педагогической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, член правления Европейской Конфедерации Психоаналитической Психотерапии (ЕКПП-Россия), кандидат психологических наук
Служебный адрес: пр. М. Нагибина д. 13, Ростов-на-Дону, 344038
E-mail: filatov_filipp@mail.ru

OUR AUTHORS

Filatov Philipp Robertovich
Associate Professor, General and Pedagogical Psychology Department, Academy of Psychology and Educational Sciences, Southern Federal University, Board Member of the European Confederation of Psychoanalytic Psychotherapy (ECPP-Russia)
Official address: b. 13, M. Nagibina Ave., Rostov-on-Don, 344038
E-mail: filatov_filipp@mail.ru

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Требования к публикациям

Статьи принимаются в распечатанном и электронном вариантах в формате редактора Word, набранные 14-м кеглем через 1,5 компьютерных интервала (все поля по 2,0 см), объемом от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. При наборе использовать стандартные гарнитуры шрифта: Times или Arial.

Цитированная в статье литература (автор, название, место, издательство и год издания) приводится в алфавитном порядке в виде списка в конце статьи. Литература на иностранных языках дается после отечественной. В тексте ссылка на источник делается путем указания (в квадратных скобках) порядкового номера цитируемой книги или статьи, через запятую – цитируемых страниц (например, [42, с. 561]). Рисунки представлять отдельными файлами в формате TIF или PDF с распечатками и перечнем подрисуночных подписей. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи.

К статье прилагаются аннотация и ключевые слова объемом не более 0,5 с., а также сведения об авторе:

1) фамилия, имя и отчество;
2) домашний почтовый адрес с индексом, телефон;
3) специальность, ученое звание;
4) место работы и должность, почтовый адрес места работы, с индексом, служебный телефон;
5) электронный адрес (e-mail).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ, НАЗВАНИЕ СТАТЬИ, АННОТАЦИЮ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СЛЕДУЕТ ПРЕДОСТАВИТЬ ТАКЖЕ И НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.

По всем вопросам публикаций обращаться по адресу:
344038, г. Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, д. 13, к. 518, редакция
Тел. +7 (863) 243–15–17; e-mail: rpj@bk.ru